

Яков Пикин

ГАСТРОНОМ

18+

Яков Пикин
ГАСТРОНОМ

«Автор»

2026

Пикин Я.

ГАСТРОНОМ / Я. Пикин — «Автор», 2026

Безобразный черт, устроившийся на шее человека, ожившие чучела животных в краеведческом музее, бандиты с головами питона, курицы и крокодила. Майор полиции, превратившийся в орла, чтобы улететь за границу. Конечно же, всё это выдумка автора, скажете вы, и будет правы. Но что если автор хотел уже выбросить написанный им бред, а ему не дали это сделать высшие силы, которые умеют заходить в выдуманные писателями пространства и расхаживать там? Только представьте, что вы живёте в выдуманном мире, где вы и окружающие просто персонажи повести, а над вами где-то в другом мире автор произведения – бог, который спускается к вам однажды, чтобы предложить...тоже стать богом. Ерунда, скажете вы. Не спешите отказываться. Ведь альтернатива может быть очень не приятной.

© Пикин Я., 2026

© Автор, 2026

Яков Пикин ГАСТРОНОМ

ЯША ПИКИН

Моему другу Илье Рабиновичу

Гастроном

роман

Входит Вечер в Настоящем, дом у чёрта на куличках.

Иосиф Бродский.

Аннотация

В маленький Сибирский город под названием Счастливый прибывает загадочный старик-еврей с ларцом подмышкой. С его появлением в городе начинают происходить странные вещи. Во –первых, все чучела зверей в местном музее оживают. Во-вторых старуха-бомж, которая первая встретила старика, превращается ни с того ни с сего в английскую леди. В третьих, хилый серо-ольшаник в местном лесу оборачивается вдруг рощей платанов. Дальше- больше. Бандиты, орудующие в городе, сами начинают истреблять друг друга. Оперная певица, у которой не получают женские арии, а получают лишь мужские, лишается головы, но не для того, чтобы умереть, а чтобы исправить голос. Жители скромного пятитысячного сибирского городка в целом получают возможность ходить обедать во французский ресторан, будто они живут в Париже. И всё это благодаря странному старику-еврею, который, как вскоре выяснится, вовсе не старик, а временное пристанище некоего «Вселенского Духа», как он сам себя называет.

Конечно, Дух не был бы Духом, если бы у него не было при этом ещё некой тайной миссии. Миссии, о которой он не распространяется. Как выяснится дальше, тайная миссия эта касается некоего молодого человека, который работает в ресторане поезда «Москва-Хабаровск» поваром. Что же нужно Вселенскому Духу, от скромного молодого человека? Зачем он сошёл с небес в крошечном Сибирском городке, притворившись старым евреем?

Об этом рассказ.

Глава первая

Мартовским туманным утром на перрон крошечной сибирской станции Счастливый сошел человек в черном твидовом пальто, байковых брюках от пижамы, домашних тапочках и бумажным пакетом с вареной курицей в руке. В другой руке он держал старинный сундук, массивный, кованый с потемневшими от времени металлическими частями и весь от низа до верха залепленный комочками присохшей грязи, как будто его лишь недавно выкопали из -под земли. Был этот человек преклонного возраста, сед, с большими карими глазами, чуть крючковатым еврейским носом и трехдневной щетиной, которая проглядывала еще темными островками на щеках и под подбородком. Вся внешность человека производила ощущение весьма странное и непривычное для здешних мест. И не потому, что он был евреем или был странно одет. К этому как раз в сибирских городках привыкли. А потому, что держался он легко, как –то необычайно радостно и что больше всего поражало –так это свет, который излучали его

глаза. Свет, который заставлял людей, нечаянно увидевших старика, останавливаться и смотреть ему вслед, а затем бежать сломя голову совсем не в том направлении, в котором шли, отчаянно мотая головой. В этот ранний час на перроне была лишь пара грязных детей азиатского вида, которые, увидев старика, тут же подбежали к нему и стали кланяться деньгами. Человек, улыбаясь, поднял руку с промокшим снизу пакетом и протянул детям. Внезапно пакет снизу прорвался, и курица солдатиком нырнула в грязь.

- Дяденька, ну дайте на хлебушек... – привычно заканючил таджичёнок, даже не посмотрев на курицу.

Старик, ничего не сказав, протянул руку, погладил мальчика по голове и все с той же загадочной улыбкой пошел дальше.

Семья таджиков, мать, отец, двое мальчиков и девочка, наблюдавшая за этой сценой из под тёмной арки дома, дождалась пока старик скрылся из виду и вышла на свет. Мальчик, который просил на хлеб, подбежал к отцу и спросил:

- Пап, у меня получилось?

- Да, Дамир, ты молодец. – Сказал он. - Я думаю, ты станешь хорошим актёром со временем. Если не бросишь, конечно, посещать студию. Умница. Так похоже сыграть!

Мальчик радостно улыбнулся. Второй мальчик, как видно, его брат, подойдя к отцу, спросил в свою очередь:

- А я молодец, пап?

- И ты молодец, Ахмед. Вы оба молодцы. – Похвалил отец.

- А я? - Спросила девочка, которая не участвовала в сцене попрошайничества, но тоже хотела, чтобы её похвалили.

- И ты. – Сказал отец, прижав голову девочки к себе.

К остановке перед которой они стояли подошёл рейсовый автобус. Когда двери открылись, мать стала подталкивать детей к автобусу, говоря:

- Поехали обедать скорей. Бабушка нас заждалась наверно.

Тем временем старик с ларцом подмышкой, завернув за угол дома, столкнулся там у помойки с некой старухой – жалкой, оборванной, раздутой от надетого на нее тряпья. На старухе был надет темно-синий дождевик, в которых ходили ещё в 70-х, и такая же непромокаемая косынка. Увидев старика, старуха, бросив копаться в мусорном баке, упала вдруг на колени, подползла к нему, обняла его ноги и заплакала, прижавшись своей безобразной головой к его бедру.

- Батюшка, отец родной, прости меня грешную, - шептала она. – Прости...

- Ну, полно, полно тебе... - стал он гладить её по голове. – Не за что мне тебя прощать. Нет на тебе греха. Иди по с богом...

Старуха, перекрестившись, отпустила ноги прохожего, закивала, размазывая по лицу слезы, отползла от него и поклонилась до земли.

- Сумасшедшая надо же, - проворчал приезжий, направляясь дальше.

Отойдя от старухи, он прошёл вдоль какого-то длинного здания с флагом у подъезда, видимо, мэрии и вскоре скрылся в тумане. Старуха, подняв голову, разогнулась и посмотрела, ушёл ли старик. Подождав немного, она встала и глянула осторожно за угол. Удостоверившись, что старик ушёл, она вновь юркнула в подворотню, скинула с себя лохмотья, оставшись в довольно приличном костюме из английской шерсти, сняла с головы клеёчатую косынку, а с ней и безобразный выдавший виды парик. Затем вытащила изо рта и выбросила в помойку накладные старушечьи зубы. После этого, поддев тряпье носком ботинка она отфутболила его в сторону помойки и направилась в сторону ближайшего таунхауса, как видно, тоже обедать.

Городок Счастливый был не то чтоб велик. Три тысячи жителей в зимнее время и пять тысяч в летнее. Начиная с июня в Счастливый наезжали туристы из Благовещенска, Томска и Биробиджана. Были здесь отличные озера, охота и рыбалка. Зимой в основном город кормила лесозаготовка. Работали на трелевщиках испитые мужики – грубые, с обветренными лицами, жесткими, как трелевочный ухват руками, узловатыми пальцами и испитыми, злыми лицами. Раз в день приходили они обедать в единственное в городе кафе под названием «Юбилейное». Перед ним и остановился сейчас седой еврей, рассматривая большое объявление «СДАМ В АРЕНДУ. ПРОДАМ». Судя по тому, как зашевелились губы у старика, он пытался запомнить наизусть телефонный номер, который был приписан внизу объявления. Для большей запоминаемости он даже стал чертить в воздухе пальцем невидимые цифры, затем снова сверил с написанным и лишь удостоверившись, что запомнил, подбросил под рукой сундук и отправился дальше.

Судя по тому, что шел старик озираясь, медленно, то и дело замирая, местности он не знал. Иногда он делал попытку остановить кого –нибудь из прохожих, чтобы спросить, где то место, которое он ищет, они, благожелательно выслушав его, охотно показывали, один в одну сторону, другой – в другую. И старик шёл. Но вскоре приходил совсем не туда, куда ему нужно. Тогда он перестал спрашивать и стал идти по какому-то внутреннему компасу, который был у него в душе.

Странно, но даже то, что он никак не мог найти места, в которое ему надо, это не портило ему настроения. Светило ярко солнце. Было свежо. На двух сопках, возвышающихся над городом, лежал снег. Качались верхушки сосен в лесу невдалеке. Старик шмыгал носом, подбирая под рукой сундук, оттягивающий ему руку. Но ему всё равно было радостно и в глазах его светилось дружелюбие.

Вдруг, возле одного дома, большого, черного, белыми рамами, на дверях которого было написано: «Краеведческий музей» и чуть ниже: «Сдается комната. Оплата вперед», старик замедлил шаг. Кашлянув и поправив воображаемый галстук, старик постучал в дверь и начал ждать. Никто ему не открывал.

Когда старик в очередной раз уже занес руку, чтобы постучать, за дверью, наконец, послышалось чьё-то кряхтение, после этого повернулся ключ в замке, лязгнуло дополнительно засов, дверь, наконец, открылась и наружу высунулась всклокоченная голова существа еще более странного вида, чем сам старик. Было существо человеком лет пятидесяти, одетое в пиджак на голое тело, в ватные брюки, которые свисали у него с бедер на ноги двумя бесформенными мешками, и которые существо то и дело поддерживало то одной, то другой рукой, чтобы они не упали. На голове мужчины была кроличья шапка, такая засаленная и старая, что давно потеряла форму и вид, на шее был шарф, а в зубах он держал не прикуренную папиросу.

- Какого хера? – Спросило существо, распахнув дверь. – Музей с десяти!

- Простите, не знаю, как к вам обращаться... - вежливо произнёс старик.

- Да называй хоть бедной Настей! – Сипло перебило его существо. – Написано же по-русски, что музей с 10- ти. Еще скажи, что ты читать не умеешь!

- Я, собственно, как раз прочитал, что у вас тут сдается и хотел спросить... – загундел приезжий, у которого от долгого хождения по холоду похоже появился насморк.

- Как к вам, всё-таки обращаться?

- А-а... Ну, Семен я, Аверьяныч, и чё? – Сказало существо. – Спички есть?

Когда старик в ответ помотал головой, виновато улыбнувшись, существо подозрительно оглядело его с головы до ног, потом сказало:

- Пятьдесят рублей. В день! Баб не водить, тошно от них, грязь и вонь, водки не пить, папирос не курить, жрать не готовить. Тут музей. Если пойдёт – заходи.

- Очень, очень пойдет! – Радостно закивал старик, заходя боком в дверь.

- Ну, значит так. –Сразу превратившись в гида по музею начал Семен Аверьяныч, как только старик вошел и прикрыл за собой дверь:

- Это, стало быть и есть наш единственный в городе краеведческий музей.

Обратите внимание на стенд слева. В нем широко представлена богатая фауна наших мест –заяц беляк, песец белый, глухари и черно –бурая лиса и волк. В прошлом году наш зверосовхоз всех лис, кстати, поубивал, –

зачем -то вспомнил он некстати, - а песцов половину сожгли.

- Почему? –Сразу схватившись за сердце, спросил старик.

- Так их кормить нечем было! То есть, поначалу их кормили рыбой, но она быстро кончилась, потом друг дружкой, ну, а уж потом...Вас самого, как величать –то? –спросил он.

-Шломо, –потрясенно сказал старик. –Можно Соломон. Отчество это... ну, называйте Шекспирович!

Он порылся в кармане пальто, нашел конфетную обёртку, подобранную, как видно, на улице и словно в доказательство протянул его обитателю музея. Тот посмотрел «документ», сверил «фотографию», закрыл важно обёртку, как паспорт и передал его назад Соломону, затем также пафосно продолжил:

- Флора у нас особая...- Однако подойдя вплотную к стенду, он вдруг осекся и сказал:

- Слушай, ну ее к лешему эту флору! Давай –ка по сто пятьдесят за знакомство, а? Ты это...деньги вперед за сколько можешь дать?

- Так водку же не пить...-вспомнил гость.

- Да ну тебя к лешему! Ты серьезно чё –ли?..Поверил?

И Семен Аверьяныч закатился долгим, сильным смехом. –Ладно. Сколько есть?

- Вам...нужны деньги? -спросил вдруг Соломон, посмотрев отчего -то на сундук.

- Да –к, хорошо бы...- почесал в затылке сторож, тоже поворачиваясь к сундуку.

- Знаете, денег у меня нет.

- Но как ж тогда? – Удивился сторож

-А хотите кое –что получше?

Глава вторая

Сказать, что Клаве Авертовой опротивела эта жизнь, значило, не сказать ничего. Утром она вставала, готовила завтрак мужу, провожала его на работу, потом шла в ванну и подолгу смотрела на себя в зеркало, на свое одутловатое лицо, оплывшую шею, на появляющиеся вокруг глаз морщины, на нависшие над бедрами бока, на белую кожу в подмышках, и этот осмотр каждый раз приводил ее в такое отчаяние, что вернувшись в комнату, она начинала что-то быстро делать, метаться по комнате, напевая громко нечто невообразимое, какие –то синкопические рулады на тему «умалишенные бесятся», затем внезапно останавливалась, поднимала вверх голову и срывалась на вой. Успокоившись, она вдруг говорила:

- Погоди-ка, но ведь у меня же есть бальзам молодости, подаренный мне самим Создателем!

Тут она снова принималась перекладывать вещи с места на место, пока не находила баночку, которую она с крайним трепетом открывала, наблюдая за игрой света на стенах комнаты. Аккуратно, как святыню, она макала в состав ватный диск и после этого начинала обмывать лицо, затем талию, после этого шею и, в конце концов, подмышки. Сразу после того, как состав впитывался, о, чудо, лицо становилось свежим, жир исчезал, подмышки приобретали красивый, загорелый вид, а шея так и просилась на фото для гламурного журнала.

Удовлетворённая такими переменами, Клава куда уже медленней перестилала кровать, начинала двигать шкафы, переставлять тумбочки и ширму, то есть, делать всё, то, что обычно делают женщины, когда им хочется перемен в жизни. Закончив перестановку, Клава хватала

ведро и тряпку и с каким –то ожесточением начинала мыть и скрести полы. Потом снова шла ванну и снова смотрела на себя, словно уборка в квартире могла что –то испортить в ее внешности. Но ничего не менялось, всё было очень хорошо, однако ещё пару раз нет-нет, да она подходила к зеркалу, чтобы украдкой посмотреть на себя и проверить, всё ли нормально... К обеду ее обычно отпускало. Наливая себе суп, она думала: всё-таки очень важно верить в Творца. А без веры, какая же это жизнь? Всё становится совсем беспросветно. Закончив с супом, она брала поваренную книгу, подаренную ей злющей свекровью, и исписанную уже вдоль и поперек ручкой, и начинала выбирать блюдо на ужин:

- Так... рыба отварная с картофелем и шпиком, - читала вслух она и тут же комментировала: - Мне еще только сала не хватало для полного счастья. Так, «Котлеты телячьи паровые». Где ж ее взять телятину –то, хотя...

Клава открывала холодильник и заглядывала в морозилку. Вытащив из пакета кусок мяса, она подносила его к лампочке и начинала разглядывать. От электрического света мясо искрилось миллионом веселых огоньков. Изучив его, Клава вздыхала и откладывала кусок:

- Вот и разбери телятина это или свинятина... - проворчала она.

Однако настроение у неё не портилось. Глядя на искрящееся от инея мясо, она вдруг вспоминала новогодний вечер в школе, когда ее выбрали королевой бала. Платье, привезенное тогда отцом –моряком из –за границы произвело в среде её подруг настоящий фурор. Белое, с золотыми оторочками и искрящемся от света жуком –скарабеем на груди –красота! Девичата одноклассницы просто кусали губы от зависти. Клаву тогда пригласил тогда на танец Сергей Милов, известный в школе ловелас и лидер всех поселковых сорвиголов. Да, вот же было время. Не то, что сейчас! Клава отложила в сторону поваренную книгу и посмотрела в окно. «Почему в детстве все представляется не так, как оно есть на самом деле?» - думала она.

Вспомнив, что ей надо придумать меню и привести дом в порядок, она встала и опять заметалась по комнате. Но потом, что –то вспомнив, села на табурет, положив ладони на колени. Позавчера она уже совсем хотела порвать с Андреем и уехать жить к маме. Эта его новая выходка... Кинул в неё котлетой. Никто, никто с ней никогда так не обращался! Как он мог! Взять и кинуть в женщину ужином, подлец! Да, она подгорела! Но как еще тут можно приготовить на этой плитке и на такой сковороде!

Клава подошла к плите, взяла тяжелую, закопчённую алюминиевую сковороду и со стуком поставила ее на место. А ведь она хотела поступить в школу стюардесс, уехать в Москву!

Как, как получилось, что она оказалась в этой дыре с таким... мужем! Правда, как? Ты можешь прийти к нему в постель вся благоухающая после чудесного бальзама из баночки, красивая, как богиня, а он и не заметит. Боже, но ведь сначала все было так хорошо –они мечтали о семье, о детях, строили планы на будущее. Куда, куда все девалось? Здесь даже дела своего не открыть, всюду, взятки, взятки, поборы... Клава опять схватила поваренную книгу, словно в ней только и было спасение, и решительно стала листать страницу за страницей.

- Так, «солянка по –грузински» - не пойдет, вина дома нет. «Мясо с айвой» -исключено, не сезон для айвы. «Чанахи». Боже, ну где, где я сейчас возьму баклажаны и зеленую фасоль? – Задав себе этот вопрос, она едва не зарыдала. Схватив со стола большую кастрюлю, она, сунув туда чуть ли не целиком голову, прокричала туда:

- Где мне это всё взять, спрашиваю?

Кастрюля едва откликнулась ей слабым эхом. И тут в её квартире погас свет.

Глава третья

- Это у нас обычное дело. – Продолжал разговаривать со стариком сторож, поглядев на погасшую в музее лампочку. - Иногда на час выключают, а иногда на весь день!

Семен Аверьяныч, изрядно нагрузившись столовым вином номер 21, которую Соломон Шекспирович волшебным образом достал откуда-то, шел со свечкой по музею. В руке он держал стакан, тоже наполовину заполненный водкой. За ним, слегка пошатываясь, всё с той же доброй улыбкой на лице, плелся Соломон. Одет он был уже не в пижаму и тапочки, а в костюм из английской шерсти, неизвестно откуда на нём появившийся и на его шее ещё вдобавок красовался шарф, который одолжил ему Семен Аверьяныч. Также, как и у сторожа, у него в руках был стакан.

- Вот, подойдя к какому –то экспонату, который трудно было различить в темноте, сказал сторож:

- Это он и есть.

- Кто? –удивился Соломон.

- Медведь.

- А что он тут делает? –Спросил Соломон, с удивлением разглядывая чучело. - Он ведь должен бегать в лесу!

- Нет, –возразил Семен Аверьяныч. –Этот уже в лесу быть не может. Этот уже отбежался. – и Семен Аверьяныч снова зашелся своим фирменным, сиплым смехом:

- Это уже не медведь! –Отсмеявшись, сказал он.

- А кто? –Весело спросил Соломон

- Пидарас! –Уверенно сказал Семен Аверьяныч, разглядывая медведя. –Настоящий пидарас! Вот так они на самом деле и выглядят, выродки эти. Смотри, ростом меньше россомахи, глаза стеклянные, жопой пол метет. Вылитый пидарас, прости меня, Господи...

- Ничего, ничего...-сказал Соломон. - И давно он тут?

- Да-к, хрен его знает! Лет пять, может, или десять. Или больше...

- Свеженький еще. –Похвалил чучело Соломон, потрогав экспонату нос.

Семен Аверьяныч подошел к столу с табличкой «Вахтер», прилепил свечку, поставил оба стакана и разлил остатки водки.

- Ну, вздрогнем? –Сказал он и выпил один. Его тут же всего передернуло винтом, отчего губы запрыгали, а ноздри широко открылись и затрепетали.

- Гадость, конечно, из нефти делают! Но пить можно.

Соломон, в свою очередь, тоже понюхал водку, пригубил и покачал головой:

- Горючее, действительно. Хотя пить можно, - согласился он и поставил стакан на стол.

- Ты что, не будешь? –Спросил его сторож.

- Да как -то боязно, знаете, после ваших слов.

- Ну, как хочешь! –сказал Семен Аверьяныч, и взяв стакан Соломона, залпом его осушил.

Внезапно за спиной Семена Аверьяныча появилась тень, которая по- звериному засопев, шмыгнула за угол. Сторож застыл с открытым от ужаса ртом и медленно обернулся. За спиной у него никого не было.

- Вы ничего сейчас не слышали? –Спросил он у Соломона, повернувшись к гостю.

- Нет, –сказал тот. –Хотя...был какой –то шорох, как мне показалось.

- Шорох? Да тут как –будто паровоз пронесся. Может, влез кто? Пойду –ка я посмотрю...-сказал он. Но Соломон, ухватив его за рукав, отечески заметил:

- Вам мне, кажется, лучше б немного посидеть на месте...

- П-п-почему? – Заикаясь от страха, спросил сторож.

Однако ответа на этот вопрос не последовало, зато пространство перед Семен Аверьянычем внезапно искривилось, пошло волнами и засветилось непонятным лазурным светом, отчего на сердце у него стало легко, сладостно и безмятежно. Отовсюду из музейных залов послышались какие –то стоны, громкий шепот, раскаты грома и далекие крики. Воздух наполнился вдруг птичьим пением и звериным копошением. Словно в обморочном сне увидел Семен Аверьяныч, как лопнуло со звоном стекло в стенде «Наша фауна» и один за другим вылетели

оттуда сначала Сип Белоголовый, а затем глухарь. Рыская и обнюхивая всё, пробежали лиса и песец. Под конец раздался медвежий рык, а затем прошел по комнате на задних лапах симпатичный мишка, совсем не пидарас, и подойдя к гостю пару раз ткнулся Соломону в руку. Последней спрыгнула с головы Семена Аверьяныч кроличья шапка и скакнув пару раз, ударилась слепо о стенку, замерла и больше не шевелилась.

- Чудеса...- пробормотал Семён Аверьяныч, как во сне.

В это мгновение в музее снова включился свет. Семен Аверьяныч сидел, зажмурив глаза. Когда он их открыл, Соломон неторопливо отпивал из стакана, наполненным чем –то коричневатым, напоминающим по виду жидкий чай. Шапка спокойно лежала на полу, но сторож боялся её поднять. Гость подвинул к нему стакан, желая, видимо, чтобы тот угостился. Семён Аверьяныч потянулся было к стакану, но, увидев краем глаза, что шапка вроде, как снова поползла к выходу, упал головой на стол, так как потерял сознание.

Глава четвёртая

Примерно днём раньше до описанных событий начальник тюрьмы города Счастливого майор Сорокогуз подъехал на казённых «Жигулях» с фирменной окраской к железнодорожной станции и, поставив машину в тень, заглушил двигатель. Через пять минут в его машину сел таджик в национальном халате и тюбетейке, сдвинутой на затылок.

- Сколько раз тебе говорил, Мадохмедов, сними эти свои азиатские тряпки! –сказал ему майор. - Ты же как бельмо на глазу на станции! Скажи, ты еще кого –нибудь здесь видел в такой одежде?

- Извини, нача-альник, - улыбаясь, пропел азиат. –Нет времени в магазин сходить. Мамой клянусь, завтра куплю!

- Ладно. Выручку только сдай мне сначала. –Сказал майор. – А то знаю, оставь ты её у себя, всё потратишь. Да не светись ты! –Грубо одернул он вниз реку таджика, когда тот достал из –за пазухи пакет с деньгами. –Сколько здесь?

- Восемнадцать тысяч, начальник. С пяти точек и из поезда.

- Хорошо, мордвин доволен останется, – сказал Сорокогуз, пересчитывая деньги.

- Начальник, паспорт когда можно забрать будет –мой и жены? – Спросил таджик.

- Ты же знаешь, Одилжон, - по –отцовски мягко ответил Сорокогуз. –В любой гостинице, если ты живешь, паспорт изымается на время проживания. Так?

- Так, - сказал таджик, грустно кивнув.

- Да и паспорт –то у тебя вон зеленый какой. Куда ты с ним в России? –

Таджик опять грустно кивнул:

- Ну, так когда?

- Давай так, Мадохмедов, -сказал майор, - поработаешь еще, подкопишь денжат, и я тебе помогу российское гражданство оформить, годится?

- А не обманешь, начальник?

- Ты в армии служил, Мадохмедов?

- Нет.

- Точно нет?

- Больной мамой клянусь!

- «Больной мамой», –передразнил Сорокогуз. – А если бы служил, то знал, что русские офицеры никогда не обманывают. Иди, и наведи порядок среди своих. Что там у тебя творится?

Таджикские дети в это время, целый выводок, облепили на перроне какого –то седого старика, который горстями сыпал им в руки мелкие деньги, поданные ему до этого какими-то сердобольными гражданами. Из окон вагонов состава за этой сценой вяло наблюдали немногочисленные пассажиры.

Поезд притормозил на маленьком полустанке, чуть ли не наполовину проехав короткую платформу. Из близлежащих домов к перрону сразу устремились бабушки, держа в руках кастрюльки с варёной картошкой. Поезда дальнего следования этот полустанок обычно пролетали и его жители не могли сейчас упустить шанса, чтобы на этом заработать. Впереди, как видно, шли работы, или, может, пропускали Скорый и некоторые проводники, встав на цыпочки, высовывались из тамбурных дверей, дабы увидеть, что творится впереди.

Открыла свою дверь и проводница семнадцатого вагона Вера Моисеева. Старик-еврей, раздав мелочь, повернулся лицом к составу, оглядел его и остановил взгляд на Вере. Та тоже посмотрела на старика. Между ними произошёл безмолвный, но полный взаимопонимания разговор, после чего к Вере с полустанка, всколыхнув воздух, что заставило наблюдавших эту сцену старушек даже истово перекреститься, направилась некая прозрачная сущность, которая, войдя в Веру, задержалась в ней. После того, как в глазах Веры вспыхнул яркий огонёк, означавший, как видно, что процесс завершён, проводница кивнула старику, и после этого скрылась в вагоне, закрыв дверь.

Старик, впрочем, не торопился уйти, продолжая стоять на платформе и разглядывая вагон за вагоном. Вдруг к нему подошла одна из опоздавших бабулек с картошкой и спросила:

- Милок, не видал ты тут где -то ящик стоял?

- Какой ящик? – Не понял старик.

- А вот ящик пустой из под помидоров. Я на него товар ставлю нехитрый свой, картошечку вот, помидорки солёные, огурчики.

Старик покачал головой. Старуха начала вздыхать, суетится и хлопать себя по бёдрам одной рукой. В другой она держала авоську с товаром:

- Да как же это! Вот час назад здесь всего оставила! Ох, уж эти бичи эти проклятые, так и тащат на свои костры! Как же мне теперь, куда поставить?

- Хотите я сундучок вам свой одолжу свой на время? – Оживился старик, показывая на облепленный землёй ларец у себя под мышкой. – Он подойдёт вам, я думаю. А мне всё равно отойти надо. Только уж потом не забудьте мне его вернуть непременно.

- Ой, спасибо, тебе милосерд, - засуетилась старушка. – Дай бог тебе здоровья!

Продам товар свой и сразу верну, не сомневайся.

Старик дружелюбно кивнул старушечке, спустился по маленькой лестницы с платформы и пошёл зачем –то по насыпи в сторону вагону ресторана.

В это время шеф-повар вагона-ресторана Матвей Соболев как раз открыл дверь кухонного тамбура, чтобы впустить свежего воздуха. Открыв, он наткнулся глазами на старика, который стоял у дощатого забора и смотрел на него.

- Вас не затруднит сказать, куда едет поезд? - Спросил незнакомец Мотю, как ему показалось с лёгким иностранным акцентом.

Мотя оглядел пижамные штаны старика, домашние тапочки и вздохнул. Ещё один бич, подумал он, штампуют их тут что ли! Однако вслух лишь сказал:

- В Москву, дедуня. А вам то куда надо?

Старик промолчал, начав озираться, будто ища кого-то или вспоминая, куда ему надо.

«Бич, к тому же сумасшедший!», подумал Мотя, делая шаг назад и тихонько закрывая дверь в вагон, чтобы не видеть старика. «Таких полно здесь». Он вернулся к своим занятиям, то есть продолжил крутить фарш и резать колбасу на бутерброды, однако старик с его мучительной улыбкой не выходил у него из головы. Какое -то время он заставлял себя о нём не думать, но вдруг незаметно для себя снова очутился в тамбуре и открыл дверь на улицу. Старик всё ещё стоял возле поезда.

- Простите, вас как зовут? – Обратился вдруг к нему старик, будто точно знал, что Мотя к нему выйдет.

- Матвей, но можно Мотя. А что?

Сзади кто-то зашуршал. Повар обернулся, чтобы посмотреть, а когда повернулся обратно, старик уже стоял с ним рядом. Как это? Он даже не заметил, как тот забрался в вагон.

- Как это вы сюда забрались? – Пробормотал удивлённо Мотя.

- Спасибо, что пустили! – Весело сказал незнакомец, с шумом закрывая дверь за собой.

- А я вас и не... - Мотя хотел сказать, что и не собирался пускать его. Но старик его уже не слушал. Вместо этого он заговорил так, будто они были знакомы с ним целую Вечность:

- Представьте, я знал одного Мотю, который тоже был поваром. Но не в этой жизни, а... в другой. Он знает, такие порой чудеса творил, что пальчики оближешь! Ему даже кое-кто завидовал... Так вот, он совсем не зарабатывал, потому что писал книги. Но при этом у него была очень красивая жена, Дора, с которой он был счастлив.

В этот момент поезд дёрнулся. Однако не поехал. Старик озадаченно посмотрел в окно и спросил:

- Это какая же станция была?

- Точно не знаю. – Дёрнул плечами Мотя. Была ему охота каждую станцию в голове отмечать!

- Мне, знаете, надо в Счастливый. – Сказал старик. – Вы в курсе, где это?

Мотя, ещё раз оглядев старика, окончательно сделал вывод, что он не в себе. От такого нужно было избавляться, как можно скорее. Как же он влез? Вот же пройдоха!

- Вам в Счастливый что ли? - Обрадовался Мотя, распахивая тамбурную дверь. Он хотел, чтоб старик поскорее убрался:

- Это же здесь. Вот он, самый Счастливый город на свете! Выходите и сами убедитесь!

- Точно?

Старик, выглянув, подозрительно оглядел пространство справа и слева:

- Вы не ошибаетесь? Не похоже что –то.

- Клянусь! Это самое счастливое место на свете! – Стал уверять его Мотя, беря старика за рукав и подталкивая его к выходу:

- Посмотрите, какие забавные беспризорные псы тут гуляют, как красиво переливаются бензиновыми пятнами лужи, как художественно разбросаны всюду окурки, какие симпатичные азиаты-попрошайки, как блестят осколки бутылочного стекла в земле. Красота! Чем вам не Счастливый? А вон там вдалеке за забором ещё тюрьма. Вы только посмотрите, какая это прелесть! Как красиво отливает на солнце белый с желтизной кирпич. Вам сюда и никуда больше, будьте уверены! Следующая станция уже не ваша. Просьба освободить вагон!

Эту фразу он сказал голосом диктора метрополитена.

- А вы уверены, что этот город именно так называется Счастливый? Это важно.

Старик с серьёзным показав пальцем на улицу.

- Безусловно! – Опять взяв старика за локоть, развернул его Мотя к выходу. – Даже если это не так, мы его переименуем, вы и я. Хорошо. Пусть он будет Счастливым и точка. А вам здесь самое место среди счастливых людей. Договорились? Ну что, выходим?

- И вы со мной? – Спросил старик.

- Нет, увы, - засмеялся Мотя. – Мне придётся остаться. А вас я назначаю тут губернатором.

- Серьёзно? – Спросил старик.

- Клянусь! Вы тут всех осчастливите, я чувствую.

- Вы в это верите?

- Как в собственную маму!

- Тогда, может, вам лучше со мной? – Слегка качнувшись слегка в сторону выхода, но всё же явно не собираясь сходить, спросил старик.

- Ни в коем случае! – Театрально воскликнул Матвей, разворачивая его снова к дверям:

- Я не могу. У меня полно дел. Видите, это кухня, там вон продукты, мне всё это надо приготовить для пассажиров. А вы меня задерживаете. Так что счастья вам, бабушка!

- А вы знаете, я ведь тоже люблю готовить, - заявил вдруг ему старик, выскальзывая из его рук.

С этими словами, не обращая внимания на протесты Моти, он нырнул на кухню и стал по-хозяйски заглядывать в холодильники и рассматривать упаковки с полуфабрикатами, беря их в руки, спрашивая: «это что? Рагу из свинины. Так. А это...»?

- Хотя бы руки помойте с мылом, перед тем, как что-то трогать, - брезгливо сказал старику Мотя. – Вы же с улицы!

- Безусловно. - Старик, как фокусник, достал из нагрудного кармана пижамы весьма несвежий платок и отерев им шею и руки, спрятал его назад в карман.

- Ну-с? – Как –то весьма по-старосветски сказал он, - это, значит, и есть ваша кухня?

- Типа, - кивнул Мотя, начиная вдруг злиться. Старик оказался некстати назойливым. Зря он его пустил.

- Керосин, газ, уголь? – Деловито продолжил свой осмотр кухни гость, ныряя головой вверх и вниз.

- Уголь, - поморщился Матвей.

- Это же прелесть, как замечательно! - Воскликнул гость, засучивая рукава. - Позвольте?

Матвей, удивлённо взглянув на незнакомца, машинально отошёл в сторону. Тот взял кочергу и стал шерудить в топке плиты. Не был бы тот в годах, он бы задал ему трёпку за такие вольности! Вылетел бы с кухни, как шелудивый пёс!

- Уголь, мой друг, - продолжал тем временем гость, поставив в угол кочергу и продолжая дотошно осматривать кухню, - вернее, его добыча, великое достижение человечества. Есть достоверные сведения, что и Вавилон, и Греция и Древняя Иудея готовили на угле. Знаете об этом?

Продолжая говорить, старик взял снова кочергу и начал ловко двигать на плите кастрюли, потом, открыв конфорку и пошерудив там немного, закрыл обратно. Матвей покачал головой. Надо же, старик, а понимает, что нужно делать. Может, правда, взять его? А его кухонный рабочий Серёга вечно под кайфом.

- Уголь вы не правильно сыплете, - тоном, не допускающим возражений, заявил тем временем его незваный гость, - чересчур много кинули, и из -за этого он не горит хорошо! Надо понемногу сыпать, тогда и экономия будет, и жар...

Говоря, старик, стараясь действовать незаметно, стащил одно яйцо из клетки на столе и сунул его себе в карман. Мотя сделал вид, что этого не заметил.

- Посторонним на кухню вообще -то вход запрещён, - повторил Мотя, начавший уже откровенно жалеть, что пустил человека с улицы.

- Это вы правильно говорите, - будто не замечая его недовольства, сказал старик, - А что если я попрошусь к вам на работу, пока мы не прибудем на место, как вы на это посмотрите?

- То есть, как это – на работу? - Удивился Матвей. Здесь так не положено. Оформляет отдел кадров, и потом медкомиссию ещё пройти надо...

- Ах, да, - шлёпнул себя по лбу гость. - Точно! Как же я забыл про медкомиссию! Ну, тогда...- он развёл руками и тут его взгляд упал на противень с фаршем, что стоял под мясорубкой.

- А это что у вас, неужто фарш?

- Да, это фарш, - выдохнул Матвей, которого присутствие еврея уже стало угнетать.

- Дайте мне его немедленно и я налеплю вам шайб такой правильной формы, что ими захотят поиграть. –Заявил он.

- Вот ещё! –Буркнул Матвей, отдвигая от старика противень. Нет, ну надо же, как привязался!

- Почему нет?

Удивился старик. Нежелание Моти общаться с ним, кажется, смертельно его обидело.

- Вот что,- сказал Мотя. – Раз вы такой настырный, я так и быть схожу к директору, спрошу, можно ли вас взять. Но имейте в виду, ответ будет скорее отрицательный. И тогда вы без разговоров уйдёте. Хорошо?

- Конечно, конечно, - закивал старик. – Непременно сходите и спросите.

Разумеется, директор Дина Петровна и слышать не захотела ни о каком старике.

- Как тебе это вообще в голову могло прийти, Матвей, пустить себе на кухню кого –то?
- Спросила она, вставая и делая два шага за ним. –Гони всех вон!

Мотя шёл на кухню полный решимости выставить старика без разговоров. Но когда он вернулся, всё решилось само собой. Дверь в тамбур была закрыта. Старик, это он увидел через стекло, стоял на улице и также потерянно озирался по сторонам. Моте вдруг стало жалко его. Зайдя на кухню, он взял с противня варёную курицу сунул её в пакет, открыл дверь и сунул старику:

- Во. Это вам за лекцию об угле, -сказал он. – Будьте счастливы в городе Счастливом!

После этого она закрыл дверь уже на замок. В этот самый момент объявили отправление.

- Мне кажется, останьтесь вы здесь, счастливых людей в городе стало бы на одного больше, - проворчал себе под нос старик, глядя на пустой перрон, поднимаясь на цыпочки и видя, как улепётывает с перрона в сторону сбившихся в кучу домиков на окраине леса на своих коротких ногах с его ларцом подмышкой бабуля.

В ту же секунду, он каким-то непостижимым образом оказался стоящим уже перед бабулей, выставив перед ней регулировочным жестом ладонь:

- Стопэ!

- Ой, а я думаю, куда это вы делись, - заговорила сразу елеиным голосом бабка, опуская ларец на землю и воровато бегая глазами по сторонам. – Думаю, куда же делся этот симпатичный старичок в тапочках на босу ногу. И сундучок он свой у меня не забирает. Дай, думаю, возьму его с собой, а то кто-нибудь стащит! Уж больно хорошая подставка. А оставлять тут нельзя. –Шёпотом сказала она, приложив ладонь ко рту:

- Одни бичи у нас тут кругом. Так и лазят. Так и тащат всё в костёр! Вы возьмите, возьмите ларчик-то свой.

Она подвинула сундук к нему ногой. Старик наклонился, поднял ларец и сунул его себе подмышку.

- Всего доброго. – Попрощался он, уже без прежней доброжелательности.

- И вам, вам не хворать! –Всё также бегая глазами по сторонам, сказала бабка. Когда старик отвернулся, чтобы уйти, она поджала губы, будто собиралась плюнуть ему вслед. Старик сделал шаг, но вдруг обернулся и внимательно посмотрел на бабку, словно желая ее запомнить.

- Ага, - ну всего, - сказала она, посеменив к домикам.

Старик, проводив её немного глазами, повернулся и пошёл снова к платформе, за которой возвышался маленький, похожий на будку станционного сторожа вокзал.

- Милоч! – Вдруг окликнула его бабка.

Старик снова обернулся.

- А что это у тебя такое тяжёлое в ларчике? – Показала она пальцем.

- Не ваше дело, сударыня! - Огрызнулся он.

- Подумаешь, -сказала бабка, поджав обиженно губы и подтянув узелок платка.

Вернувшись на платформу и пройдя почти всю её, старик подошёл к крошечному вокзалу. Рядом с ним непонятно откуда возник таджик и жалобно проскулив «подайте на питание», протянул к нему руку ладонью вверх. Старик посмотрел на таджика, на его руку, проворчал: «конечно, да», вытащил из кармана сырое яйцо, которое украл в ресторане и дал его. Таджик взял яйцо, покрутил его в руках, отошёл на пару шагов и бросил яйцо на пути.

Снизу тут же с путей послышался цыплячий писк, на который таджик, занятый своими мыслями, не обратил никакого внимания.

Старик зашёл на вокзал, сел на одно из кресел в зале ожидания, закрыл глаза и сразу задремал.

Майор Сорокогуз выехал на трассу и поехал в сторону ближайшей большой станции, а именно Биробиджан на большой скорости, чтобы успеть приехать туда раньше Хабаровского поезда. Он всегда так делал. По дороге он то и дело бросал взгляд на часы на панели. Ничего, он успеет. Всегда успевал.

Поезд «Москва –Хабаровск» прибыл на станцию Биробиджан из-за непредвиденной остановки с некоторым опозданием. На перроне уже царил привычная в таких случаях неразбериха. Мелькали пассажиры с чемоданами и авоськами, торопились провожающие, суетились всё те же бабушки с варёной картошкой в кастрюльках, солёными огурцами и подсолнухами в кульках.

- Внимание! Из опоздания поезда, стоянка сокращена на пятнадцать минут. –Бесстрастно объявила привокзальный диспетчер по громкоговорителю.

Прибывшие и отъезжающие забегали быстрее. Майор Сорокогуз вылез из машины, посмотрелся в зеркало заднего вида, заправил в штаны, рубашку, одернул пиджак и пошел к поезду. У штабного он тепло поздоровался с человеком в форме бригадира проводников.

- Здравствуйте, Гамлет Раисович. –Поприветствовал его Сорокогуз. – Еле догнал вас на своём жигулёнке. Быстро вы едете! Как дела?

- Нормально, -сказал армянин со строгим лицом, одетый, как положено в железнодорожную форму и фуражку. – Без происшествий.

- Значит, у вас все хорошо? Правовая поддержка не требуется?

- Никак нет. –Хмуро отрапортовал бригадир. –Работаем по закону, зайцев не наблюдаётся.

- Ну, и отлично. В каком она едет? –Спросил майор.

- В девятом, –со значением сказал бригадир, не глядя на бригадира.

- Спасибо. В долгу не останусь.

- Не сомневаюсь, Валерий Павлович. –И они расстались, не пожимая друг другу рук.

Вера Моисеева, проводница вагона СВ, стояла в этот момент в тамбуре и протирала поручни сходней. Народу в вагоне было не так много, и она в очередной раз поблагодарила в душе бригадира, за то, что он поставил ее на этот рейс проводницей в мягкий. Здесь никогда не шумели, в отличии от плацкарты, всегда были интеллигентные люди, никто не приставал, и не просил настойчиво продать им водки.

Вернувшись в купе, она поправила макияж перед зеркалом, стряхнула с плеч кителя пылинки, и собралась уже было выйти, как тут дверь в купе открылась, и туда заглянул Сорокогуз.

- Привет, –сказал он.

- Привет, – не скрывая недовольства, сказала Вера.

- Ну, то, что ты мне не рада я и так вижу, можешь не говорить. –Сказал Сорокогуз, осматривая взглядом потолок и стены служебки.

- Почему? Рада...- без особой, впрочем, радости сказала Вера.

- Поговорить нужно.

- Валера...- начала Моисеева. –Мы всё уже с тобой обговорили, расстались. Ну, и хватит...

- Пару слов всего, а?

- Валерий Павлович, я все давно вам сказала. Ну, было, да, всего один раз. Но ты же сам убедился, у нас не получается...

- Верка... - майор втокнул вдруг Веру животом внутрь купе, закрыл дверь и тяжело вдруг задышав, прижал Веру к шкафу.

- Я люблю тебя, слышишь? – Он попытался найти губами ее губы. Но Вера вдруг остановила его ударом колена в пах. Майор замер в полусогнутом состоянии, застонав.

- Пошел вон! – Тихо сказала Вера.

- Кто у тебя тут? – Сипло спросил майор. – Как его зовут? Узнаю, придушу.

Девушка промолчала.

- Вера... Мне без тебя не жизнь, слышишь? – Засопел майор, медленно разгибаясь и всё ещё держась за пах:

- Все время о тебе думаю последнее время... Ночей не сплю. Деньги есть, Вера, давай уедем. В Америку, а? У меня там друзья. Или здесь останемся, а?...

Вера, ни слова не говоря, отошла на шаг в сторону, сняла с держателя форменный пиджак и стала его надевать. Застегнувшись, повернулась и стала смотреть на бывшего мужа, словно спрашивая своим безмолвным взглядом: «долго ты ещё тут будешь»? Он посмотрел на ее безучастное лицо, на матовые, лишенные всякого выражения глаза и вдруг яростно закричал, открывая дверь купе:

- Дичка ты! Дичкой была, дичкой останешься! Правильно твой папаша говорил мне: не пара она тебе. А я, блин, ухаживал за тобой, как дурак, деньги тратил...

- Ещё раз упомянешь моего отца, я возьму кочергу и выпровожу тебя уже по – настоящему. – Холодно сказала Вера.

- Вот такая ты мне нравишься! – Восхищенно произнёс майор, выходя за дверь и останавливаясь в коридоре, возле титана. Вдруг он снова шагнул к ней, поставив ногу так, чтобы нельзя было закрыть дверь. На всякий случай, он благоразумно прикрыл рукой пах:

- Пантера ты! Фурия в женском обличье!.. – Обозвал он её всё с тем же восхищением.

- Какая есть. – Презрительно заметила Вера. – Тебе, орлу, не пара. Выметайся, давай, из служебного купе! Здесь посторонним нельзя!

- А я не посторонний! – Зашипел вдруг майор, делая шаг из купе в коридор, но продолжая закрывать собой выход:

- Я твой муж, между прочим! Мы ещё официально не разведены. И я при исполнении, не забывай. Может, хочешь, чтобы у тебя каждый раз ревизию на этой станции проводили?

- С тебя станется. – Покачала головой Вера. А развод, об этом не беспокойся. Я уже заявление подала, скоро официальная бумага придёт.

- Не придёт. Я тебе развода не дам! А они меня обязательно вызовут и спросят.

- Не дашь?

- Нет!

Вера отвела глаза, ничего не сказав. Лишь сомкнула под животом руки и поджала губы.

- А ты как думала? Ты будешь тут шашни с москвичами крутить, а я на это глаза закрою. Нашла уже кого? Кто он?

Майор вдруг снова ворвался в купе и прижал Веру к шкафчику, стоя на этот раз боком и придерживая её руки:

- Этот завпроизводством вагона – ресторана, как его, Соболев, да? Москвич? Видишь, я все знаю! погоди, я доберусь до него! У вас уже было? Стною обоих, если только узнаю!

- Слушай, – спокойно сказала Вера. – У меня вон титан только что закипел. Крутой кипяток. Оболью, будешь визжать, как ошпаренная собака!

- Имей в виду, – будто не услышав угрозы, продолжил майор, – я все про тебя знаю, мне все говорят. У меня везде уши и свои люди.

- Ой, ой, ой... – заулыбалась Вера, посмотрев на майора.

- Какая же ты красивая, – прошептал он, посмотрев на неё. – Чего ты, дура, ушла, я же всё для тебя бы сделал!

- Конечно, - отвела глаза Вера.

- Не веришь? Ты думаешь, тебя бригадир почему в лучший вагон поставил? За красивые глаза что –ли? Это я его попросил...

Вера перестала улыбаться и серьезно произнесла:

- Ну-ка дай мне пройти быстро! Пять минут осталось до отправления, мне пассажиров принять надо.

Сорокогуз ослабил хватку. Затем, одёрнув китель, вышел из купе в коридор.

Вера, закрыв за ним дверь в купе, посмотрелась в зеркало, поправила волосы, открыла дверь настезь уже с головным фирменным убором на голове и брезгливо сказала майору, который продолжал стоять и ждать её у титана:

- Я тебя не просила мне помогать. И не попрошу никогда!

Кто –то постучал вдруг в окно. Вера повернулась, но увидела лишь мелькнувший красный флажок. Догадавшись, что это была её сменщица Света, которая хотела видно сказать ей, что поезд скоро отправится, она вышла из купе, закрыв дверь замок.

- Ну вот, купила себе пирожков на дорогу... - проворчала она.

- Я могу минут на минут на десять поезд задержать. – Вяло отозвался на это Сорокогуз.

- А воздух во рту можешь задержать? – Спросила Вера. – А то перегаром прёт.

Майор ничего не ответил, посмотрел тяжело на Веру, вздохнул и вышел а тамбур. Вера вышла за ним следом и стал смотреть, как майор спускается по ступенькам на перрон. Хорошо, пассажиров в этот раз было мало и Света разобралась с ними без неё. Было немного пасмурно. От вокзала доносился привычный шум, лязганье железнодорожных буферов вдалеке, крики носильщиков, воробьиное чириканье, разноголосый людской гур-гур, сдержанный говор торгующих на перроне картошкой и огурцами бабушек, которые объясняли вышедшим из поезда пассажирам, почему их картошка самая лучшая, песня из репродуктора Клавдии Шульженко про «Синий платочек» и плач маленького ребёнка, которому не купили сахарного петуха.

Майор всё ещё стоял на перроне у входа в вагон и смотрел на Веру.

- Не так я думал у нас разговор выйдет, – сказал он.

- Как вышло, так вышло. – Сказала Вера и присев вдруг на корточки сказала тихо:

- Не таскайся сюда больше, Валера, беду накличешь.

Вернулась сменщица Света. Встала рядом с Верой, поглядывая то на подругу, то недовольно на Сорокогуза. Ещё раз объявили об отправке. Вера посмотрела на вокзал и зонтик перед входом. На надписи «Биробиджан» по-русски и на иврите. Впервые она подумала, что еврейские буквы довольно симпатичные. И что, может быть, когда-нибудь ей надо будет заняться изучением этого языка. Поезд вдруг дёрнулся, может, сняли с тормозов локомотив. Света выглянув наполовину из тамбура, на всякий случай дала отмашку. Вера привычно подняла рычаг механических сходней и отошла к стене, чтобы дать возможность напарнице закрыть дверь. Майор, не дожидаясь, когда перед ним хлопнут дверью, развернулся и пошел в ту сторону, где припарковал машину. «Это мы еще посмотрим, Верунчик, кто кого» - злобно бормотал он, идя к стоянке.

Навстречу майору попались две старушки с варёной картошкой и малосольными огурцами на продажу. Увидев идущего им навстречу человека в форме, они повернули и, как по команде припустили к живой изгороди, растущей вдоль дороги.

- Вот я поймаю вас! – Погрозил им пальцем Сорокогуз. Старушки посеменили быстрее. Но преследовать их он не собирался. Была охота!

«От первой платформы отходит поезд «Хабаровск – Москва», будьте внимательны и осторожны». – Объявил женский голос из громкоговорителя.

- Да знаю я!

Буркнул Сорокогуз.

У машины майора нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу ждал человек в форме проводника с пирожком в одной руке и бутылкой пива в другой.

- Привет, Мордюк, - поприветствовал его майор.

- Здравствуй, начальник. Ты где ходишь? –Недовольно проворчал он. –Отправление объявили. Сейчас уедет, а я как должен? Крыльев –то у меня нет!

- Извини. - Сказал майор.

- Чего извини? – С вызовом спросил Мордюков. –Знал же, что я тут!

Он дерзко осмотрел майора.

- Да ладно, будешь ты мне еще! – Взбеленился тот сразу. – Поезд даже не тронулся ещё, ещё только собирается, потом набирать будет еле-еле, слон успеет выпрыгнуть, не то, что ты!

Сорокогуз вытащил из бокового кармана конверт, передал его проводнику:

- Там восемнадцать с мелочью. –Сказал он. –Можешь не считать. В Чите пацан тебя встретит от Лёхи Мордвина, Бешеный или кто –то ещё, отдашь ему.

- Чего –то мало... - заглянув в конверт, покачал головой проводник.

- Прокурор добавит! –Отрезал Сорокогуз. – Всю сумму отдам, когда остальное реализуем, понял?

- Понял. –Пожав плечами, сказал проводник и побежал к медленно отходящему от платформы поезду, бормоча на ходу:

- Посмотрим, что ты мордвину скажешь и его дружкам насчёт остального.

Вера видела из окна соседнего тамбура, который пришла закрыть, как с пивом в руке и пирожком в зубах, юркнул в первый попавшийся вагон электрик Мордюков, на ходу засовывая что –то в карман пиджака. Вскочив на подножку, он допил одним глотком пиво и швырнул бутылку через плечо.

Бутылка, перелетев через платформу, ударилась о металлический парапет вокзала. Осколки стекла попадали на перрон, где стояли, складывая непроданные пирожки обратно в авоськи и сумки бабушки.

- Изверг! –Закричали они, крестясь и размахивая руками.

- Вот же скотина! –Тихо выругалась Вера.

Когда она пришла в штабной вагон, то увидела Мордюкова, который копошился в приборном щитке кондиционера.

- Ты почему так себя ведешь? –Уперев руки в бока, резко спросила его Вера.

- Чего?.. –Подняв на неё глаза, недовольно спросил Мордюков.

- Ты почему швырнул пустую бутылку на перрон? – Уточнила она.

- А, это...-отворачиваясь, сказал Мордюков. –Так она ж без пива.

- Я видела, что пустая! Ты что, не видел, что осколки в людей попали?

- Слушай, ты чего?! –С угрозой в голосе спросил Мордюков, вставая. –Тебе чего надо?!

Вера, испугавшись свирепого взгляда кондуктора, отпрянула назад, тут же натолкнувшись на кого –то спиной в коридоре.

- Что здесь происходит? –Спросил Гамлет Раисович, выходя из-за её спины. Отодвинув Веру, бригадир внимательно оглядел служебное купе, остановив взгляд на Мордюкове:

-Ты что тут делаешь? –Спросил он электрика, подозрительно оглядывая снятый с кондиционера потолочный кожух и пустоту под ним.

- Кондиционер подстроил, а то еле дул. – Отводя глаза в сторону, проворчал Мордюков.

- Подстроил?

- Да.

- Закрывай тогда.

Мордюков немедленно закрыл дверцу и положил ключ себе в карман.

- Жарковато было. –Сказал он, помахав на себя ладошкой. –Теперь вроде нормально.

- Что у вас случилось? –Повторил вопрос бригадир, глядя то на Мордюкова, то на Веру.

- Ничего. –Насупилась сразу проводница. –Кое –кто швыряет бутылки в людей из поезда. Бригадир тяжело и пристально посмотрел на Мордюкова. Тот, не выдержав взгляда, отвел глаза.

- Разберемся. –Сказал бригадир. –Иди на место, Моисеева. Чай подавала уже пассажирам?

- Нет, потому что...

- Вот, чай не подала, а уже носишься стрекозой по вагонам. –С укором сказал начальник.

– Почему?

- Так я...

- Иди, иди...- не стал ее слушать бригадир. –Я разберусь и он снова в упор посмотрел на Мордюкова.

Вера тоже посмотрела на сухое, словно отжатое в марле творожное лицо электрика, его прилизанные волосы и какие –то мертвые глаза и от одного вида этого человека по животу ее прошел холод.

- Слушай, ты когда в следующий раз бутылку будешь швырять, смотри хоть куда кидаешь! –Сказала она.

- Ладно. –Недовольно буркнул Мордюков.

- А то, что все осколки на перрон полетели в старушек, у которых ты, между прочим, пирожки покупал.

- Понял, чего снова?...- Ещё раз буркнул Мордюков и вдруг повторил слово в слово за майором:

- Будешь мне тут...

Но заметив на себе гневный взгляд начальства, осекся. Бригадир сделал ему жест, чтобы тот ушел. Мордюков, потоптавшись, вышел из купе.

Вера посмотрела электрику вслед и покачала головой:

- Откуда берутся такие?

- Иди, Моисеева! Ты ещё здесь? – Посмотрев на неё, устало спросил бригадир. –Иди, работай!

Вера, хмыкнув, развернулась и пошла к себе в вагон.

Соломон, всё ещё продолжавший дремать, сидя в кресле на крошечном вокзале Счастливого, вздрогнул и проснулся оттого, что кто-то пристально смотрел на него. Открыв глаза, он увидел троих бездомных, стоящих перед ним в напряжённых позах. Одеты в немыслимые балахоны с помойки, изношенные кофты, вязаные шапки и разноцветные грязные штаны, с чумазыми лицами, они будто выжидали миг, чтобы что-то стянуть. Лица смотревших были испиты, под глазами у каждого красовались синяки. Тут он заметил, что рука одного из бомжей тянется к сундуку, который он поставил рядом с собой на скамейку.

- Да чтоб вам провалиться вам всем троим под Землю! –Пожелал он им, подтягивая к себе сундук ближе.

Едва он это сказал, бичи развернулись и шаркая ногами, обутыми в немыслимо изношенные кроссовки, друг за другом побежали к выходу.

Соломон взял сундук подмышку, курицу в пакете и тоже пошел на лицу. Стояло чудесное мартовское утро. Сквозь туман проглядывало солнце. Пару раз глубоко вздохнув носом, он сказал:

- Йом Тов!

И пошёл, куда глаза глядят.

Глава пятая

- Так что, по рукам? – Спросил Соломон лысоватого человека в очках, дорогом костюме, начищенных ботинках и в шляпе. Они стояли возле одноэтажного деревянного здания, каких много в Сибири, ничем не примечательного, если не считать, что у здания было крыльцо с тремя ступеньками и навес, рамы окон были покрашены белым цветом, при том, что наружные облицовочные доски были окрашены чёрным, как смоль суриком.

- Добротно строили, крепко, - оглядев дом, сообщил Соломон. – Кстати, Соломон.

Он протянул руку.

- Игорь Всеволодович, - сказал очкарик, пожав ему руку.

- И ограда сделана на крыше, всё по правилам. – Заметил старик. – Молодцы!

- А то! – Ухмыльнулся довольный похвалой очкарик. – Знали люди толк в этом деле. Крыша из жести. Не течёт. Обеденный зал сто квадратных метров. Ну, что по рукам?

- По рукам! – Ответил тот.

Они пожали друг другу руки. После рукопожатия, означавшего, что сделка заключена, очкарик открыл ключом навесной замок и пригласил жестом старика зайти внутрь.

Войдя, старик замер. Внимательно оглядев запылённый, грязный и захламлённый предбанник кафе с пустующей гардеробной, он открыл распашные двери и заглянул в зал: просторный, с двумя колоннами в центре и десятком тремя столов, накрытых клеенчатыми скатертями. Из зала он снова прошёл в фойе. Там он обвел глазами окна –большие, высокие, с некогда белыми рамами и прямоугольными фрамугами под потолком. Потрогал носком тапочка паркет –темный, потрескавшийся, с прибитыми кое –где гвоздями, громко вдохнул своим толстым носом воздух и сказал: «Прекрасно!»

- Что? – Не понял продавец, который всё это время молча следовал за ним.

- Великолепно, говорю.

- Вы...оптимист, как я посмотрю.

- А вы? – Вернул ему старик.

- Я –нет.

- Неблагодарный. –Буркнул Соломон.

Продавец после этой реплики бросил странный на старика, что означало он не понял, к чему она была произнесена.

- А, кстати, что в этом здании было раньше? – Спросил его Соломон.

- До кафе?

- Ага.

- Клуб. - Охотно ответил продавец. –Клуб работников лесной промышленности. Очень хороший. И балкон здесь есть, вот там в зале сбоку, чтобы летом отдыхать. Только он хламом забит сейчас разным. Зато раньше...Раньше сюда артисты приезжали –Газманов, Киркоров, этот...как его, пицтит еще очень –а, Витас! Знаете?

Соломон наморщил лоб, как прилежный ученик, который добросовестно пытается вспомнить еще не изученное, и затем утвердительно кивнул.

- Ну, вот. –Продолжил Игорь Всеволодович. - А потом завклубом умер и это дело с молотка –то и пустили. А теща моя как раз в это время в горсовете работала в отделе недвижимости...

- Это какая же, постойте –ка, не Сара ли Львовна? –перебил его Соломон.

- Не-ет. –Засмеялся очкарик. - Ее зовут Василиса Ивановна!

- А-а, эта...-как –то даже опечаленно закивал Соломон.

- Так вот. Она говорит –возьми в аренду клуб, сделай в нём кафе, какая –никакая копейка, а капать тебе будет. Ну, пошёл взял...Только видите как все, теща уже на пенсии, дела не идут, одни рабочие ходят, да эти черти дальнобойщики. Одной посуды в прошлом месяце на четыреста рублей побили! Едят они ее что –ли? Повара дрянь – то крадут, то хлещут и люди их харчи не едят!

- Не едят? –хохотнул Соломон .–А что вы хотите?

- А мы хотим, чтоб ели! – Не понятно чему обрадовался очкарик. - Так что если у вас получится...

- Не волнуйтесь на счёт этого.

- Да, а проходимость здесь отличная! –Вспомнив, чему -то обрадовался Игорь Всеволодович. –Каждый день люди. И прутся, и прутся...Иногда я даже сам за плитой стоял, если повар болел.

- Повар? –Удивился Соломон. А откуда здесь повар? –Он резко повернулся в ту и другую сторону, словно повар все это время был здесь, а его никто не заметил.

- Нет, сейчас ее здесь нет. –Поправился сразу продавец. – Но раньше была. Зовут её Гамаюн Ада Григорьевна. Она повар и певица по совместительству. Сейчас дома наверно сидит. Но она обязательно придет! Если вы её позовёте..

- Ни в коем случае! – Решительно мотнул головой Соломон.

- Что, простите? –Удивился продавец, поправив на носу свои очки.

- Ни в коем случае, говорю! – Повторил Соломон –Мне не нужен повар, если это ОНА. Я сам, знаете ли, в некотором смысле повар. Гастроном высшей категории. Спец по ресторанам. Готовлю –пальчики оближите! Хотите прямо сейчас угощу вас чем –нибудь?

С этими словами он открыл в подсобке стоящий там холодильник и сразу же отшатнулся –настолько жуткий запах вырвался из него наружу.

- Я прошу прощения! –Подбегая и быстро закрывая холодильник, сказал Игорь Всеволодович.

Он схватил с ящика брошенную тут кем -то сковороду и стал махать ей перед носом Соломона на манер опахала:

–Я же предупреждал: дела не идут. Второй месяц закрыто. Не мог себе представить, что это такой пропавший бизнес. Понимаете, одной посуды побили на четыреста... Хотя, впрочем, я уже говорил. А тут днях ещё пришли из СЭС и говорят: возобновляйте и работу или продавайтесь –в городе всего два кафе. Оба должны работать. Если нет –штрафы. И, знаете, что? День –процент, второй –два и так далее от остаточной стоимости. А у меня вызов в Москву, вот, на стройку –продавец полез в карман и как доказательство показал конверт. Меня главным архитектором аж в два места сейчас приглашают. Я по образованию видите ли некоторым образом зодчий. А тут эта чушь и не знаю, что делать... Я не могу, Василиса Ивановна болеет. А если что, то все на нее повесят, как на крайнюю. Говорит: иди, кому хочешь отдай хоть задаром. Только никто не берет. Бурмистрову предлагал из Сковородино. –Стал загигать пальцы продавец. –Соренскому, Ларошфуко из Биробиджана, даже этому нашему местному, Зипунову, который из лесхоза, предлагал, –все отказались. Никому не надо. Вы хоть... купите? –С надеждой спросил он.

- Скажу вам с откровенной прямоотой... –Сказал Соломон.

- Да?.. – Игорь Всеволодович напрягся, ожидая нового отказа.

- Возьму в аренду. Но вот оказия. У меня сейчас при себе не знаю, столько даже денег с собой...

- Какая ерунда, боже, - засмеялся он каким –то отчаянным смехом, - тут их ни у кого нет! Пообещайте, что отдадите после –и всё.

- Просто дать обещание?

- Да, а что, вы человек, сразу видно приличный, не обманете. Вот дайте честное слово и достаточно.

- Ну, это вы меня прямо обрадовали, честное слово!

- Спасибо!

Схватив Соломона за руку, очкарик начал трясти её, потом спросил, пытаясь заглянуть старику в глаза:

- Теперь давайте о плате. Во что вы это оцените это кафе, только честно?

- Честно? Не знаю...

Старик оглядел потолок почёсывая бороду:

- Может быть, сто?

- Чего сто? – Не понял Игорь Всеволодович.

- Ну, хорошо, пусть сто десять.

- Да. Но чего сто десять? – Отошёл от него на шаг продавец, улыбаясь. Лицо его вдруг стало красным, глаза начали смотреть настороженно:

- Вы шутите, да? Ах вы, шутник! Давайте так, сейчас ничего, двести восемьдесят через пол-года и ещё шестьсот в конце, идёт? А? Ну, как? По-моему справедливо. Я по лицу вашему вижу, вы серьёзный, честный человек, иначе бы я не стал тут с вами? Что, договорились?

Очкарик замахнулся с весёлым видом, будто собираясь уже пожать старику руку.

- Двести восемьдесят? - Задумчиво произнёс старик, уставившись на его протянутую руку.

- Ну, бог с вами, двести пятьдесят и сошлись, ладно? – Сказал очкарик, продолжая держать руку на весу.

- Через полгода? – Решил уточнить дед, переведя взгляд с руки на его лицо.

- Да.

- Ладно, договорились, - как –то подозрительно легко согласился Соломон.

- Фу! У меня прямо гора с плеч, - сказал продавец, когда они пожали, наконец, друг другу руки:

- Ну, а документы, думаю, подпишем после осмотра. Сейчас же принимайте всё, как есть. А мне идти надо, собираться. Поезд через два часа уже прибудет.

Он развернулся, чтобы уйти, но вдруг вернулся, шлёпнув себя по лбу, будто о чём –то вспомнил:

- Чуть не забыл сказать. Та дама, которая поваром здесь числится, Шрапнель, тьфу ты, Гамаюн Ада Григорьевна. Она по образованию, как я сказал, певица. Приехала к нам по распределению после окончания консерватории в республике Саха в клубе работать, ну, том, который до кафе был. Так мы её не имеем права увольнять ещё год. Вот она и числится в кафе. Так вы её пожалуйста, годик не гоните, а потом можете уволить. Она женщина классная. В смысле, хорошая. И внешне, и поговорить...

- Шрапнель вы сказали? – Удивлённо поднял бровь Соломон.

- А-ха-ха, да, простите, это ей здесь такое прозвище дали за голос. Она видите ли громко поёт. Причём мужские арии в основном. Шрапнель, это она и есть, Гамаюн Ада Григорьевна. Мы её, то есть, кафе, получило в наследство от клуба. В клубе она работала режиссером – постановщиком и пела. А потом стала поваром, потому что её уволить было нельзя. Но готовить, как выяснилось, она не умеет. Что вы хотите? Она же не этому делу училась. Прежде она тут ставила спектакли, даже, кажется оперу... Но неудачно, по –моему. Никто не ходил, кроме военнослужащих из местной части. Но, мне кажется, их заставляли. Потом клуб закрылся, а должность в сетке горотдела осталась. Не возвращать же ее было в республику Саха обратно. К ней тут все привыкли, она одна, детей у неё нет, муж давно бросил. Она и так на местную администрацию в суд два раза подавала, говорила, что ее молодую и талантливую соблазнили, пригласив в эту дыру. Выдернули, так сказать, из культурной среды...

- Это она так республику Саха называет? – Удивился Соломон.

- Ну, видимо.

- Говорите, она поёт?

- Ага.

- Так это меняет дело! – Воскликнул Соломон. – Я её беру. Где она? И как вас, кстати, зовут, я запомнил? – Внезапно спросил он очкарика.

- Игорь Всеволодович. – Обиделся очкарик, почесав подбородок.
- Очень приятно, а я Соломон Шекспирович. –Старик горячо потряс ему руку. –Шрапнель! Ха-ха! Это гениально! Обожаю автора!

- Кого?!

- Неважно. Пусть она завтра же приступает к работе.

- Это невозможно. – Мягко заметил продавец.

- Почему? –Не понял Соломон.

- Она как бы...не совсем здорова. Причём всегда.

- А что с ней? –Озабоченно спросил старик.

- Это вопрос.

- И...давно это с ней?

- Как сказать...Мне кажется, с того момента, как закрыли клуб. Скажу, как на духу: Шрапнель...то есть Ада Григорьевна, она так поставила дело, что приходит на работу, когда захочет. А зарплату она получает иногда сразу за три месяца сразу.

Соломон сунул большой палец себе в рот и стал перекачиваться с носков на пятки, задумчиво глядя перед собой. Потом вытащил палец, махнул рукой и продолжил осмотр помещения.

- Оно, знаете, может, даже и к лучшему. – Продолжил Игорь Всеволодович, бегая за спиной Соломона, который стал осматривать подсобки точно с таким же лицом, как давеча в вагоне-ресторане, заглядывать в шкафы и вынимать на свет разные предметы от ножей, до ложек, вилок и рубаков.

- Готовит она, честно говоря, хуже некуда. – Бормотал Игорь Всеволодович, бегая у него за спиной и поглядывая на часы, ведь поезд! Вдруг он также, как старик, начал заглядывать в шкафы и водя там руками, будто отыскивая что –то, но находя лишь грязь и пыль:

- Пусть уж лучше дома сидит, слушает своих Брамса, Генделя, Бетховена, Шуберта и Листа. – Говорил он скороговоркой. - У нее такая старая магнитола советских времен. Пленки на катушках, виниловые пластинки. Я любил раньше у нее бывать. Вот так приду после работы, посижу у нее дома - Пятая Бетховена, Четвертая Гайдна и, знаете, такая богемная атмосфера, что ей богу, совестно ей об этой гнусной работе человеку напоминать...

- А кто же здесь тогда готовил, если её не было? –Спросил вдруг Соломон.

- Да сами же посетители.

- Кто?! –Выпрямился сразу Соломон и от его «кто?!» очки Игоря Всеволодовича даже запотели.

- Ничего особенного. – Сняв очки и тут же начав их вытирать, продолжил Игорь Всеволодович. - Это можно сказать традиция. Правда, может показаться вам странным, но это отлично вписывается в традиции нашего сибирского гостеприимства. Мы тут оставляем на кухне крупу, мясо, картошку –все свежее. Хотя...бывает и не очень что...Но преysкyрант на стене. Люди приходят, готовят, едят и уезжают. Деньги оставляют в ящике вон того стола. Случая еще не было, чтоб не заплатили. Правда посуду бьют...-покачал головой очкарик.

- Покажите мне немедленно кухню, –потребовал Соломон.

- Вот. –Сразу опустил голову Игорь Всеволодович. –Теперь мы подошли к самому неприятному моменту. Поскольку, как я уже говорил, раньше здесь был клуб...

- Ведите, ведите! –Прервал его речь Соломон и они двинулись из подсобки в сторону раздачи. Когда он открыл дверь на кухню, его чуть не хватил удар. Дело было даже не в жутком запахе и полнейшем беспорядке, который царил на так называемой «кухни», а в том, что у самого входа стоял ...унитаз со сливным бачком, а центре комнаты громадная ванна.

- Что это здесь? –Спросил Соломон.

- Что-то типа будуара. –Пояснил Игорь Всеволодович, краснея.

- То есть?

- Понимаете, бывший директор клуба Темрюков себе здесь будуар отгрохал. Воспользовался, так сказать, моментом. Всё равно, мол, кафе закрыто. Так я его хоть под свои нужды использую. Он, кстати, в Москве сейчас тоже. Сбежал. Там же бизнесом занимается. Массажный салон открыл. Но если по правде, это обычный бордель. Увижу –передам ему привет. Истратил, между прочим, казенные деньги, когда был директором. Подделал отчетность и сдал моей теще в горсовет. Она, честный человек, не стала по началу проверять, а он взял и смылся! Вот, пожалуйста. Ну, теперь –то вы уж точно не возьмете, да? – Со слезой в голосе спросил продавец.

- Будуар. –Задумчиво сказал Соломон, а потом весело рассмеялся.

- Вы что? – Спросил очкарик.

- Люди никогда не перестанут меня удивлять!

- А еще один туалет в вашем клубе есть? –Спросил он вдруг, вытирая глаза платком.

- Для посетителей. Но туда никто не ходит...давно.

- Беру! –сказал Соломон, убирая платок. –Уговорили.

- Вот и хорошо, а то у меня поезд. – Очкарик снова посмотрел на часы:

- Тогда надо прямо сейчас, а то я чувствую, вы передумаете...

Не договорив, Игорь Всеволодович подошёл к ближайшему столику и жестом пригласив Соломона, начал доставать из кожаного саквояжа бланки и документы, попутно бормоча: «Так, налог на недвижимость позапрошлый год, за этот... так, акт пожарников, это мы оплатили, остатки за прошлый месяц. А вы, кстати, чем платить будите –рублями, долларами или?..

- Есть рай и ад. –Серьёзно сказал Соломон Шекспирович. – Вы куда предпочитаете?

Глава шестая

В холле местной Счастливленской больницы сидели пациенты и ждали ужина. В углу тихо работал чёрно-белый телевизор, каких и блошиных рынках уже было не сыскать. На замызганных, с прохуdivшимися подлокотниками креслах, креслах сидели две старухи и что –то обсуждали. Возле подоконника стояли трое мужчин впижамах, один из которых поливал из баночки герани, а другой читал вслух газету:

- Ещё вот, например, статья под названием «Странная находка». 15 –го марта сторож биробиджанского историко –религиозного комплекса «Гмар Тикун» обнаружил во дворе усадьбы 17 –го века глубокую яму размером приблизительно полтора метра на метр. Яма была выкопана под единственным в этих краях платаном, которому по некоторым данным, уже тысяча пятьсот лет. Возможно, эта история, и не заинтересовала бы прессу, не найди сторож в яме несколько монет с чеканным профилем государя императора Петра Алексеевича. Обе находки сданы в музей.

- Глядика-сь, сдали. А монеты поди больших денег стоили. Вот дела...- Сказал один из пациентов.

- Честный человек, – объяснил второй, который поливал герань.

- Дурак! –Подал голос третий, который все это время ничего не делал, а лишь наблюдал за своими приятелями. –В музей ничего сдавать нельзя. Оттуда все в конце концов, уходит! Хоть вы мне не верите...

- Семен...-укоризненно покачал головой больной с газетой в руке. –Тебе врач запретил, между прочим, вспоминать об этом. У тебя ж потом снова приступы, забыл?

- Ну –да...белая горячка и все такое...Только я вам вот что хотел сказать -то мужики. –Семен Аверьяныч снизил голос до шепота. –У меня пару раз –то белая горячка была. Это совсем не то и это не страшно, а даже смешно! Ничего плохого. Первый раз, когда со мной это случилось, я танцевал на балу. С пожилой, но всё ещё очень красивой женщиной –честное слово! Она в костюме из английского шевиота, с родинкой на щеке, и в парике высоком. Щечки

розовые у нее были, руки голые, и веер в ладони. Хотя, говорю, в возрасте. На мне тоже костюм был, как на лорде. И она так... так смотрела на меня во время танца, мужики, что не поверите, я заплакал! Потом ещё мы с ней в бридж играли. Только я много выпил виски в тот вечер и отключился. Очнулся у себя в музее – весь в слезах и в го... Нет, это было во второй раз. Там, значит, еще смешней было. Лежу я в своём музее на кровати, и вдруг вижу, парашютист по стенке ползет – маленький такой, весь в камуфляже и парашют у него за спиной в рюкзаке. Потом присмотрелся – ба, а у меня вся стенка в парашютистах! Доползли, значит, до верха, а потом с люстры начали на пол падать! Падают и стреляют. Вот я и обосрался от страха. Упадут, значит, и опять на стенку лезут... Смотрел, я смотрел, потом, как заржу, насмеялся вдоволь! Ну, думаю, пора в милицию звонить, сказать о диверсантах, мало ли что! Только дошел до туалета, там рядом с ним тумбочка и телефон, вдруг слышу – музыка! Из туалета. Открываю дверь. Музыка из унитаза шпарит. Встал на колени, стал слушать. Высоцкий, как есть поет «Кони привередливые». Так и заснул в туалете под музыку. Вот как оно бывает! – Закончил Семен Аверьянович под общий смех.

- Интересные сказки. – Подал голос тот, что поливал герани. – И что, никакой абстиненции после этого?

- Ни-че-го! – Раздельно сказал Семен Аверьяныч. – Только легкость во всём теле необычайная.

В этот момент в холл зашел врач в пожелтевшем от времени халате и шапочке, громко хлопнул в ладоши два раза и сказал:

- Все на ужин! – Пациенты живо повставали с мест, и торопясь засеменили в сторону столовой. Некоторых врач останавливал и говорил: «Вам вечером на прогревание, не забудьте». «У вас капельница перед сном». Когда очередь дошла до Семена Аверьяныча, он сказал: «Ваших таблеток в аптеке я не нашел. Это редкость. По правде говоря, даже если б они были, я бы не смог их купить. Слишком дорого. Так что будем лечить народными средствами – шалфей, ромашка, отвар вербены и тысячелистника, сон. Конечно, это займет больше времени...»

- Ничего, - оборвал его Семен Аверьяныч – Я никуда не тороплюсь. До конца года особых дел не предвидится. На Новый год, это уже свято, я обычно с друзьями пью. Так что вот.

И дружески похлопав врача по плечу, он улыбнулся ему вполне ещё целыми зубами. Доктор поправил очки и с грустью проводил глазами пациента до дверей в столовую. Затем вернулся к себе в кабинет и подойдя к шкафу с медикаментами, с тоской начал изучать его содержимое.

- Даже яда приличного нет. – Пробормотал он. – Надо будет отравиться и то нечем!

В этот момент в дверь его кабинета тихо постучали.

- Войдите! – Сказал врач.

- Честь имею... - на пороге стоял высокий седой человек, судя по внешности еврей, и мило улыбался. Под мышкой он держал книгу – толстую в светло-коричневом переплете.

- Простите, не знаю, как вас?.. - Спросил гость.

- Полосухин Андрей Петрович, врач-гомеопат. – Представился доктор, садясь за стол, на котором кроме медицинских карточек стоял чернильный прибор для красоты и настольная лампа, которую передали в больницу, после того, как ликвидировали клуб. Лампа была старой, выпуска наверно 1950 –го года, а, может, ещё более древней. Ее основание было сделано из крепкой породы дерева, может быть, дуба, а, может, и платана. Стекланный колпак, который накрывал ее сверху, имел форму полусферы из светло-коричневого стекла. Лампу последнее время держали среди остального хлама, поэтому все металлические части ее заржавели, а на корпусе там в трех местах были глубокие царапины. Патрон, лампы, похоже, давно сгнил, и не было ровно никакой возможности вкрутить в него лампочку. Полосухину лампа нравилась, хотя он и сам не знал почему. Но у него не было ни денег, ни времени отнести лампу в ремонт.

И она стояла на столе –старая, массивная, и какая –то угрожающая, как осколок бомбы или гранаты, напоминающие о временах суровых, но чем – то для души привлекательных.

- Отличная вещь. – Сказал старик, не отрываясь глядя на лампу.

- Да уж...-коснувшись лампы, сказал Полосухин. – Ценная вещица. Вроде бы Сталинский ампир, но не ручаюсь. Не люблю я эту фамилию. У меня, видите ли, деда в Сибирь выслали из Москвы. Как раз во времена Сталина. По политическим, как вы понимаете. Поэтому я здесь... Чем могу быть полезен?

Это он спросил без перехода.

- Видите ли, хочу навестить больного. У вас лежит Семен Аверьяныч...э-э... Зайцев?

Соломон посмотрел на свою ладонь, будто там это было написано.

- Да. Куда ж ему еще? У нас в Счастливом всего одно место, куда можно привезти психически больного. Видите ли, специализированных клиник для психически больных нет. Вот и приходится их держать с психически здоровыми. Но они ладят. Значит, хотите его увидеть?

Врач встал и сделал шаг по направлению к посетителю.

- Сидите, сидите! –Попросил он.- Как его самочувствие?

- У него был нервный шок, если Вы в курсе. –Сказал Полосухин, усаживаясь снова на стул. –Причины неизвестны. Несет какой –то вздор про оживших зверей в музее, летающих птиц... По –моему все это чушь, истинная причина же очевидна –пьянство!

- Да, да...-согласился гость. –Он пьет ужасные вещи. Водку, сделанную из нефти. Хотя я ему однажды предложил хороший коньяк.

- Коньяк...-усмехнулся Полосухин. –У нас не то что спиртного вокруг клиники, приличного вина –не найти, не говоря уже о продуктах питания! Если б вы знали, чем мне приходится пациентов кормить! –Сказал Полосухин.

- Чем же? –Живо поинтересовался визитер.

- Капустой гнилой да картошкой. Ночью в палаты не зайти –такая вонь! Простите за натурализм...

- Ничего, ничего, бывает. –Сказал гость. –А как с медикаментами?

-Шутите? Вот! –Полосухин быстро подошел к шкафу и открыл его: Тетрациклин, Амидопирин, Этазол –всё! Активированный уголь –две последних пачки осталось. Еще физрасствора десять, и камфоры пять штук – Даже аспирина нет! Хорошо я гомеопат и знаю, как лечить с помощью плацебо. Но всё равно...

- Неплохой, в принципе, набор. –Задумчиво произнёс Соломон. –А как с пищей духовной?

- Смеётесь? Единственный телевизор пол –года назад сгорел. Тот, что в холле, чёрно-белый, это мой. Я его из дома принёс. Газеты нам присылают из воинской части. С опозданием на неделю. Макулатура! Да и читать –то там нечего...

- Это верно! –Воскликнул Соломон и засмеялся. –Пишут невесть что, я тут на днях читал...даже повторять совестно: «Взвод прапорщика Пантюхина снова отличился при несении пограничной службы. Два его солдата во время ночного дежурства играли в дурака на целбаны. Позор!».

Полосухин усмехнулся.

- Да-а...- Протянул гость. – Ну, так вот вам настоящая книга.

С этими словами старик протянул Полосухину увесистый том.

- Тора. –Прочитал Андрей Петрович. –Насколько я понимаю это еврейская книга. Нам она зачем?

- Это хлеб и лекарства. –Сказал Соломон. –Начните читать больным по вечерам и у вас все будет.

- Издеваетесь? –Усмехнулся Полосухин, отпихивая обратно книгу. –Я в эти сказки с детства не верю. Я то думал, вы действительно помочь хотите. А такой макулатуры –вот!

Полосухин встал, открыл шкаф и из него на пол посыпались брошюры: «Мессия среди нас», «Сектанты, кто они?», «Сайентология – лекарство для души»:

- Вот, полюбуйтесь, сколько у меня здесь этой душевспасительной литературы! А денег для больницы никто не дал, между прочим! Полгода назад, когда они сюда толпами ходили все в галстуках и с портфельчиками, мы уже травами лечили. Травами! Как в старину...

- Знаете, как в старину это хорошо! – Серьезно заметил Соломон.

Полосухин бросил взгляд на старика, не издевается ли он над ним. Нет, тот сидел серьезный, собранный и все же какой – то излишне оптимистичный.

- А вы, собственно, зачем пришли? – Осторожно спросил Полосухин.

- Я хочу вам помочь. – Сказал гость. – Мне Зайцев почти родственник. Мы с ним водку вместе пили.

Глава седьмая

В вагоне – ресторане поезда «Хабаровск – Москва» царила обычная для послеобеденного времени атмосфера. Наплыв клиентов спал. Редкие пассажиры заходили, садились за столик и заказывали неизменные борщ, рагу или бифштекс. Официантка лениво подходила к ним, брала заказ и быстро относила его на кухню, чтобы также быстро вернуться к буфету, где за директорским столиком собралась вся бригада, кроме повара-разносчика Сереги, который отпускаял, и откуда каждые пять минут доносился смех.

- Мотя, ну скажи, скажи, как ты это делаешь? – Плаксиво, как девочка спрашивала директриса, пожилая дома с толстыми, оплывшими из – за больных почек ногами, своего шеф – повара, молодого черноволосого парня с симпатичным лицом и добродушным взглядом.

- Сам не знаю, правда. Просто умею – и все.

- Ну, покажи еще раз, – просила директриса

- Ладно, хорошо. – Мотя взял из стоящей на столе клетки яйцо, подержал его в обеих руках, потом поводит сцепленными ладонями у себя перед лицом, плюнул в руки, прокукарекал и... выпустил на стол цыпленка, который сразу истошно запищал и забегал в панике по столу.

- Невероятно... – прошептала официантка. – А ты давно этому научился?

- Только вчера.

- Ну, и враль! – Вставила присутствующая при их разговоре официантка по имени Таня.

- Тань, у тебя клиенты вон сели, прими заказ. – Напомнила ей директор.

- Да подождут эти клиенты! – Сказала Таня, не трогаясь с места.

- Та – ня!... – с угрозой в голосе раздельно сказала директриса.

Официантка надулась и ушла.

- А какие-нибудь ещё фокусы знаешь, Моть? – Спросила директриса, когда Таня скрылась..

- Могу совратить девушку за десять секунд. – Соврал Мотя.

- Ой! – Повалились от смеха на диван вторая официантка Раиса. – Тоже мне фокус!

- Смотри, Рай, – сказал Матвей и, повернувшись к ней, сделался вдруг невозможно серьезным и посмотрел ей в глаза. – Рая, замерла, как парализованная и... неожиданно для всех потянулась к нему губами.

- Эй, эй... – вмешалась директриса. – Вы че этот тут? Может, ляжете еще при всех?

- Да это мы шутим, Дина Петровна! – Засмеялась Раиса, хотя было видно, как она очень взволнована.

- А еще что можешь, Матюш? – наклонившись к столу, ласково спросила Дина Петровна.

- Могу... вызвать месячные у пожилой женщины. – Также ласково сказал Матвей.

- Ой... - зашлась от смеха Дина Петровна. –Давай, вызови чего-нибудь у меня, Мотя! - Сквозь слезы стала всхлипывать она. Сделай мне месячные и матку заодно восстанови! А то у меня ее вырезали пару лет назад!

В вагоне номер восемь поезда «Хабаровск-Москва» в это время царило обычное предвечернее настроение. В тренировочных брюках, майках и тапочках, люди бесцельно слонялись по коридору, без конца забегая в тамбур покурить.

- Дышать нечем! –Обмахиваясь газетой, как веером, сказала ей грузная пассажирка из третьего купе. Она и вправду тяжело дышала и то и дело вытирала платком со лба пот. –Вы бы им хоть сказали!

- Да что толку! –Высунулся с верхней полки молодой парень и, увидев Веру, вдруг спросил:

- Девушка, мы с вами раньше не встречались?

Вера покачала головой и нахмурилась.

- Я сейчас скажу, чтобы прикрывали дверь, когда курят. –Сказала она толстой пассажирке. - Но это бесполезно, если честно...

Неожиданно для себя она вдруг улыбнулась пассажиру с верхней полке. А тот ей. Выйдя из купе она мысленно себя одернула себя: «Зачем ты? Он еще подумает, что ты приглашаешь его к флирту!».

- Девушка! –Словно в подтверждение своих мыслей, услышала она опять его голос парня. –Нет, а мы правда раньше нигде не встречались?

Парень был, конечно, симпатичный, что и говорить. По крайней мере, внешне: высокий, стройный, с копной густых каштановых волос. На губе и в ухе у парня было по колечку. Легкий пушок под подбородком. Непокойный кадык. На предплечье красовалась татуировка –какая –то абракадабра готическим шрифтом. В своей серой майке, трениках и вязаных бабушкиных гамашах, он был безусловно мил, но это внешне. А в сути людей, и это Вера для себя поняла, она не разбиралась. Поэтому для себя она решила твердо: никаких фигли –мигли на работе. Да и вообще... Хватит ей пока одного ожога! С Сорокогузом.

- Мы не виделись! –Отрезала она. –Я ведь вам уже сказала.

Злясь на себя за то, что ответила парню вот так –грубо и безапелляционно, хотя он этого явно не заслуживал, Вера развернулась, и пошла еще за новой порцией чая. Когда она принесла чай в следующее купе, там сидели двое, пожилой мужчина, одетый в олимпийку и тренировочные, а рядом с ним интеллигентный очкарик в рубашке, брюках и галстук, который он ослабил настолько, что тот болтался у него на груди, наподобие удавки.

- И вот представляете, -рассказывал очкарик пожилому. – Я его спрашиваю: чем вы будете расплачиваться со мной, какой валютой? Сумма то не маленькая. А он мне и отвечает: для вас есть рай и ад, что вы выберете? Главное, я смотрю на него, думаю, шутит он что-ли снова, и тут вдруг понимаю, что нет. Такие у него молнии в глазах. А лицо прямо мёртвое. И весь он какой-то потусторонний. Меня аж озноб пробил. Что скажете?

- Да, сейчас полно таких фокусников, - сказал пожилой, отпивая из своего стакана. Из телевизоров прямо зомбируют, всё загипнотизировать хотят. Сталина на них нет...

Поговорив, очкарик, а это был конечно же Игорь Всеволодович, пошёл в туалет, чтобы умыться и почистить зубы. Когда она вернулся, его собеседник, пожилой мужчина, не снимая с себя спортивного костюма, уже лежал на полке, держа в руках книжку. Вздохнув, Игорь Всеволодович начал раздеваться, чтобы тоже лечь спать. Пиджак с рубашкой он повесил на раскладные плечики, которые всегда возил с собой. Сняв брюки и перевернув их, чтобы сложить, он слегка потрянул ими. Тут же послышался лёгкий стук, словно бы какой –то предмет упал на пол. Нагнувшись, Игорь Всеволодович увидел монету. Но не обычную, а весьма загадочную. Даже бегло взгляда на неё было достаточно, чтобы увидеть, что это монета золотая. Приблизив её к себе Игорь Всеволодович чуть не ахнул. На монете был выдавлен профиль русского

царя и был указан номинал – десять рублей. На другой стороне указывалось время выпуска монеты 1898 год. Игорь Всеволодович чуть не закричал от радости. В этот момент сосед сверху, пожилой мужчина, отодвинув от лица книжку, посмотрел на попутчика, чтобы понять, чего он вдруг замер. Игорю Всеволодовичу очень хотелось рассказать соседу о своей находке, но он сразу же подумал, а вдруг этот мужчина недобрый человек? И когда Игорь Всеволодович ляжет спать, он украдёт у него эту вещь? Поэтому он не стал ничего говорить соседу, хотя ещё совсем недавно думал, что тот очень хороший человек, а подавив в себе самые разные чувства и желания, сделал вид, что ничего не случилось. Раздевшись до конца, он лёг на свою полку и закрыл глаза. Всю эту ночь Игорь Всеволодович не спал, думая, о своей внезапной находке. Со стариком, которому он недавно сдал в аренду кафе, Игорь Всеволодович это никак не связал.

Когда с чаем было покончено, Вера подумала, что неплохо бы теперь и ей сходить пообедать. Но тут же снова одернула себя, потому что не за едой в ресторан она собралась. Просто парень из третьего купе, который клеился к ней, все не выходил у нее из головы, и размышляя о нем, она нечаянно стала перескочила мыслями на другого парня, шеф –повара из вагона ресторана, которого все тут звали Мотя. так он на неё посмотрел однажды, так посмотрел...

Вера глянула на часы. Минут через пятнадцать должна заступить напарница, и тогда потянутся невыносимые скучные часы до сна. «Вдруг он не такой, как все?» - подумала она снова о поваре.- «Есть в нем что –то очень необычное, так он смотрит иногда, будто в душу заглядывает...»!

Она еще раз по привычке прошлась по вагону, машинально поправляя ногой сбившиеся дорожки, потом вернулась в купе, села у окна и стала вспоминать свою первую встречу с поваром.

В тот день они с напарницей решили пойти завтракать вместе. Поезд шел по большому перегону где –то под Боготолом. Внезапно один из пассажиров попросил поменять ему белье. Оно, видите ли было «китайское», как он выразился.

- Что вы тут выдаете? –Возмутился он, подкидывая по очереди вверх то наволочки, то простыни. –На нем уже один раз спали!

- Это просто белье такое. –Стараясь говорить спокойно, объясняла Вера, хотя ситуация ей очень не нравилась. Разве такое бельё можно давать в поезд? Это же безобразие, а не бельё! Его списать давно пора, порвать на тряпки. Оно давно серое от старости. Но, чтобы защитить честь фирмы, она спрашивала, как в ни чём не бывало у пассажира:

- И с чего вы взяли, что оно «китайское»? Оно наше. Его в Хабаровске сшили на фабрике «Заря», вот бирка!

При этих словах все пассажиры в купе захихикали.

- Деточка! –Сказал ей все тот же пассажир. –«Китайским» называют проводники белье, которое уже один раз выдавали пассажирам. Вы что не знаете?

- Нет. –Сказала Вера. –А вы-то откуда знаете?

- Я сам был проводником! –Заржал пассажир. –И по секрету скажу вам, сам так же делал!

Вера посмотрела на пассажира так, будто он стукнул её по голове пыльной наволочкой и ничего ему не ответила. Пока она меняла «китайское» белье на «русское», все проводники уже позавтракали. Придя к раздаче последней, она, как и все попросила кашу.

- Каши нет. –Сказал ей парень в окне и улыбнулся, обнажив в улыбке красивые зубы. – Все съели.

«Симпатичный», подумала Вера, но виду не показала, а деланно равнодушно спросила:

- А что тогда есть?

- Ничего. Я имею в виду, для проводников ничего. У вас завтрак до десяти. Сейчас двадцать минут одиннадцатого. –И парень посмотрел на часы. –Ваш бригадир так распорядился.

- Это безобразие, теперь что мне, голодной ходить? – Тихо сказала Вера, разворачиваясь, чтобы уйти.

- Бифштекс с гречкой будете? – Крикнул вдруг повар, перевешиваясь через раздачу. Вера обернулась, посмотрела на парня и кивнула:

- Компот остался? – Спросила она, подойдя. – Или там, какао хотя бы.

- О, я вижу вы гастроном! – Засмеялся парень. Ах, как блеснули в этот момент его глаза! Будто вылетели по стреле из каждого и вонзились Вере в сердце! Не забудешь такого.

- Будет вам какао. – Сказал парень. – Даже с печенькой. И взяв стакан, он отошел от раздачи, чтобы его налить.

- Не надо какао. – Тоже перевесившись, как и он через раздачу, сказала Вера, оглядывая нутро кухни. – Это я просто пошутила. Вспомнила, что гречку с котлетами в детстве мама заставляла запивать чем-нибудь.

- Поздно! – Появился перед ней со стаканом какао в руке повар и сделал строгое лицо, увидев, что она чуть ли не наполовину к нему влезла. – Назад с дайте чуть-чуть, а то стакан с тарелкой поставить некуда.

- Хорошо, сейчас.

Вера стала сдавать, смешно виляя всем телом и бормоча:

- Какое узкое местечко...

Когда она уже встала на ноги, он ей снова улыбнулся, сказав:

- Извините, компот кончился.

- Жаль. Я в детстве могла его литр выпить. За едой. С ягодами вместе.

- Приходите пораньше, – пожал он плечами.

- Ладно.

Вера взяла стакан с какао и отпила немного.

- Ничего. Какао тоже сойдёт. – Сказала она.

- И какао, кстати, остатки. Вам повезло. А вы из какого вагона?

Он наклонился к ней и посмотрел снова так испытующее и серьёзно прямо в глаза, что у нее ёкнуло что-то внизу живота и замерло сердце.

- В 17 –м, то есть мы же назад, ... в седьмом. – Чувствуя, как жарко за пульсировала кровь у нее в висках, сказала она.

- Вечером, если не опоздаете, смогу предложить вам рис и тефтели. – Сказал он.

- А если я вдруг снова опоздаю? – Неожиданно игриво для себя спросила Вера.

- Тогда я приду к вам в седьмой и предложу... всё, – очень серьёзно сказал он ей.

На полусогнутых ногах она отошла от раздачи и села за самый дальний столик. В голове молоточками стучал вопрос: «Что это с ней? Что внутри творится? Её всю трясёт». Она села и три раза глубоко вдохнула и выдохнула, прежде, чем начать есть. Но едва она поднесла вилку ко рту, как в вагон – ресторан зашел бригадир Гамлет Раисович и закричал с порога:

- Моисеева, ты почему тут ещё до сих пор? Все давно поели! Свободный сейчас, уголь привезут.

- Но я есть хочу... – заканючила Вера, поворачиваясь к нему.

- Марш в свой вагон, быстро! – Сказал бригадир. – Там поешь. – И Вера, прихватив с собой ещё полную тарелку с едой, печенье, но оставив какао на столе, побежала получать уголь.

Весь день ей потом было не до еды. То «двойники» зашли, люди с одинаковыми билетами, то мужик сел на станции Облучье с целым мешком засоленных шкурок соболя и такую вонь развел по всему вагону, что пассажиры взбунтовались и побежали ей жаловаться. Пришлось мужика высадить с милицией на одной из станций. Еще разносчик из ресторана, кажется Сергей, пару раз прошел по вагону с подносом, на котором были бутерброды с рыбой, споткнулся на выходе из тамбура о какие-то тюки и рассыпал все бутерброды на полу прямо у туалета. Затем, на глазах пассажиров, собрал все на поднос и, как ни в чем не бывало, пошёл опять их продавать. Пришлось доложить об этом безобразии бригадиру.

- Ты што совсем спятил, да? –Брызгая слюной и размахивая руками перед лицом Сереги, громким шёпотом отчитывал его потом в тамбуре Гамлет Раисович. –Што упала, то прапала –ты такую слышал поговорку?

- Бутерброды дорогие. –Тупо оправдывался Серега. –С красной рыбой.

- До хоть со стерлядкой, -делая ударение на первый слог, кипятился бригадир. - Мамой клянусь, да! Они в грязь упали, а он их подобрал и дальше... Ты хоть понимаешь, что так нельзя делать? –Тряс он рукой перед Серегиным лицом:

- Сам бы ел? Нет, так?

Разносчик хлопал глазами и с блуждающей ухмылкой на губах, тупо перекладывал с места на место бутерброды на подносе. Было в его глазах что –то странное, пугающее, хотя Вера тогда не придавала этому значения. Это потому что Светка, ее напарница, говорила, что Серега ужасно милый. Знает много прикольных анекдотов и историй. Но то, как он продавал бутерброды, Вере всегда казалось странным. Как будто ему было все равно, купят их у него или нет. Каждый раз, когда он проходил мимо с подносом, полным бутербродов в одну сторону состава, она замечала, что он их не предлагает, а словно просто идет по своим делам куда –то с ними. Иногда он так и возвращался назад с полным подносом. Что –то у него все же покупали, хотя редко. А однажды он отдал почти весь поднос с бифштексами её напарнице Свете, и они потом ели их весь день, вместо обеда, полдника и ужина, запивая горячим чаем.

В тот самый день, когда впервые заглянул к ним в вагон Матвей, Света ушла спать пораньше, чтобы заступить с утра, а Вера села у окна и стала думать, как жить дальше. Она училась на переводчика в Хабаровском инязе. И уже на втором курсе поняла, что работы ей в родном городе не найти. На практике в местном бюро, за все лето она перевела пособие для начинающих пчеловодов, инструкцию к цветному телевизору, агитационную брошюру Церкви Иисуса Христа и бирку на английском языке от парфюмерного набора из Малайзии. За все это она получила в конце лета 900 рублей 30 копеек. Именно тогда в ее жизни появился этот ужасный человек по фамилии Сорокогуз. От одного сочетания букв Веру сейчас просто передергивало.

Поначалу все было словно в шутку. Они познакомились в компании их общих знакомых. Хотя, если вспомнить, то никаких общих знакомых у нее с майором никогда не было. Свалился он на Веру, в общем, как черт из дымохода. Кто его привел, она так и не смогла никогда не узнать. Толстый, с маленькими колючими глазами, весь вечер он шутил, рассказывал армейские анекдоты, некоторые из которых, впрочем, были довольно смешными. Такой не мог всерьез понравиться, но Вере в то время было словно бы все равно. Жизнь казалась понятной, простой, веселой, сотканной сплошь из розовых ниток, а от нотаций ее тошнило, и когда отец говорил про то, как важно иметь рядом с собой в жизни мудрого советчика, опору, короче говоря, мужчину, который мог бы и поддержать, и помочь материально, она смеялась. Среди парней –студентов, она точно знала, таких не было. Все они казались инфантильными, не приспособленными к жизни, и уж точно никак не напоминающими детей покорителей Сибири.

Сорокогуз же, напротив, казался именно таким, какого хотел видеть с ней рядом папа. Вера с нежностью подумала сейчас, что отца она все же любит. Он добрый, милый, спокойный человек, которому в жизни ничего не надо, кроме его философских книг и поучений. Сорокогуз же по жизни был верткий, хваткий, цепкий, он напоминал французского бульдога, который если сомкнет челюсти, то ни за что уже добычу не отпустит. Так оно и вышло. Как –то вечером он пришел и шутя, предложил всем студентам «упиться шампанским». Платил за всех. Это её впечатлило. Бедных студентов не пришлось долго уговаривать. Пили и веселились у реки всю ночь, а потом он напросился проводить ее домой.

Может, влияние на нее тогда оказал сам этот день –теплый, добрый, с ласковым солнцем. И вечеринка их студенческая прошла очень легко, празднично, в веселье и смехе, как не было давно. Сорокогуз был в ударе –острил, сыпал скетчами, делал на бис «ласточку», в конце

которой падал плашмя на землю, доведя всех до гомерического смеха. Словом, в тот день он был на коне. А Людка, ее институтская подруга, возьми, дура, да и ляпни: «Ой, а вы были бы классной парой, мне кажется!» И все заорали: горько, горько! И Сорокогуз вдруг полез к ней целоваться, а Вера, вместо того, чтобы оттолкнуть его или врезать, как следует, сыграла зачем-то роль невесты. С этого и началось.

Следующие три месяца он засыпал ее цветами, нанимал такси, чтобы оно возило Веру в институт и привозило ее домой. Подруги стали ей завидовать, друзья, увидев, со значением подмигивали, а она отнекивалась, обзывала их «дураками» и «уродами», посылала их «очень далеко», злилась, хохотала, как бешеная, огрызалась, но продолжала принимать ухаживания майора и играть идиотскую роль пассии, хотя все больше и больше чувствовала, как какая-то невидимая сила заводит ее в подземный лабиринт, откуда нет выхода. Уже тогда в сердце у нее появился смутный страх, что Сорокогуз не то, что он не такой, каким себя выставляет, он другой, с гнильцой и темными пятнами, но с беспечностью молодости, она думала: «Я не попадусь. Я выкручусь. Выскользну. Придумаю что-нибудь». Эта уверенность, что все благополучно решится в самый последний момент, была с ней до тех пор, пока однажды Сорокогуз не подарил ей кольцо с бриллиантом. И она, совершенно неожиданно для себя, приняла этот подарок.

- Ты выйдешь за меня? – Спросил майор, когда она примеряла кольцо.

- Зачем? – Спросила Вера.

- В золоте купаться будешь!

Вера фыркнула. Хотя ей польстило такое обещание. И всё же в глубине души, она это чувствовала, плевать ей было на золото. Она была папиной дочкой. И также, как он, она никогда не сходила с ума от денег. Зато вокруг все сходили. Только и слышно было изо всех углов: деньги, деньги, деньги... Это столько стоит, а это столько. А на это столько надо. А дом нормальный вообще миллион стоит. И она подумала, что деньги, наверно, это важно. И раз уж крутится вокруг нее этот человек с деньгами, то наверно, таким и бывает счастье. И Вера сказала «да».

Свадьбу, назначенную на конец осеннего семестра, отгуляли шумно. Студенческая братия, как всегда, побила все рекорды по количеству выпитого алкоголя на душу населения. Веселились с выдумкой: читали «Гамлета» голосами геев, спели «Гаудеамус» по «фене», переложили на рэп сказку Пушкина «Спящая царевна». Потом был спектакль «Красная шапочка» в исполнении Вити Анучкина, мальчика с факультета французского языка. Говорил Витя на дикой русско-французской смеси, подыгрывая себе на гитаре, и произносил русские слова с таким носовым прононсом, что все студенты сползали от смеха со стульев. Ирония заключалась в том, что Витя и по жизни был картавым.

В сущности, все, что делали в тот вечер, было очень глупо, но как раз это -то и было смешным. Потом еще были шарады и танцы. Потом ручеек и бутылочка, все, как на обычных студенческих вечеринках. В какой-то момент, Вера оглянулась, чтобы найти глазами майора и увидела его, стоящего у колонны, толстого, краснолицего с пачкой денег в руках и объясняющего что-то менеджеру ресторана, в котором они устраивали свадьбу.

При виде этой сцены, с ее глаз словно спала пелена. Она увидела себя в объятьях этого человека – грубого, чужого, толстого, до омерзения меркантильного. Жующего еду, храпящего по ночам, целующего ее в губы и куда ему хочется... И эти картины пронеслись в ее сознании с такой беспощадной очевидностью, что она вынуждена была закрыть себе рот, чтобы не закричать от ужаса. Вечер был безнадежно испорчен. Не радовали ее больше ни скетчи, ни монологи друзей, ни новомодная группа, которую пригласил по ее просьбе на свадьбу майор...

А к утру феерия кончилась. Вера обнаружила себя лежащей с ним в кровати, сальным, потным и храпящим, всё, как она представляла и вдруг поняла, что никогда его не сможет полюбить его и терпеть. Перед ее глазами стояли события прошедшей ночи, когда Сорокогуз,

придя в спальню, не раздеваясь, завалился в кровать и потребовал близости. А когда она отказала, возможно, чуть более резко, чем нужно, он подмял ее под себя, как крупный зверь самку, сорвал с нее бельё и вошел в нее грубо, будто в шлюху, а затем засопел, завозился наверху – потный, толстый, скользкий, как кусок сала. Сделав свое дело, он затих, сполз с нее и начал храпеть.

А она лежала всю ночь с вытаращенными от ужаса глазами, боясь пошевелиться и лишней раз причинить себе боль той невыносимо жгучей скверной, которая затаилась у нее в груди. Слезы лились у нее из глаз, делая подушку мокрой. К рассвету она все решила. Быстро собравшись, она написала записку: «Не ищи меня. Все было ошибкой. Прощай. Вера.».

Написав, она положила записку на стол, затем взяла ее и два раза подчеркнула слово «не ищи». Взяв чемодан, она направилась к двери, но тут вспомнила, что забыла в ванной косметичку. Тихо чертыхнувшись, она поставила чемодан и на цыпочках прокралась в ванную. Когда она вышла оттуда, Сорокогуз стоял возле стола и читал записку.

- В чем дело? –Спросил он.

- Ни в чем. – Пожала плечами Вера, подходя к чемодану и беря его за ручку.- Я уйду.

- Куда это ты уходишь? –Хохотнул Сорокогуз. –Ты моя жена! Вчера мы расписались.

Он подошёл и сгрёб её.

- Руки убери, свинья! – Взвизгнула она, почувствовав, как душа её наполняется отчаянной злобой к нему:

- Это была ошибкой, я сказала. Извини и прощай. Развод получишь по почте.

- Что?! –Заревел Сорокогуз, уперев руки в бока и преграждая ей путь. –Ты что, девочка, шутки со мной вздумала шутить?! Знаешь, сколько я отвалил вчера за свадебный банкет и всё это?

Он обвел грудю подарков, лежащих в углу и стал загибать пальцы:

- Кольца, одежда, сережки машины, подарки, ансамбль этот гребаный а?!

- А мне плевать! – Заявила Вера. - Меня это не касается!

Даже от присутствия этого человека здесь, в её личном пространстве, ей делалось дурно. Ноги тряслись. Ее пошатывало. В животе возникла какая –то тяжесть, словно туда бросили гнет. Она мечтала исчезнуть отсюда. Аннигилироваться. Смыться! Отмахнувшись от мужа, как от назойливой мухи, она сделала шаг к двери. Но майор внезапно схватил ее за плечи и сжал так сильно, что у Веры от боли потемнело в глазах. Она запрокинула голову и закричала:

- На помощь! Да помогите же! Отпусти меня, козел, немедленно!

Образумившись, он выпустил ее, попытавшись все перевести в шутку.

- Да бог с ними, с деньгами, –нарочито беспечно вдруг сказал он. –Еще заработаю.

- Ненавижу. – Повернувшись к нему, отчетливо сказала Вера. –Если ты сейчас же не отойдешь в сторону и не дашь мне выйти, я ночью перережу тебе горло или вскрою себе вены –обещаю. Ты мне веришь?

Майор посмотрел на нее в упор и понял, что она говорит серьезно. Вера встала и подошла к чемодану.

- Девочка моя...-майор попытался перехватить ее руку с чемоданом. –Вера, ну, брось, хватит...

- Уйди! –Закричала она и то, какая ненависть была в ее голосе, остановило его:

- Уйди! –Сжала кулаки она. –Не смей ко мне прикасаться!

Он был вынужден отойти. Вера уехала. Пожила у родителей. Почувствовав, что они осуждают её, сняла квартиру и переехала. Деньги вдруг кончились. Тогда она перевелась на заочное и стала искать работу. Где -то через полгода жизни в одиночестве боль стала утихать. Она втянулась в занятия, в работу, которую нашла, стала забывать о тогда ещё капитане Сорокогузе. Напомнил он о себе внезапно. Как –то раз, решив навестить родителей, она пришла к ним в

гости и вдруг увидела его сидящим за столом в ее доме вместе с отцом и матерью. Втроём они пили чай.

- Что ты здесь делаешь? –Спросила Вера, увидев его. –Мне, кажется, мы все решили.

- Брось, Верунь, -мягко сказал Сорокогуз, вынимая из кармана платок и вытирая потный лоб. –Ну, повздорили, с кем не бывает.

И этот его сладкий голос, и та театральность, с которой он говорил, вдруг сразу вывели Веру из равновесия. Подбежав к двери, она открыла ее настежь и закричала, побелев лицом: вон, отсюда, немедленно! Катись, я тебя ненавижу!

- Успокойся, Вера! – Мягко сказал отец дочери, вставая из –за стола. –Ты не у себя дома.

Он пришёл к нам.

- Тогда я уйду, -сказала она, начав одеваться.

- погоди, не кипятись, дочь, - остановил её отец. - В чем –то он прав. Вы –муж и жена.

И раз так –должны жить вместе.

- Папа, ты не знаешь, что он за человек. – Крикнула Вера.

- Конечно, не знаю. –Развёл руками отец. –Ты же не спрашивала моего совета, когда выходила замуж.

Он подошёл к ней и взял за руки. Вера опустила голову на плечо отца.

- Прости, папа, прости меня!

Она всё-таки ушла.

Но с того времени Сорокогуз неотступно стал следовать за ней. Она переехала в Абакан и устроилась там работать в бюро переводчицей. И вдруг от знакомых узнала, что и он переехал в Абакан, и теперь работает там, заняв доходное место начальника патрульно -постовой службы. Ему дали даже майора. Шли месяцы. Сорокогуз то появлялся, то исчезал, но никогда не подходил и не делал попыток заговорить с ней. Иногда на столе в ее комнате появлялись цветы –огромный букет пурпурных роз и неизменная шоколадка. Букет Вера выбрасывала в окно, шоколад брала двумя пальцами, как контейнер с ядом и бросала в мусорное ведро. Но майор всё равно не отступал.

Когда иногда утром она выходила из дома, он сидел у подъезда в машине, когда выходила с работы, то видела, как он бродит под деревьями в сквере. Пару раз он пытался подойти к ней, но Вера так резко его обрывала, что он вскоре перестал это делать. Летом ей снова предложили поработать в переводческом бюро уже на других условиях, но все равно с маленькой зарплатой, и Вера начала раздумывать идти ей туда или нет.

Вечером в гости приехал из Биробиджана дядя и предложил похлопотать за нее у своего друга, бригадира поезда, за место проводницы, если она хочет. Вначале отказавшись, Вера затем подумала, что так, наверно будет лучше. Она уедет, и в ее отсутствие, майор, возможно, быстрее забудет все или найдет кого –то еще. Через два дня после этого разговора, она позвонила дяде и сказала «да». Она еще не знала тогда, что ее устройство на работу в контору совпадет по времени с переводом Сорокогуза в начальники тюрьмы города Счастливый.

Вера посмотрела сейчас в окно мчащегося поезда. Снаружи, вспыхивая желтым светом на полустанках, мелькал ночной пейзаж. Грозными исполинами выскакивали из темноты опутанные проводами электрические столбы. Вера поехала, ей казалось, её знобит. Потрогав лоб, она решила прилечь. Не хватало ещё какую- то хворь подцепить. И всё из-за отношения к ней бригадира. Взял и прогнал её из ресторана. Надо же... Она так и не поела сегодня нормально. Теперь до утра придется терпеть.

Она встала, открыла шкафчик, достала печенье, которое дал ей Мотя, налила себе чаю и снова села к окну. Вдруг в дверь ее купе постучали.

- Войдите. –Сказала она. Дверь открылась и в купе всунулась улыбающаяся голова Матвея. Без колпака он выглядел даже симпатичней.

- Можно? –Спросил он.

- Вы...ко мне? – Удивленно спросила Вера.

Она не знала ещё, что он так часто делает. Придёт без предупреждения – и нате, любите его!

- Да. – Матвей поставил на стол алюминиевый судок, накрытый крышкой. – Вот. Рис с тефтелями, как обещал.

- Но зачем же?...- Спросила Вера, уставившись на судок.

- Как? Вас на ужине не было и я подумал, что...в общем, приятного аппетита! – Сказал он, поворачиваясь, чтобы уйти.

- Погодите, куда же вы так сразу? – Испугалась она таким быстрым его уходом.

- А что? – Повернулся он к ней.

Она не знала, что этот трюк он проделывал много раз с другими проводницами. Делал вид, что уходит, а потом его останавливали. И он оставался. Причём обычно на ночь.

- Ну, как что посидите? Вот садитесь тут, рядом, раз уж пришли. Составьте мне компанию.

Матвей кивнул, улыбнувшись и сел рядом:

- Осторожно, всё еще горячее! – Предупредил он.

- Вы прямо, как фокусник - иллюзионист. – Сказала Вера. – Не успела про ужин подумать, как вы – раз и уже здесь.

- Кушайте на здоровье.

- Ладно. Поем. Но только если мне не понравится...

- Ешьте, ешьте! – Сказал Матвей, доставая из кармана белой поварской куртки салфетку, в которую был завернут порезанный черный хлеб и протянул ей:

- Вот ещё, хлеб забыл. Чуть не ушёл с ним.

Вера покачала головой и взяла хлеб, но как -то осторожно. Ей вдруг показалось, что она дикий зверь, которому добрый человек принес еду, но в то же время вместе с хлебом он отбирает у нее свободу и возможность выбора не брать из его рук хлеб в дальнейшем. Она тряхнула головой, отгоняя от себя это наваждение.

- Устали? – улыбнулся Матвей.

Вера кивнула и снова подумала, что улыбка этому парню очень идет. И он, наверняка знает об этом. Может быть даже, как она когда –то, встает по утрам перед зеркалом и репетирует улыбку, «ставит» ее. И этой мысли ей стало неприятно, и блеск его улыбки померк, обесценился. Ну, вот что казалось бы плохого, подумала Вера, что пришел человек, принес поесть, так нет же, надо о нем всякие гадости думать, самоедка чертова! Всё- таки нельзя женщине иметь высшее образование, оно её портит.

- Трудный день был. – Кивнула она, беря вилку и кусочек хлеба. – А у вас?

- Как всегда. – Сказал Матвей.

- Вам... тебе нравится ездить? – Вдруг сразу перешла с ним на «ты» Вера.

- Очень. Я когда приезжаю домой с тура, могу отдохнуть день, два, от силы неделю, а потом уже места себе не нахожу. Тянет куда –нибудь смыться, подальше от столицы. А вам – нравится?

- Давай на «ты» ладно? – Попросила она запоздало. Матвей кивнул и опять улыбнулся. Вот так улыбка! Она почувствовала, как кровь опять прихлынула к голове. Перед глазами промелькнул вдруг целый ряд образов, отчетливых, явственных, в деталях и красках, и все они были очень непристойного содержания. Она приложила руку ко лбу, пытаясь отогнать эти видения.

- Тебе плохо? – Спросил он.

- Да нет. Все нормально. Просто... чувствую себя не важно. – Вера тряхнула головой. – Наверно, я действительно перетрудилась. Надо поспать.

- Ладно, – сказал Матвей, вставая. – Понимаю. Я пойду. Приму душ и все такое.

- Но ты...вы ещё вернётесь? –Неожиданно для себя перейдя опять на «вы» и от этого начав краснеть, спросила Вера.

- Зачем? –Улыбнулся Матвей.

- Судки.

Она показала на кастрюльки.

- Завтра вернёте. – Махнул он рукой.

- А...завтра утром я буду спать после ночного. Напарница будет дежурить, Светка. И потом...знаете, что?

- Что? –спросил Матвей

- Вы забыли мне принести компот!

Они оба рассмеялись.

Глава восьмая

С тех пор, как в Счастливом появился старик еврей, в городе что –то изменилось. Воздух что ли стал более чистым. Или разреженным, как в горах. Умные люди говорили что-то начёт снижения парциального давления и уменьшения кислорода в крови. Глупые объясняли всё тем, что конец Света начался. Вон и лес, мол, говорит об этом. Как бы там ни было, но дышать теперь, в самом деле приходилось с осторожностью, поскольку любой крик или ссора, приводили отныне к затруднению дыхания. И следовало тысячу раз подумать, прежде чем начинать выяснять отношения на повышенных тонах. Поначалу пытались выяснить, что происходит друг у друга, потом даже вызвали в Счастливый специалистов –медиумов из Хабаровска.

Те ходили по городу с лозовыми веточками в руках, сказали, что в городе что –то явно не так, может где –то портал открылся из параллельного мира, но где именно – не сказали. Вызвали тогда двух физиков-евреев из Биробиджана. Они заявили, что в Счастливом-де возникла магнитная аномалия. Их спросили, где именно. Они сказали, что не покажут, если им не дадут вначале денег. Им не дали, они уехали.

А после их отъезда разнесся вдруг слух, что данная аномалия вовсе не аномалия, а ни что иное, как редкий вид астмы, завезенной китайцами в Россию. В тот же день с полок аптек смели все противоастматические препараты. Но задыхания всё-таки продолжались. И тогда постепенно выяснилось, что если не кричать, и говорить спокойно, то астма не проявляется и тоже ведет себя спокойно. А, заговорив тише, люди стали вдруг слышать друг друга, чего раньше не наблюдалось. Клава Авертова, например, однажды услышала от своего мужа Андрея слова, на которые раньше не обращала внимания:

- Я ненавижу, как ты готовишь. –Тихо сказал он. И Клава, вместо того, чтобы разреветься, как обычно, и устроить истерику, и убежать, хлопнув дверью, и набить посуды, также тихо сказала:

- Давай пойдем в ресторан тогда. Мы ведь с тобой никогда не были в ресторане.

Андрей очень удивился такой ее реакции, но неожиданно для себя сказал:

- Пойдем.

Они надели лучшее, что у них было –Андрей свадебный костюм, а Клава платье, подаренное ей отцом, то самое, в котором была она на выпускном, только изрядно расшитое, со вставками из другого материала и вышли из дома. Навстречу им попадались люди –тоже тихие, будто испуганные, но в целом дружелюбные и хорошо одетые. Некоторые им даже улыбались, здороваясь, и Клава с Андреем, впервые в жизни, тоже кланялись и улыбались встречным людям. Так они дошли до улицы Красноармейская, где раньше всегда было кафе, но не нашли его. А вместо него теперь стоял магазин для богатых с вывеской «Гастроном» наверху, весь облицованный каким –то невиданным в этих местах бирюзовым пластиком небесного цвета и сверкавший в свете ночных фонарей, как облизанная исполином карамелька.

- А где же ресторан, то есть, кафе? – Спросила Клава, пробежавшую мимо них парочку молодых людей.

- Да это он и есть. –Кивнул парень на красивый дом, тут раньше клуб был, а теперь – во!

Парень, расставив руки, ещё раз кивнул на здание. После этого молодые люди, как ни в чем не бывало, побежали дальше. Клава с Андреем переглянулись. Так вот, значит, что. Единственное в городе кафе «Юбилейное», как оказалось, сменило вывеску.

Они подошли ближе и у самых дверей увидели ещё одну табличку, где шрифтом помельче было написано: «Ресторан французской кухни».

- Ну, вот, видишь, -сказала Клава, показав на сделанный золотом по чёрному гляncу рукой. – Всё правильно.

- Ну, так мы пойдем или нет, что –то я не пойму? –Сказал Андрей и нервно поправил галстук, который ужасно тер ему шею.

- Наверно. –Пожала плечами Клава. И, открыв тяжёлую дверь, они осторожно зашли внутрь.

В бывшем кафе, а теперь ресторане, горел свет, лампы и свечи. После ремонта зал выглядел иначе. Оконные рамы освежили краской. Столы сверкали накрахмаленными белыми скатертями, пол блестел, натертые воском колонны благородно мерцали отраженным светом. Балкон зала был увит гирляндами, как в новогодний праздник, хотя лето было в самом разгаре. За стойкой буфета стояла полная, но миловидная женщина в белом накрахмаленном переднике и натурала полотенцем бокалы. Увидев посетителей, она механически ухмыльнулась и вдруг, схватившись за шею, стала трогать ее со всех сторон.

- Раздевайтесь сами, гардеробщика пока нет, - засипела она, показав на вешалку.

- Ничего, ничего мы сами, - махнула рукой Клава. –Спасибо.

Повесив вещи, они пошли выбирать себе столик. В ресторане в этой время народу было мало. За столиком у окна сидел пожилой человек и тупо смотрел в меню. Иногда он поднимал голову и дико озирался по сторонам. Было видно, что ему не по себе. Еще трое мужчин сидели через два столика от него у другой стены и что –то тихо обсуждали, читая меню. Судя по одежде, они были рабочими с лесозаготовки. Разговаривая, они то и дело показывали пальцами то на колонны, то на потолок. Было видно, каких громадных усилий им стоит не кричать и не сквернословить. Клава с Андреем застыли на входе в зале, слегка растерявшись и явно не зная, какой столик выбрать.

- Добро пожаловать. - Услышали они чей-то голос и повернулись на него. На них улыбаясь смотрел высокий седой старик в накрахмаленной белой куртке и косынкой на шее. –Куда желаете сесть?

- А...к –куда можно? – Едва начав говорить, запнулся Андрей, зардевшись от собственной неуверенности.

- Да куда хотите. –Повеселел старик. –Рекомендую вон в том уголке –и он кивнул в направлении затемненного места в углу, отгороженного от остального зала портьерой. –По – моему там вам будет уютно. Со временем я планирую сделать кабинеты для семейных пар, но пока могу предложить вам лишь это. Устраивает?

Андрей церемонно кивнул, Клава запоздало кивнула тоже и на ходу шепнула Андрею:

- Здесь наверно ужасно дорого, мы разоримся.

Муж немного расстроился, но отступать было некуда и они пошли туда, куда показал старик. Однако, раскрыв меню, они увидели, что цены вполне доступны

- Что будете пить? –Спросил старик, подходя к ним и наклоняясь в полупоклоне. –Рекомендую вам мою фирменную ангельскую наливку в качестве аперитива. Дивное послевкусие имеет!

- Пожалуй! – С вызовом согласился Андрей.

- А мне... хотелось бы шампанского. – сказала Клава, вжав в голову в плечи, как человек, готовый отказаться от своих притязаний при первом же окрике.

- Конечно. –С готовностью кивнул старик и, записав что-то прямо на обшлаге белоснежной куртки, ушел выполнять заказ. Однако вскоре вернулся и, как ей показалось, немного смущенно спросил:

- Есть «Советское шампанское» и «Мадам Клико». Вам какое?

Клава посмотрела на мужа. Он вздрогнул плечами.

- Мне, э-э... Любое. –Нашлась Клава.

- Тогда советую «Брют», это надёжно. – Пообещал старик.

Клава кивнула и посмотрела на Андрея. «Я так тебя...» - вместе сказали они и рассмеялись.

Старик подошел к стойке буфета, черкнул что –то не листочке и показал Шрапнели:

- Бутылку шампанского «Брют» и рюмку наливки. И прекратите без конца терзать шею –это отпугивает клиентов!

- Но вы же сами такое сделали! –сказала Шрапнель, трогая шею снова и снова.

- Я еще раз вам повторяю. –Сказал старик, ничего такого, я не делал! Вам это просто показалось.

- Показалось?! –Воскликнула Шрапнель –Да Вы!...- и тут же закашлялась в астматическом кашле. Достав сразу из кармана передника громадный баллон со спреем, она открыла рот и стала прыскать в гортань из баллона.

- Дайте сюда! –Твердо сказал Соломон, отбирая у неё лекарство. –Вы с ума сошли так часто этим пользоваться! Сожжете всю слизистую! И потом, кто вам сказал, что это помогает?

- Доктор Полосухин. –Глотая лекарство с видом непередаваемого омерзения, плаксиво сказала Шрапнель. –Всем известно, насколько опасна эта китайская астма.

- Глупости! –Убежденно сказал Соломон, ставя пустой бокал и бутылку шампанского на поднос. - Полосухин не специалист по астме. Он лечит, представьте, гомеопатией. Даёт человеку пустышку, будто тот ребёнок. Какая дикость! И вообще, по секрету скажу вам, нет никакой астмы! Надо просто не кричать.

- Как это возможно? –Басом спросила Шрапнель, у которой от лекарства сел голос.

- Сопротивляться! –Поставил точку в разговоре старик и понес посетителям напитки. – Делать усилия!

Шрапнель посмотрела в спину старику, на редких посетителей в зале. Если бы она рассказала им, что произошло с ней вчера утром, они бы наверняка упекли ее в сумасшедший дом. Впрочем, за последние несколько часов она и сама стала сомневаться, были ли это с ней на самом деле, или ей это все приснилось. А дело было так:

Утром она встала, как обычно, поставила арию Тоски из оперы Каварадосси и немного распелась. Потом съела на завтрак два яйца всмятку, рисовую кашу, сухие галеты, которые одно время приносил ей знакомый прапорщик по фамилии Пантюхин из пограничной части. Дела у них не шли, в том смысле, что прапорщик все хотел вскочить на нее, как вскакивают на доберманов таксы, но Аду Григорьевну эти его кавалерийские наскоки только смешили, и если и вызывали в ней чувства, то лишь саркастического толка. Для себя она решила, что ничего у них не получится. Прапорщик по привычке продолжал заходить, приносить тушенку и сладости, а галет за это время он нанёс на целую дивизию. Придя, он складывал провизию на стол, садился в кресло и приложив пальчик к щеке с упоением начинал слушать арии в исполнении Ады Григорьевны. За это она его и терпела. Выражение почтительной преданности не сходила с лица прапорщика даже тогда, когда она жутко фальшивила или давала сиплого петуха. Иногда она болела и в такие дни не вставала даже, чтобы открыть дверь. Прапорщик тогда забирался к ней через окно, успокоив её ладошкой, лежите, мол не вставайте, шёл на кухню, где варил ей суп, или макаронны с ливером, густой, как клейстер солдатский кисель, ставил потом все

готовое на тумбочку на подносе и галантно исчезал. Ада Григорьевна за это была ему безумно, безумно благодарна! Но и только. Больше ничего она прапорщику предложить не могла. Себе она с горечью признавалась, что не любит его. И вряд ли полюбит когда-нибудь впредь. И не только его, а наверно кого бы то ни было. Видимо, она уже отлюбила свое.

Ада Григорьевна в то утро вздохнула этим своим мыслям, намазала маслом галету и с хрустом откусила. Потом она съела еще немного тушенки и запила все чаем со сгущенным молоком. День обещал быть хорошим. Ада Григорьевна уже собиралась выйти и пойти немного позагорать на солнце у себя на заднем дворе, как вдруг в дверь постучали. Она открыла. На пороге стоял седой старик с очень добрыми глазами и улыбался.

- Здравствуйте. – сказал он. – Вы – Шрапнель?

- Что?! – Возмутилась Шрапнель своим оперным голосом. – Да как вы смеете! – Старик смутился и посмотрел в бумажку, которую он держал у себя в руке. - Извините, Игорь Всеволодович, дал мне этот адрес, наверно, он ошибся.

- Он не ошибся. Просто для кого Шрапнель, а для кого Гамаюн Ада Григорьевна! - Закричала она оперным голосом, тут же, впрочем, закашлявшись. – А если кому – то очень хочется называть меня этим обидным прозвищем, то пусть поцелует меня в зад!

Тут она для пущей убедительности развернулась и, наклонившись, продемонстрировала старику свой непередаваемо мощный зад. Однако сразу же после этого она снова закашлялась и схватив баллончик со спреем несколько раз судорожно вдохнула аэрозоль, брызнув её себе в рот и пробормотала затем сдавленно:

- Чертова астма! Но я непременно ее вылечу!

- Простите, но мне вас так рекомендовали. – Снова начал старик, разглаживая на руке бумажку.

- Между прочим, есть люди, – доверительно сказала она, - которые называют меня Ласточка. Но никогда - Шрапнель!

- Простите. – Опять извинился старик. - Я думал, это ваша фамилия.

- А вы зачем ко мне пришли вообще? – Подбочениваясь, спросила Ада Григорьевна.

- Я... я в некотором смысле ваш новый хозяин. – Сказал Соломон извиняющимся тоном.

- Что?! – Спросила Шрапнель сценическим дискантом и расхохоталась.

- Хозяин?! Да у меня с роду не было хозяина и никогда не будет! Я между прочим первым голосом пела. – Сказала она. – Вот, послушайте – и Шрапнель очень удачно вывела руладу из «Тоски». Разве такой голос может быть чьей – то собственностью?

- Очень странно. – Вдруг сказал Соломон, подойдя вплотную к Гамаюну и рассматривая ее лицо.

- В чем дело? – Возмущенно спросила она, делая шаг назад и прижимая руку к сердцу, чтобы продолжить арию.

- Если следовать тому, что вы говорите, то у вас ...не должно быть головы. – озадаченно сказал он. И Соломон, не обращая внимания на крики и протесты Шрапнели, схватил вдруг ее за голову и несколько раз сильно дернул. С третьей попытки ему удалось оторвать ей голову, под которой обнаружился довольно маленький, но судя по всему мощный динамик неизвестного производства.

E muoio disperato

E muoio disperato

E non ho amato

Mai tanto la vita

Tanto la vita!

Пропел динамик сиплым голосом. Соломон, засунув руку в туловище женщины покопался там, затем, ухватив что-то, вырвал это из глубины горла некий, похожий на переговор-

ное устройство прибор, повертел в руках и выбросил в мусорное ведро. Тело без головы тем временем продолжало стоять и шататься в такт музыки.

- Так я и знал! –Сказал он, и вытащив из кармана тонкий, как карандаш фонарик, подошел к голове, которая оставалась все это время лежать на столике в прихожей и с ужасом взидала на происходящее.

- Ну-ка, откройте рот! –Потребовал он.

- В чем все –таки дело? –Пропищала голова.

- Делайте, что вам говорят! –Решительно сказал Соломон. –Это для вашей же пользы.

Голова послушно открыла рот. Соломон посветил туда, что –то повернул, прочистил, откупорил, закрыл и сказал:

- Ну вот, теперь у вас в голове есть все, что надо для пения. Он осторожно взял голову Ады Григорьевны поднес к туловищу и приставил к шее. Затем снова отнёс голову и поставил её на стол.

- Клей у вас найдется? –Неожиданно спросил он голову.

- Что? Какой ещё клей? –Пропищал рот.

- Любой.

Шрапнель сморщила лоб, вспоминая, где у нее может быть клей.

- Там. –сказала она. Тело без головы подняло руку и показало в сторону комода. Соломон сунул голову Ады Григорьевны себе подмышку и подошел к комоду.

- Второй ящик снизу. - Пропищала голова. –Соломон открыл ящик, достал клей, взял голову, вернулся к всё ещё стоящему в коридоре телу, одетому в байковый халат фиолетово-синего цвет и шерстяные белые носки, смазал клеем края шеи и прижал голову обратно. В тот же момент Шрапнель замахала руками и схватилась за горло.

- Вы за это ответите! –Мультипликационным речитативом заклекотала она. –Вам несдобровать!

- Ну, вот...-пожал плечами старик. –Делай людям добро после этого.

- Убирайтесь вон. - Показала Ада Григорьевна на дверь.- Мой адвокат вам позвонит.

- У вас есть адвокат? –Удивленно спросил Соломон, закручивая тюбик с клеем и кладя его обратно в ящик. – Здесь?

- Может, и есть! –С достоинством парировала Шрапнель.- Вам –то что!?

- Просто, мне он тоже может пригодиться.

- Бесчувственный вы, бессердечный человек! Оторвать голову женщине! – Упав на диван, зарыдала Шрапнель, трогая без конца горло. Соломон подошел к ней, обнял за плечи и погладил по голове.

- Успокойтесь. –Сказал он. –Все же прошло...довольно безболезненно, в щадящем режиме.

- Но голос? –Спросила Шрапнель. –Как я буду петь?

- Со временем восстановится. –Пообещал Соломон.- Когда клей подсохнет...

- А шрам? Я даже боюсь посмотреть на себя в зеркало! –Воскликнула Ада Григорьевна. – Когда теперь заживёт шрам?

- Какой шрам? Никакого шрама нет и быть не может. Взгляните!

- Я не могу. Боюсь. – Закрыла ладонями глаза певица.

- А Вы не бойтесь. –Улыбнулся Соломон и подвел ее к зеркалу.

Ада Григорьевна с опаской отняла руки от глаз и посмотрела на себя в зеркало. Голова стояла на месте, как и раньше, шея гладко перетекала в грудь, и не было ни малейшей трещинки или царапинки, которая напоминало бы об отрывании головы.

- Но, послушайте...- сказала она, повернувшись к гостю, - вы же оторвали мне голову, я сама видела!

- Это вам показалось. Галлюцинации. Такие осложнения даёт иногда китайская астма.

- Да что вы говорите? – С ужасом спросила Шрапнель, поворачиваясь к зеркалу. – Но смогу ли я теперь петь?

- С этим вопросом она обернулась снова к старику, однако в комнате уже никого не было. На столе лежала записка. «Приходите на работу завтра в восемь. Не опаздывайте. Соломон».

На следующее утро Ада Григорьевна пришла на работу в семь тридцать. Перемены, которые произошли за это время в кафе, поразили ее. Вместо унитаза на кухне стоял теперь шкафчик для посуды, вместо ванны – большой разделочный стол. Полки сверкали чистотой, а ручки плиты искрились никелированным покрытием. На стене висели гравюры и эстампы с видами небесного Иерусалима, а на выходе большой овальное зеркало, в которое Шрапнель сразу же стала смотреться.

- Я рад, что вы пришли! – Шрапнель повернулась на голос и увидела вчерашнего гостя. В накрахмаленной белой куртке, колпаке и косынке он производил хорошее впечатление:

- До открытия нужно многое успеть – сказал он – во-первых, почистить овощи, затем приготовить ияды, натереть стеклянную посуду...

- Я готова. – Неожиданно легко согласилась Шрапнель.

- Вот и чудно! – Божественно улыбнулся Соломон.

Глава девятая

Клава и Андрей допили шампанское и аперитив и начали думать, что им заказать на ужин.

- Salade de legumes. Прочитал Андрей с трудом в меню. – Из лягушек что – ли?

- Кто его знает, – сказала Клава, листая меню.

- Вот. Пятое. – Показал Андрей.

- Нет, ну тут же написано мелко внизу: «Салат овощной с ветчиной или языком».

- С языком не хочу. – Покачал головой Андрей. – Он пупырчатый.

Дико коверкая слова, он произнёс дальше:

- Salade de choux-fleurs. Слушай, а мне тут нравится! – Сказал он ей с улыбкой.

За соседним столиком в это время трое мужчин тоже делали заказ. Шрапнель, достав из передника блокнот с ручкой, с отрешенным видом его записывала.

- Значит, мне этот вот – тыча пальцем в меню, играя бровью и нервно смеясь, сказал один из посетителей, явно лесоруб, настолько обветрено у него было лицо, так торчали волосы, явно бывшие долго под шапкой и такой нелепый был него грубый свитер с хомутом у горла:

- Как его...ля ...ла

- Ле пуасон! – Сказала Ада Григорьевна. – Послушайте, что вы делаете такое лицо, как будто вам надо прямо сейчас станцевать Сиртаки! Это просто жарена рыба – и все.

- Рыба? – Удивился клиент и почесал в затылке. – А чего ж тут так не написано?

- Потому что блюдо французское! – Закатив глаза, сказала Ада Григорьевна.

- Я тут клиент и мне должно быть понятно. – Буркнул Стройцев, так хвали лесоруба. Вернее, бригадира лесорубов.

- Начинается, клиент, ладно, так и буду вас звать...- проворчала Ада Григорьевна. – Школу надо было не прогуливать, тогда бы прочитали.

- Между прочим, он прав. – Донесся из-за барной стойки голос Соломона, который зачем – то натирал и без того чистые бокалы:

- Надо сделать меню на русском. Это ведь не Париж.

Ада Григорьевна фыркнула:

- Им что по – французски, что по – русски, они ни на каком читать не умеют, Соломон Шекспирович!

- Это вы напрасно, Ада Григорьевна. –сказал Соломон, выходя из –за стойки и подходя к столу:

- Фёдор Михайлович Стройцев, образованный, грамотный специалист. Я вам его рекомендую. Он техникум закончил.

Клиент поднял бровь, удивляясь осведомленности владельца кафе, но ничего не сказал.

- Техникум? –Переспросила Ада Григорьевна.

- Лесной, если быть точным. –Сказал Федор Михайлович, оглядев фигуру Ады Григорьевны и с восхищением щёлкнув языком.

- Просто чудесно! Мне стало быть надо познакомиться с вами поближе, –сказала Шрапнель - а то у меня паркет в комнате поднялся, возле окна, вода что ли попадает... Может, зайдете как –нибудь посмотреть?

Федор Михайлович пробормотал что –то насчет того, что он не большой специалист по паркету, на что Ада Григорьевна сказала:

- Вот так всегда с мужчинами –одни слова, а как только доходит до дела...

- Какой у вас паркет? –Сердито вдруг спросил Клиент. Лицо его покраснело, было заметно, что разговор ему даётся с трудом.

- Буковый. –Сказала Ада Григорьевна. –Очень старый, наверно, еще до революционный.

- Ну, хорошо, зайду как –нибудь посмотрю. –Сказал он.

- Вот и славно, - как о завершённом деле сказала Ада Григорьевна и написав что –то на листке блокнота, протянула Федору Михайловичу. –Адресок вот здесь.

- Добро...- все также сердито буркнул бригадир, сунув листок в карман. Его подчиненные, ещё двое лесорубов, одетые в такие же грубые свитера и брюки, как у него, во время их разговора перемигивались между собой, и это тоже стало дополнительной причиной его плохого настроения.

- Итак, ле пуасон а ля фритюр, еще что? –Спросила Шрапнель, повернувшись к двум остальным.

- Мне бифштекс с картошкой. –Радостно сказал второй парень по фамилии Смирягин. –И борщ, пожалуйста.

- И мне борщ с мясом. И бифштекс с картошкой. –Сказал лысый лесоруб с буденовскими усами по фамилии Усольцев.

- А я что? –Спросил Клиент, он же Фёдор Михайлович Стройцев, озадаченно почесывая затылок. – Рыбу там зачеркните, пуасон этот ваш. Мне тоже тогда принесите борщ и мясо. Чего я буду от коллектива –то отрываться?

Шрапнель укоризненно покачала головой, вздохнула и положив блокнот в карман передника, с не скрываемым разочарованием пошла отдавать заказ.

- У вас три жареных картошки с бифштексом. –Насмешливо сказала она Соломону, пробив по кассе заказ и отдавая ему чек.

Тот поморщился.

-А что вы хотели? Это же плебс, толпа, массовка! Они даже паркет из дерева не могут сделать, только рубить... Скажите, кого вы хотели удивить в этой глуши своим французскими названиями? Этих дровосеков? Они и мясо –то, наверняка, сейчас будут есть руками. Главное внесли ещё в меню эти ияды, блюдо из бычьих яиц. Для кого? Для этих? Да они быка от носорога не отличат!

- И снова вы не правы. –Сказал Соломон, пожимая плечами. –Федор Михайлович тонкий человек, насколько мне известно, читал Фрейда, Ницше, пробовал одолеть даже Бергсона, но просто книжка оказалась толстовата и не влезла в портфель, а идти с ней по улице он постеснялся. Конечно, у них здесь мало культуры, что и говорить, но тут ваша вина. Вас же прислали сюда...

Соломон сделал пальцем мёртвую петлю в воздухе.

- ...поднимать культурный уровень, насколько я понимаю. А вы? Вместо этого вы сошлись с прапорщиком Пантюхиным из пограничной воинской части –дайте -ка вспомнить номер, тридцать два, два ноля пять, кажется, и поёте ему одному за тушёнку и галеты арии. Вам бы гнать его в три шеи, а вы вместо этого пригрели его, приспособили, чтобы он носил вам еду, готовил для вас, крал для вас со склада сухие солдатские пайки, а это уже преступление. При этом вы делаете вид, что вам нравятся его визиты, хотя вы его совсем не любите. Вы играете с ним, давая ему надежду, что уже скоро его осчастливите, но, насколько я знаю, у вас и в мыслях этого нет. Вы собираетесь и дальше его морочить, не так ли, петь ему арии, причём в основном мужские, околдовывая его всё больше и больше своим несуществующим талантом. Но сколько ведь верёвочке не виться, конец однажды будет. Интересно, как вы будете выкручиваться, когда всё откроется?

- Выкручусь как –нибудь, - поджав губы, обиженно заметила Шрапнель. – Справлюсь, как раньше справлялась.

- Уверен, - кивнул Соломон. – Вы же как –то дурачили местную публику столько лет, выдавая мужские партии за женские.

- Как вы смеете?! –Чуть не задохнулась от возмущения Ада Григорьевна, услышав обвинения в свой адрес. Боясь закашляться она, держась за горло, продолжила говорить громким шёпотом:

- Кто дал вам право меня оскорблять?! Если хотите знать, я была примой!

- Это неправда. Вы пели вторым голосом. –Спокойно заметил Соломон. –Если быть точным, работали в театре республики Саха на подпевках. Пробовали как –то брать домой партитуру «Паяцев» Леонкавалло, не спорю, было там даже одно соло из Верди, да, но пели то вы мужские партии! А для женских диапазона не хватало. Конечно, это оригинально, исполнить арию Каварадосси женским басом, но ...

На этих словах лицо Ады Григорьевны покрылось пятнами, она зашипела, как скороварка, у которой забыли отвинтить клапан и нервными движениями стала срывать с себя фартук.

- Ноги моей здесь не будет! –Заявила она, швырнув фартук в Соломона Шекспировича. –Не знаю, кто вам наговорил про меня этой чепухи, но все это ложь, ложь! Я была примой. И примой умру! –Голос у Ады Григорьевны вдруг дрогнул и глаза ее сделались влажными. А вы... Вы сами... паяц!

- Напрасно вы кипятитесь, право слово, - примирительно сказал Соломон, аккуратно складывая брошенный ей фартук, словно ничего и не произошло. Сложив, он также аккуратно повесил его на спинку стула:

- Ничего я такого вам не сказал. Ну, да, вы не пели, женские партии, но сейчас –то можете.

- Могу? –Горько усмехнулась Ада Григорьевна. –Да что я только со своим голосом не делала! Гоняла гаммы по восемь часов до седьмого пота! Клала на горло горчичники, камфору, распаренную репу, даже петушиный помет!

- Петушиный помет? –Встрепенулся Соломон. –Вот это да! Какой интересный способ! Впервые о таком слышу.

- Да. Был у нас один заезжий гастролер, некто Цапков из московской филармонии, - продолжала певица, - это он мне посоветовал.

- Пройдоха! Не верьте ему. – Замотал головой Соломон. –Сам –то горло, поди, Рижским бальзамом прочищает. А он не предлагал вам «Любовь до гроба» случайно... перед отъездом?

Ада Григорьевна покраснела:

- Я вам не скажу. Вы –подлый!

- Совсем нет. –Обиделся Соломон. –Просто я немного знаю мужчин. Особенно певцов. Так вы, говорите, клали на шею помет? И помогло?

- Если бы! Так это еще не все: я полоскала горло шалфеем и тысячелистником, олеандром и слабым раствором марганцовки, листьями Сенны и дубовой корой, никогда я не ложилась спать, не выпив на ночь корня валерианы, чтобы связки успокоились! Это о полоскании. Теперь о терапии и хирургических процедурах...

- Довольно. –Оборвал ее Соломон, протягивая ей стакан воды. Выпейте это и пойте.

- Что? –Удивленно спросила Ада Григорьевна, беря стакан.

- Просто выпейте и начинайте петь.

- Прямо здесь?! Перед ними... -Ада Григорьевна кивнула в сторону зала, где с аппетитом ели принесённую им еду посетители, и не нашла больше слов, чтобы выразить свое возмущение.

- Пойте! –Грозно приказал Соломон.

Ада Григорьевна неожиданно одним залпом выпила воду, повернулась, набрала в легкие побольше воздуха и запела вдруг проникновенным чистым контральто серенаду Дон Жуана из оперы Верди.

Услышав ее голос, посетители ресторана побросали вилки, раскрыли рты и сидели так, забыв о еде. Когда Ада Григорьевна закончила, они бурно зааплодировали. А Федор Михайлович еще кричал, как безумный: «Браво! Бис! Бис! Какой талант»!

- Боже, Боже! – Восторженно запричитала Ада Григорьевна, трогая горло. –Вы волшебник, как вам это удалось?

- Пустяки. –Скромно опустил взор Соломон. –Но с таким голосом мужские партии вам уж лучше не петь.

- Да я...я других не знаю. –Смутилась Ада Григорьевна. –Однако мне придется сегодня же возобновить процедуры полоскания. Уже чувствуется легкое дребезжание на нижних октавах.

- Это временно. –Успокоил Соломон. –Пока связки не восстановятся. Кстати, что вы намерены делать дальше?

- Ну, видимо, свяжусь с моим импресарио и...поеду в Москву, на гастроли!

- Так я и знал...- разочарованно сказал Соломон, шлёпнув руками себе по бёдрам. –Ну, почему, стоит людям сделать добро, они тут же норовят тебе напакостить?

- Помилуйте, не могу же я с таким вокалом, оставаться здесь, в этой глуши и подавать тарелки с едой...этим? –Ада Григорьевна снова кивнула в сторону лесорубов.

- А чем они хуже? –Удивился Соломон –Вы слышали, как они вам аплодировали? Вы устройте здесь фурур, поверьте, к вам будут приезжать из Вены, чтобы послушать!

- А деньги? Я могла бы заработать кучу денег, купить себе виллу, катер, купаться в море!

- Послушайте, дом у вас есть, море тут недалеко, полдня на поезде, а деньги опасное заблуждение. Попомните мои слова. Они помянут вас за границу, да бросят где –нибудь в гостинице на съедение скуке.

- А что же делать?

- Как что? Ничего. Счастье рядом, -убеждённо ответил Соломон. – Здесь, в Счастливом! Выйдите замуж, сделаете мужа мэром города. Станете первой леди. Все вам будут кланяться и аплодировать. Ну, разве не счастье? Недаром же это место так называется - Счастливый! Ждите и счастье придёт!

- Ага, так я вам и поверила. Может быть, это и произойдёт. Но в будущем и то не точно. А сейчас, если я останусь, то что с этого буду иметь?

Голосом торговки с Привоза спросила Ада Григорьевна и, заметив это, сразу же смутилась.

- В смысле иметь? –Спросил Соломон.

- В смысле дохода?

- Дохода за что? –Еще больше удивился Соломон.

- За мое пение! – Вырвалось у Ады Григорьевны. – Что вы валяете Ваньку и прикидываетесь безумным? Даже эти лесорубы знают, чтобы попасть на концерт знаменитости надо купить билет!

- Логично. – Сказал Соломон. – Хотя голос я бы позволил себе заметить не ваш. Его же вам подарили, разве нет? А вы не боитесь, что точно также у вас его могут отнять?

Ада Григорьевна схватилась за горло с неподдельным ужасом на лице. Ее глаза вновь наполнились слезами.

- Нет...-замотала она головой. – Нет, нет и нет! Я ждала этого всю жизнь. Только не теперь, только не мой голос!

- Успокойтесь сейчас же. – Потребовал Соломон. – Никто не собирается его у вас отнимать. Но ...если я попрошу вас отплатить мне услугой за услугу и остаться здесь на некоторое время в качестве моей помощницы? Ну, скажем, на пол –года –год? Мне надо завершить одну миссию. И Игорю Всеволодовичу я должен. Надо с ним расплатиться. А после –езжайте хоть в Москву, хоть в сам Париж! Согласны?

Ада Григорьевна медленно вытерла слезы уголком передника, который она сняла уже со спинки стула, и, посмотрев куда –то в сторону, тихо сказала:

- Да.

- Не слышу! –Сказал Соломон.

- Да! –Едва ли не крикнула Ада Григорьевна, сразу кашлянув.

- А спеть вы это сможете? –улыбнулся Соломон.

Ада Григорьевна расправила плечи, приосанилась, глаза её озорно блеснули. Набрал в лёгкие воздуха, она спела потрясающим женским контральто:

- Да –а-а-а!

И её вокал прозрачным горным воздухом разнесся под сводами кафе.

- Вот это я называю божественным чудом! –Удовлетворенно кивнул Соломон.

Глава десятая

Вера доела рис с тефтелями, накрыла судок с крышкой и отставила его в сторону. Темный пейзаж за окном теперь не казался уже таким мрачным и безнадежным. От лунной дорожки в небе повеяло холодом, но в то же время надеждой. Почему он ушел, подумала она. Было же видно, что он не хочет уходить, как будто он силой заставил себя встать и уйти. А если бы он так не сделал? Если бы он остался? Вера прислушалась к себе и внезапно ощутила такую потребность в любви и ласке, так явственно невозможность получить это, что бессильно отпустила голову на стол и лежала так какое –то время, боясь шевельнуться и причинить себе еще большие страдания.

В ее купе внезапно постучали. Подброшенная новой надеждой, Вера вскочила, поправила волосы, и открыла дверь. На пороге стоял...студент, тот самый, симпатичный, с серьгой в ухе с верхней полки третьего купе.

- Можно чаю? –Спросил он, протягивая стакан в подстаканнике. Вера молча взяла посуду, механически бросила туда пакетик чая, два сахара, дольку лимона и протянула назад:

- Кипяток в коридоре.

- А я вас вспомнил. –Сказал вдруг студент. –Мы вместе в инязе учились в Хабаровске. Только вы старше на два курса.

Вера внимательно посмотрела на парня. Ничего знакомого. Нет, она точно никогда раньше не видела.

- Да вы меня и не могли видеть. –Словно отвечая на ее мысли, сказал парень. - Просто мы были в разных, что называется, тусовках. Я жил в общежитии, а вы наверно...

- На квартире, –кивнула Вера.

- Вот. Мы даже ни дискотеки ходили разные. Я в ДК, а вы, наверно, на улицу Ленина, да? Вера опять кивнула:

- Не всегда, но... часто.

- И, потом, у меня был всего один близкий приятель, с которым мы и сейчас все время переписываемся, а у вас сто. Вечно вокруг вас подруги, друзья... Я же видел, вас все время подвозили, увозили, какой –то толстый милиционер все время ходил за вами по пятам. Я даже думал, что это ваша охрана...

- Это мой муж...-сказала Вера.

- Извините, –поднялся студент. - Мне уйти?

- Да ладно...он ведь бывший. - Вера сделала отваживающий жест:

- Вы зайдите. Я просто подумала, - сказала она, отходя и пропуская студента внутрь, - когда вы рассказывали, каким важным все кажется, пока ты этим живешь: подруги, друзья, знакомые, их мнение о тебе, их советы. Ты прислушиваешься ко всему, стараешься не пропустить ни слова, веришь одним, не веришь другим, интригуешь, отдаляешь от одних, приближаешь к себе других, в конце концов, прислушиваешься к совету самой близкой подруги, принимаешь решение и оказывается, что это самая страшная ошибка в твоей жизни. А предъявить претензии уже некому. Где они теперь все мои друзья, вот где?

Студент кивнул и улыбнулся. Вера снова обратила внимание, какой он ладный, да статный. Только с глазами что –то не так.

- А вы на каком курсе? –Спросила она его.

- Можно на «ты». На третьем. –сказал он. –Слушайте, я не знаю, могу ли я просить об одолжении, о просьбе, понимаете... у меня сегодня день рождения. Мне двадцать исполнилось. Друг мне, тот самый, подарил бутылку хорошего коньяка, а выпить не с кем.

- Это исключено. – Сказала Вера. –На работе запрещено. У нас очень строгий бригадир. Узнает – сразу уволит.

- Понятно, –вдохнул студент. –Ну, ладно, ничего другого я и не ожидал.

Он начал вставать. Почувствовав, что и он сейчас уйдёт, Вера, испугавшись, переменяла она свое решение, сказав:

- Ладно, уж, что с вами сделаешь. Давайте, тащите свой коньяк. Выпьем чисто символически –по рюмочке, но потом сразу по своим купе и спать, договорились?

- Договорились! –Радостно сказал студент и выбежал из купе.

Вера форменный пиджак и, повесив его на вешалку, села. Но вдруг передумала и сняв в вешалки пиджак, надела его снова на себя. Зашёл студент, неся в руке бутылку. В дверях он замешкался.

- Ну, что вы? Входите, - сказала Вера.

Он зашёл и сел, поставив бутылку на стол. Она встала и достала из шкафчика две рюмки. Студент налил в них коньяку.

- Давайте хоть познакомимся, - сказал он, беря рюмку.

- Вера. – Сказала она.

- А я Тима. Ну, за любовь?

Вера кивнула, но коньяка лишь коснулась губами, сразу поставив рюмку на стол.

- А вы чего? – Спросил он, выпив.

- Не хочется. – Сказала она. - Слушайте, Тимофей...

- Можно на «ты».

- Ты меня извини, Тима, но у меня правда нет настроения выпивать сегодня. Завтра Москва, дел по горло будет, нужно голову светлую иметь.

- А, понимаю...-он встал, чтобы уйти по-настоящему.

- Бутылку забери, - напомнила она, подвинув ему коньяк.

Студент повернулся взять бутылку, но вдруг навалился на Веру, шепча ей на ухо: «ну, чего ты ломаешься? Давай, как в общежитии это делала, чего ты? Все же знают, какая ты веселая! Мы ведь оба этого хотим!»

Набравшись сил, Вера отпихнула его ногой, прямо в то же место, куда не так давно пхнула Сорокогуза, чтобы сразу вся охота пропала:

- А ну брысь отсюда, если не хочешь пешком до Москвы идти, молодой гляжу, да ранний! Сказала она. Студент встал, а потом вдруг опять полез на неё...

Матвей дошел до своего купе, взял полотенце и шампунь и пошел в душ. В тамбуре его привлек какой-то шум. Заглянув туда, он увидел своего напарника Серегу, который о чем-то оживленно разговаривал с электриком Мордюковым.

- Вы чего тут? – Весело спросил Матвей.

- Ничего, так просто... – испуганно обернулся к нему Серега. – Стоим, разговариваем. А что, уже и поговорить нельзя?

- Поговорить – можно. – Улыбнулся Матвей, уйдя и на всякий случай закрыв за собой дверь. Сев в купе, он стал думать, чего это укололо его в этой, в сущности, безобидной картинке? То ли выражение глаз Сереги, то ли глумливая искорка в глазах Мордюкова, этого неприятного типа, чей вагон был рядом со штабным. Но он не стал додумывать и списал все это на вечернюю усталость и свою природную мнительность. Взяв полотенце и зубную щётку, он отправился в туалет, чтобы приготовить себя ко сну. Сначала он почистил зубы. Потом закрыв дверь в туалет на второй замок, чтобы кто-то из проводников случайно не открыл её, он носком тапочка брезгливо захлопнул крышку унитаза, прикрутил душ к смесителю, подвесил его на крюк и с наслаждением отдался теплым струям.

После он как всегда хотел пойти спать, но вдруг вспомнив про новую проводницу из купейного, как её там, Вику, он решил, что сначала должен сходить к ней. Ведь если не сходит он, то Серёга его обязательно опередит. А у него с ним соревнование, кто больше поймёт баб в поезде. В глубине души Матвей знал, что с Викторией у него получится. Не было ещё такого, чтобы не получилось. Если не считать этой новенькой Веры Моисеевой. Но и с Верой однажды получится. Никуда не денется! Даже с той восемнадцатилетней эстеткой из Питера, с которой он однажды познакомился в поезде, все получилось так, как он хотел. Поэтесса она... На вид та была в самом деле чиста и невинна. Совершенный ангел. Светлые волосы, белая кожа, голубые глаза, умопомрачительная фигура, высокий лоб... Почему интересно ей захотелось грязи, да еще в поезде? Вот чего он не понимал. Но чужая душа – потёмки. Его только смутило, что когда он начал раздевать ее, она вдруг начала умолять: «не надо, прошу тебя, ведь я еще совсем девчонка!». Однако во фразе этой, было так много игры, что он и бровью не повёл. Если бы он услышал в её голосе хоть одну искреннюю ноту, хотя бы один звук, он бы, может, остановился и задумался, а так... Но в том, как она это сказала было так много фальши, что это только подогрело его желание, раззадорило и не желая дальше её слушать, он, сев на корточки, стащил с нее, как с манекена брюки, поднял и буквально бросил на полку.

И даже когда он увидел ее потрясающие грудь и шею, и нежно – золотистый холмик посередине и помрачающий рассудок овал бедер, то не коснулся всего этого нежно губами, как бы это сделал, будь он порядочным, а нарочито грубо облапил, брутально проведя по ним рукой. Что-то подсказывало ему, что действовать с ней надо именно так – грубо, напористо, некрасиво, жадно, так, как она этого хотела, будто кто-то ещё в Замысле обмазал эту сцену грязью. Кто же он тот, на которого он всё сваливал? Он не знал. Это был вроде бы он, но и не он одновременно. Возможно между ним теперешним и тем, который будет годы спустя, существует разница. Может быть даже разница весьма ощутимая. И тот он, который в будущем, пока не может руководить им сегодняшним. Вот эта пропасть между ним сегодняшним и тем, который будет потом, и делает его таким ненасытным в отношении женщин, таким жадным в получении

денег, таким некрасивым в поступках. Ведь он сейчас совсем не тот, который должен быть, а кто-то другой – вот единственное оправдание! Он нынешний – это лишь очередная его фаза на пути к себе, к тому, каким он должен быть по-настоящему. Мотя Соболев вовсе не Мотя Соболев, а как бы лишь тень его, идущего к себе. И также, как куколка насекомого отличается от имаго, так и он выглядит порой отталкивающе кособоко. Ну, и ладно! Да, это он и есть в своём незавершённом виде. Это он и не он одновременно. В этом вся прелесть. Как гусеница, висящая на дереве ест и ест, в ожидании будущего полёта, так и он, катаясь туда-сюда по стране, напивается каждой встречной. Чтобы потом – что? Этого не знал. Может быть, чтобы вспоминать об этом потом в старости длинными скучными вечерами. И всё. А, может, и для чего-то ещё. Та блондинка была просто очередной его пищей. Он обычно не выбирал того, что попадало ему в руки, ел всё подряд, что давала жизнь, ел, потому что был голоден. Внутри него ничего не вздрагивало при мысли, что он поступает нехорошо и он не чувствовал никаких уколов совести. Он просто играл свою роль, как Ланкастер или Майкл Йорк – с упоением, хотя... хотя в случае с той блондинкой он поймал себя на мысли, что это была не только его игра, но и ее тоже. Ведь она лгала, чтобы получить желаемое. Значит, и она такая же гусеница, как он. И она тоже ничего не чувствует, кроме зова плоти. Даже не всей плоти, а той маленькой её части, которая расположена у женщин в пасти ног. А угрызения совести наверно к ней придут позже. Если вообще придут. Так вот, они оба были слепы и действовали, не зная, что из этого выйдет. Если б она сказала, например, в чём его предназначение, то он бы поступил не просто иначе, а отошёл. А так... Так он поступил немного жестоко. Услышав, как она попросила не заканчивать в нее, он всё равно закончил, пусть не целиком, но частично, а потом сделал вид, что всё сделал так, как она хотела, дабы внешне все выглядело прилично. «Будешь носить за это меня в себе!» - зло подумал он. «Наверно, теперь она уже где-то на втором месяце» - подумал с улыбкой Матвей, закончив принимать душ. Ну и что, тоже мне преступление! Он вытерся, сложив туалетные принадлежности в барсетку и глянув в окно.

Поезд подъезжал к какой – то большой станции. Накинув полотенце на плечо, Матвей вышел из туалета и пошел к своему купе. В коридоре он увидел Серегу, который тоже стоял и смотрел в окно. Выглядел он каким – то потерянным и несчастным.

- Что случилось? – Спросил Матвей.

- Ничего. – Равнодушно пожал плечами Серега, хотя было видно, что бесстрастность стоит ему усилий.

- Поговорим? – Спросил Матвей.

- О чем? – Удивился напарник.

Матвей внимательно посмотрел на него, но Серега отвел глаза и сделал вид, что смотрит в окно.

- Не хочешь, как хочешь! - По-детски отреагировал Матвей, пожав плечами. Откровенно говоря, у него не было сильного желания вникать в проблемы приятеля. Развернувшись, он пошёл к себе в купе.

- Но может же быть у человека плохое настроение! – Запоздало крикнул ему разносчик.

- Может. – Равнодушно дёрнул плечами Матвей перед тем, как закрыть за собой дверь в купе.

Зайдя в свой отсек, он понял, что окончательно расхотел спать. Всё-таки молодость быстро проходит, чего её на сон тратить? Сняв поварские штаны, он надел брюки, достал из потайного карманчика джинсов крупную золотую цепочку, и повесил ее на шею. Затем из того же кармашка достал тонкий золотой браслет и застегнул его на запястье. Накинув черную рубашку из гладкой, пропитанной дорогим одеколоном ткани, он повернулся к зеркалу, причесал волосы, сбрызнул себя одеколоном и улыбнулся себе в зеркало красивой белозубой улыбкой. Итальянец!

- Ну, ты готова, девочка моя? – Спросил он томным голосом. – Я к тебе иду...

Вера сама не поняла, откуда взялись у неё силы. Она поднялась, оттолкнув студента так, что тот отлетел в угол, чуть не стукнувшись там головой о полку. В тот же момент она вытащила из батареи завалившийся туда нож и направив в его сторону остриё на него, хладнокровно сказала:

- Только рыпнись ещё, порежу на ветошь!

Весь этот вечер у майора Сорокогуза было плохое настроение. Проведя последний осмотр, он вернулся в свой кабинет, подсчитал выручку, сложил ее в сейф, затем подошел к горшку с геранью на окне, взял лейку и начал ее поливать. Герань была чахлая, с пожелтевшими на концах листиками. «Вы ее заливаете!» - Сказала майору как –то раз уборщица Таня Каляуха, которую он время от времени, грубо говоря, имел.

- Не надо так часто! Если вам все время держать ноги в сырости, что будет?

Но Сорокогуз не мог отделаться от этой глупой привычки. Едва какая –то сложная мысль приходила ему в голову, он брал лейку и зачем –то шел к герани. Спихватывался он, как правило, когда вода из горшка, подняв целый ворох земляных пылинок, уже начинала литься из тарелки под кашпо и на пол. «Ну, и пусть хоть захлебнется!», думал майор. Жизнь с каждым годом казалась ему все непонятней. А должно было быть все наоборот. Ведь с опытом, знаниями, приходят и понимание. Разве не так учил его отец, разве не так говорили в высшей школе милиции? Но, может, это из –за того, что он нарушает закон? Чушь! Закон нарушают все, просто не всех ловят. Надо быть просто осторожным. А не нарушишь, не проживешь! Зато у него есть деньги. А раз есть деньги, то он имеет право на семью, разве не так? Так! А где его семья? Где эта взбалмошная сука Вера?! Где она ездит, по каким городам и весям!? Кого пускает к себе в постель?». И майор, внезапно размахнувшись, что есть силы, запустил лейкой в стену. Треснув от удара, она упала на пол, образовав вокруг себя крошечную лужицу воды. Подойдя к лейке, он увидел, что носик лейки, в том месте, где была сварка, от удара треснул. В сердцах, майор взял и оторвал носик совсем. Теперь одна часть лейки была отдельно и другая отдельно. Вздыхнув, майор поднял обе половины лейки с пола и положил их на полку. Вот что у него за характер? Взял и испортил нужную вещь. Но ведь Вера ему жена, разве нет, продолжал думать он. Она не просто его жена, она его жена **по закону!** На мгновение в голове майора мелькнула слабая мысль, что –то, впрочем, совсем невразумительное, вроде: «нарушаю закон здесь, и может быть поэтому, нарушается закон там?», но он отогнал ее, как глупую и не заслуживающую внимания. Дело же не в законе! Дело в таких подонках, как этот повар! Наглых, смазливых мальчиках из столицы. Вот если бы дело происходило где –нибудь в штате Юта, где он проходил стажировку, он бы просто пристрелил его, как собаку! И любой суд бы его оправдал! Ну, ничего, он еще плохо знает майора. Сорокогуз найдёт способ его наказать!

Майор подошел к шкафу, открыл его, и, порывшись на верхней полке, достал оттуда яркий полиэтиленовый пакет. Подержав его в руках, он наклонился к нему и с шумом втянул воздух. Упаковка, казалось, еще хранила запах далекой страны. Как и тогда, пять лет назад, она издавала слабый аромат американской карамели. Майор развернул пакет и поднес к свету. Отражаясь в электрическом свете, ему блеснула своими лучами большая шерифская звезда. «Вот оно» –подумал майор. Отложив в сторону пакет, он подошел к двери и запер ее на замок. Затем задернул на окне занавески, поправил на стене фотографию, где он был изображен рядом с двумя американскими копами, на фоне полицейского джипа и стал переодеваться.

- Поели? –Спросил Матвей, заглянув к Вере в купе. Он сам не знал, зачем после Вики решил заглянуть к ней. С Викой всё получилось, как он думал, быстро, но произошло это будто впопыхах, скомкано и совсем не интересно. Вика приняла его визит, как должное. Хихикая, разоблачилась и сразу же села на него. Сделав привычное дело она, так же, хихикая, слезла и пошла в туалет мыться. Он даже пожалел, что пришёл к ней. Нет, в женщинах должна быть

загадка, какое-то сопротивление. Иначе скучно. Выйдя от Вики, Мотя повернул к себе, но, вспомнив, что оставил у Веры казённые судки, которые Серёге выдавали под отчёт, он развернулся и пошёл в другую сторону.

- Понравилось? – Задал он новый вопрос Вере.

Она кивнула, улыбнувшись, и хотела что-то сказать, но голос предательски дрогнул и она лишь молча показала ему на место рядом с собой. Смуглое тело повара и золотые украшения, запах его одеколона внезапно всколыхнули в ее сознании какие-то далекие события, обрывки странных мыслей или воспоминания, которые может быть были вовсе и не мыслями, а только ее фантазией, но которые заставили ее сердце биться так сильно, что оно разрослось в груди и стучало уже в горле, затрудняя дыхание и мешая говорить. Ей очень хотелось рассказать Моте, что ей чуть не изнасиловали прямо здесь, какой-то пассажир, студент из её института, которому она улыбнулась. Но такая история могла бы сильно унижить её в его глазах, и она не стала.

- Я лучше постою. –Сказал Матвей, поднимаясь.

- Как хотите. –Кивнула Вера, справившись с волнением.

- Пассажиров много? –Чтобы поддержать разговор, спросил Матвей.

- Не так, чтобы очень. –Сказала она. –В основном ответственные работники. По брони.

- Понятно. – Усмехнулся Матвей. –Придется включить завтра в меню шницель по –министерски.

Впервые за этот вечер Вера улыбнулась. А если вдруг сядет милицейский генерал? – Спросила она.

- Тогда наверно придется готовить рагу по-чекистски с зёрнами граната! –Сочинил Матвей первое, что пришло на ум.

- Почему? – Не поняла она.

- Ну, так генерал же, как ему ещё угодить?

Вера рассмеялась шутке, хотя и через силу.

- Скажи, почему ты выбрал такое странное занятие? –Спросила она его.

- Какое?

- Быть поваром?

- Почему странное? –Не понял Матвей.

- Да котлеты эти, каши и все такое... Мне кажется, это не для мужчины.

- Я так не считаю. –Серьезно заметил Матвей. –Кулинария это искусство. А что может быть зазорного в искусстве? Вот у меня, например, специализация в институте французская кухня. Соус Бордосский возьмем, да?

И Матвей всё-же присел рядом с Верой, обдав ее ещё раз ароматом французского одеколона:

- В нем семь компонентов от уксуса до коньяка и петрушки плюс красный соус, который тоже надо уметь приготовить...

Соломон надел пальто, взял в руки аквариум с розовой в черную пятнышку лягушкой и вышел из кафе на улицу. Настроение у него было как всегда приподнятое, хотя в последние пол-часа, какая-то черная тучка и появилась у него над головой. Он старался не обращать на это внимания, и отгонял ее, как пришлую хворь, но эта чертова тучка висела над ним и не давала полностью отдаться наслаждению жизни.

Неожиданно из-за поворота на него вышла пара людей –мужчина лет тридцати и с ним молодая женщина, красивая, с лицом, какие бывают на обложках дорогих глянцевого журналов. Одета женщина была со вкусом, в дорогую, но короткую шубку, из-под которой были видны стройные в блестящих чулочках ноги. На шее у нее был алый шарф, в ушах болтались крупные, как кошачьи глаза бирюзовые серьги. Сравнявшись с Соломоном, женщина кокет-

ливо улыбнулась ему покрашенными губами, и это безобидное действие неожиданно заставило Соломона остановиться и замереть, как вкопанному с аквариумом посредине улицы.

Постояв одно мгновение, он резко обернулся и тут же очутился в темном коридоре, куда ушли мужчина и женщина. Теперь их голоса, весьма нечёткие, один грудной, женский и очень волнующий, другой мужской, неприятный и надтреснутый, что вызывало ощущение тревоги и даже опасности, стали звучать где –то в глубине. Пойдя по лабиринту тёмных коридоров, Соломон увидел вдруг то, что хотел: в круге мглистого света стоял молодой черноволосый бес, одетый в брюки и тёмную рубашку, которая была расстегнута на его теле. Из головы у него торчали рожки, на тёмной шее блестела золотая цепь, а на руке сверкал браслет из золота, двумя желтыми клыками во рту сияли позолоченные фиксы. Когда он начинал смеяться, его серое рыло растягивалось в омерзительной гримасе, а из горла начинали вырываться визгливые нотки. Сквозь похабное рыло беса очень едва проглядывали Мотины черты. Та, что сидела напротив него, была скрыта от взгляда Соломона, но он узнал ее. Неожиданно сатир выставил вперед руку и потянулся к локону её волос, выглянувшему из темноты. Поставив на пол аквариум, Соломон схватил со стены копьё и что есть силы, метнул в чёрта. Копьё, прорезав воздух, казалось, будто само нашло дорогу и угодило сатиру в бок. Бес охнул, и схватившись за копьё, медленно повалился на бок.

- Ну, так что ты рассказывал? –Спросила Вера, потеряв Мотин рукав, так как он в какой-то вдруг остановился, застыл прямо посреди разговора с открытым ртом и теперь сидел, бессмысленно глядя перед собой.

- А про что я рассказывал? –Спросил Матвей, потеряв лоб.

- Ну, ты сказал: это такой же надежный способ, как водопровод, сработанный еще рабами Рима. Так?

- Так. –Подтвердил Матвей.

- Ну, так рассказывай дальше! –Потребовала она. – Интересно очень. Я ничего не знаю, про этот водопровод. Но это так здорово звучит!

- Как звучит? –Не понял Матвей.

- Ужасно романтично! –Призналась Вера.

- Никакой романтики. – Заметил Матвей сухо. –По приказу патрициев в Риме сделали акведук, установили на нем желоб и пустили воду. Просуществовал он долго. Отдельные участки даже сейчас сохранились. Но, говорят, он стал причиной гибели Римской империи, поскольку сделан желоб был из свинца. И они пили воду и постепенно травились. Сколько уже времени?

Без перехода спросил он.

- Половина второго ночи. –Посмотрев на часы, обеспокоенно сказала Вера, подумав: неужели всё?

- Мне пора. – Матвей встал. –Завтра в шесть вставать.

- И вы...и ты... вот так уйдешь? –Спросила она, мысленно отругав себя за то, что так и не смогла определиться говорить ему «ты» или «вы».

- Да. –пожал плечами Матвей. Он и сам не понимал, почему так делает. Ведь первоначально у него были совсем другие планы. Поговорить, а потом сделать с Верой то, что он сделал с Викой, а до этого со многими. Но теперь он чувствовал, что так не получится. Ему хотелось уйти. А почему, он и сам не знал:

- Очень устал сегодня, правда. - Стал оправдываться он. - Извини. Мне даже не в шесть, а в полшестого вставать, чтобы заготовку сделать. Я и так не высыпаюсь.

- Ну, хорошо...- Отведя от него глаза, грустно кивнула она. –И когда мы увидимся теперь? – Спросила она, поймав себя на мысли, что она уже ревнует его.

- Когда хочешь. –сказал Матвей. –Мы же в поезде!

Вера ухмыльнулась столь гротескному напоминанию. Матвей пожелал ей спокойной ночи и, забрав злосчастные судки, вышел из купе. Он шел из вагона в вагон и думал, что же произошло. Будто кто –то остановил его, не здесь, в другом мире, мчащегося к цели на всех парах. Что это было? Он вроде бы был на подъёме, хорошо говорил, чувствовал, что она уже почти его – и вдруг ему расхотелось! Даже хуже. Сидя рядом с Верой, он в какой –то момент почувствовал такую пустоту внутри себя, что стало больно, а следом отчаянно скучно, и он захотел уйти. Ну, да, он сто раз уже рассказывал девушкам, которых хотел завалить, про акведук – и что? Подумаешь! Это всегда работало! Сработала бы и сейчас. И вдруг ему впервые захотелось уйти. Хотя изначально ведь это совершенно не входило в его планы.

Он остановился и оглянулся назад. Может, вернуться? Нет, раз ушёл, возвращаться нельзя! Это правило. В этот раз он проиграл. Это факт. Вот только проигрывать было не в его привычках. Идя, он думал, что всё также не хочет спать. Заглянуть опять к Вике? Нет, к Вике он не хотел. Мотя прошёл ещё пару вагонов, затем остановился в одном из тамбуров, посмотрел в одно окно, в другое, поправил начавшие разъезжаться в разные стороны от тряски судки и вздохнул. Постояв, направился дальше. На секунду в мыслях он увидел Веру будто чужими глазами –обычная девушка, правда с копной каштановых волос и восхищенным взглядом, но...обычная. Славная провинциалка, не более того. Милая, да, но и только... Что же в ней тогда Матвея привлекает? Это было загадкой. Он остановился и тихо сказал: «Вера». Ему вдруг пришло в голову, что он произносил это слово много раз прежде. Но просто раньше, он давал этому слову совсем другое значение. А потом это стало лишь женским именем. И он прикладывал это слово, как трафарет к той или другой девушке и всюду оно не подходило, а сошлось лишь здесь, полчаса назад в поезде. Сложная штука жизнь! Махнув рукой, Матвей снова зашагал по вагонам дальше. Вера... У этого имени было словно эхо. У него также был вкус, такой кисло-сладкий, как у фрукта. И это имя к тому же отзывалось некоей историей, которая произошла с ним совсем в другой стране, в пустынной местности. Что за дежа вю!

Матвей подошел к двери своего купе, но вдруг подумал, что есть еще одно незаконченное дело. Тихонько подойдя к соседней слайд-двери, он приложил ухо и прислушался. Затем резко открыл её и зашел внутрь. Проводница Рая сидела на нижней полке, прикрыв живот подушкой и смотрела на него. Глаза её возбуждённо горели.

- Не спишь? – Ухмыльнулся Матвей, закрывая тихонько слайд-дверь и ставя судки с держателем на стол:

- А где наш обожаемый директор Дина Петровна?

- Остатки снимает. – Хрипло сказала официантка. – В ресторане сказала заночует.

Она отбросила подушку, под которой он увидел её живот и тёмный треугольник лона. Стало ясно, чем она занималась, пока его не было. Пока Матвей смотрел на неё всё с той же хищной улыбкой, Рая, не отрывая от него взгляда, протянув руку подняла ограничитель двери, чтобы её не открыли с другой стороны и с ещё большим вызовом посмотрела на Мотю. Он заметил, как тяжело она дышит.

- Ну зачем –же так волноваться? – С притворной заботой заметил он. – Девушка выпила коньяку на ночь?

Рая сбросила с себя ночнушку, обнажив грудь.

- Делай со мной, что хочешь. – Сказала она. – Только быстрее!

Матвей беззвучно засмеялся, отрицательно покачав головой.

- Мерзавец! – С чувством сказала Рая, обиженно прикрываясь одеялом.

- Поворачивайся! – Сказал он ей грубо, отбросив одеяло.

Она послушно развернулась, обнажив зад.

- Только не в меня, ладно? – Попросила она.

- Как скажешь, - засмеялся он. Он был сыт сегодня и потому решил немного созорничать.

Вместо привычного женского отверстия он специально направил свой жезл в непривычное.

Громко охнув, Рая, схватив подушку, прикрыла ей свой рот. Ей было всё равно куда это с ней будут делать, лишь бы делали.

Директор ресторана Дина Петровна Груздева подсчитала итоговую сумму остатков, закрыла журнал, отложила в сторону очки, потянулась и сладко зевнула. С трудом оторвав от лавки свое грузное тело, она подошла к буфету, достала с полки початую бутылку коньяка и налила себе чуть больше половины рюмки. Выпив залпом, она закусила конфеткой, и, напевая себя под нос «Мы красные кавалеристы, трам-пам-пам!...» отправилась спать на диванчик в зале вагона-ресторана, где себе постелила. Сторожа в бригаде не было и она оформила эту ставку на себя. Перед тем, как лечь, она зашла в туалет по малой надобности. Взяв рулон туалетной бумаги, Дина Петровна оторвала от неё как обычно, нужное количество полосок, уложила их аккуратно на сиденье, так, чтобы тело не касалось стульчака, затем подняла подол платья и поудобней устроилась на унитазе. Только тут она заметила большое темное пятно на трусах. Еще не понимая, что это может быть, она осторожно расправила ткань и потрогала пятно пальцами. В тот же миг над освещаемым сполохами света от проходящего мимо поезда редким полесем раздался её душераздирающий вопль.

Глава одиннадцатая

Вера долго смотрела в окно, глядя на мелькающий за стеклом пейзаж и вдруг не заметно для себя задремала. Ей приснился удивительный сон. Будто это она и не она одновременно. Вера идёт босиком по снегу и ей не холодно. Впереди тьма. Она будто спешит догнать тьму, но всегда оказывается в полосе света. Это удивляет её так, что она спешит и спешит навстречу темноте, словно желая убедиться, что та неосязаема. Она тянет к ней руку и вот в её горсти что –то тёмное. Она подносит это к своему лицу и видит в темноте дом и крышу, и трубы, из которой идёт дым. Она хочет заглянуть внутрь, но окна маленькие и ничего не видно. Лишь мелькающие в нём тени говорят о том, что в доме кто -то есть. Тогда Вера пробует дом на вкус и он оказывается пряничным.

Вдруг Вера начинает расти, как Алиса в стране чудес, и видит две горы. Или сопки. На одной стоит дом, на другой дерево. Она идёт к дереву, срывает какой –то плод, продолговатый, как дыня, кладёт его на руку, словно ребёнка и идёт к дому. И уже заходя в дом видит, что на руках и впрямь ребёнок. Он не кричит, а смеётся и Вере очень хорошо на душе.

Однако в доме пусто. Лишь печь, да стол. Однако на столе чего только нет! Какие –то удивительные блюда и напитки в прекрасных сосудах. Но она из скромности выбирает тарелку, где лежат похожие на сморщенный картофель фига и ест их. Теперь она маленькая и летит по небу. Этот полёт ей нравится, потому что она им управляет. Стоит захотеть – и ты взмываешь, подумать, и ты опускаешься.

А потом вдруг стали появляться люди во сне. И как только это случилось, Вере это перестало нравиться. Люди во сне играли с ней злые шутки и она от них убегала. Они вначале подсаживались к ней и говорили всякие приятные слова, а потом вдруг начинали оскорблять её, даже пытались сговориться между собой, чтобы убить её, но она разгадывала их манёвр и убегала, нырнув в поезд, который на огромной скорости уносил её в безопасное место, где она могла отдохнуть и где вокруг были только сухие ёлки, да голые кусты.

Из странного леса она снова выходила на станцию. Оглядываясь, она видела застывших в разных позах людей, будто замороженных. Но ей не было страшно. Она ходила по этому городу, ища кого –то. Но никого не нашла. Потом вдруг она оказалась в музее, где было всего одно чучело зверя. Какого – она не разглядела. И был ещё дом в этом месте, откуда шёл вкусный запах пряника.

Как вдруг в её сне появился старик. Он стоял далеко и вид у него был тоже странный. Одет он был в синие одежды, лицо его было сморщенным, как фи́га и не ясным, отчётливой была лишь длинная, седая борода, которая спускалась ниже пояса. Он что –то говорил ей. Но Вера, увлечённая разглядыванием его покровов, не запомнила, что именно. Она хотела уйти, но старик держал её возле себя, будто околдовав своими чарами. Он проводил её снова в музей, где было теперь почему-то очень красиво и где за стёклами экспозиционных ниш гуляли живые звери, посадил за стол и накормил, а потом, склонившись над ней, медленно что –то проговорил на гортанном языке и Вера почувствовала, как неведомое ей ранее, могучее желание заставила её отдаться старику и когда это произошло, он вошёл в неё с такой неистовой силой, что она проснулась с криком удивления, радости и восторга.

Глава двенадцатая

Соломон подошел к неприметному зданию, стены которого были выкрашены невзрачной бледно –зеленой краской, внимательно прочитал табличку на входе, кивнул и зашел внутрь. Внутри здание было столь же неприметным, сколь и снаружи. От ярко –коричневых стен пахло творожной запеканкой. Слева и справа, с затянутыми марлей стеклами качались сквозняком полуоткрытые двери. Судя по особой тишине за ними, там ни кого не было. Наверху играли дети. Коридоры и холл время от времени оглашались веселым детским криком. Соломон растерянно pokrutil головой и встал, не зная куда идти. Неожиданно из подсобки слева вышла пожилая женщина, судя по виду, нянечка.

- Вы за Мишей? –Спросила она.

- Нет, –улыбнулся Соломон.

- А то мне звонили... Вы наверно из санэпидстанции? У нас сегодня лекция должна быть.

- Нет. –Еще более растерянно сказал Соломон.

- Тогда зачем вы тут?

Этот простой вопрос, казалось, потряс его до глубины души.

- Так сразу и ответишь. – Почесал он затылок.

- Не понимаю тогда, что вы здесь делаете? –Уже вполне подозрительно спросила нянечка.

- Я делаю? Я...из Краеведческого музея. – Нашёлся вдруг старик. –Принес вам вот лягушку в живой уголок.

- А...у нас нет живого уголка. –Удивилась нянечка. –Вернее, был когда –то, много лет назад, когда я еще была маленькая. У нас там заяц был, ворона одна, ей крыло дети подбили. Ужа мы выхаживали, и еще эта была, как ее...

- Свинка? –Предположил Соломон.

- Точно! Морская свинка! А вы откуда знаете?

- Да так. Просто что же ещё тут может быть? Свинки! Их Природа будто специально для этого сделала!

- Конечно. Эти свинки будто прямо напрашиваются, чтобы в живом уголке жить и чтоб дети с ними играли. – Подтвердила нянечка.

- Да, - закивал старик, - А в природе они просто корм, польза от них исключительно гастрономическая.

- Так значит, вы хотите нам лягушку оставить? –Спросила нянечка, осторожно заглядывая в аквариум.

- Да. – Сказал Соломон, также осторожно заглядывая в ёмкость.

- А как ее зовут? –Постучав ноготком по стеклу спросила нянечка

- Вообще –то, если я правильно помню -Rheobatrachus Silus. –Сказал старик.- Это на латыни. А по- русски...

Он задумался.

- Но это редчайший экземпляр фауны Нового Света, не сомневайтесь.
- Рео...-попыталась повторить женщина. –Боюсь, детям это будет сложно выговорить.
- Откликается на любое имя! –Быстро сказал старик. –Катя, Даша, Мурка –как хотите!
- Правда? –Обрадовалась нянечка. –Тогда я ее буду...Лампой звать, как нашу медсестру

Евлампию Тихоновну из СЭС.

- Отлично! –Обрадовался старик.

И вдруг, понизив голосов до доверительного шепота, нянечка сказала, прижав руку к груди и засмеявшись:

- Она такая жаба, эта медсестра! Я вам передать не могу!
- Понимаю, - улыбнулся гость.

Затем нянечка осторожно взяла аквариум и понесла его по коридору, крича на ходу: дети, смотрите, кого нам принесли!

- Да, а что она ест? –Спросила нянечка, обернувшись.

Но старика уже не было в коридоре.

Майор застегнул последнюю пуговицу, стряхнул с мягкого фетра кофейного цвета шляпы невидимые пылинки и водрузил ее на голову. В этот момент на столе зазвонил телефон.

- Да? –Сказал он.

- Сорокогуз! –Раздалось в трубке. –Лавсанов говорит, генерал –майор. Что у тебя там на участке творится?

- А что творится, товарищ генерал? –Сорокогуз стащил с головы американскую шляпу и начал искать место, куда бы ее положить. Неожиданно в окне, которое он забыл занавесить, появились две смеющиеся таджикские детские рожицы и майор, увидев, запустил шляпой в них. Рожицы исчезли.

- Ты меня слушаешь, Валерий Палыч? – Донеслось из трубки.

- Так точно!! –Отрапортовал майор.

- Ну, вот... Значит, по оперативным данным на трассе действует организованная преступная группа, которая взимает дань с водителей и занимается продажей наркотиков. Кличка главаря Мордвин. Зовут Лёха. Слышал о таком? Хочу знать о нём, как можно больше. У тебя есть какие –нибудь данные на этот счет? Мне доложили, что их база предположительно находится где –то на твоём участке. Возможно в лесу.

- Я, товарищ генера-ал...- начал тянуть Сорокогуз, чтобы придумать, как лучше соскользнуть с опасной темы.

- Ты вот что, Валерий Павлович! Давай –ка начинай работать! Центр требует показателей раскрываемости. Найди мне хоть из –под земли этих наркоторговцев и к себе их в тюрьму, понял?

- Так точно понял, товарищ генерал –майор! Всё сделаю. –Отрапортовал Сорокогуз. – Найду и посажу.

- Вот это другое дело. Жду. – Генерал повесил трубку.

Сорокогуз долго смотрел на надрывно стонущую телефонную трубку, затем осторожно положил ее на рычаги и лишь после этого грузно опустился на стул.

- Пора сваливать, что ли?.. - Тихо спросил он себя.

Игорь Афанасьевич Купцов любил в жизни три вещи –женщин, комфорт и деньги. Хотя про деньги, как и положено мужчине, всегда говорил, что он их презирает. Как всякий руководитель высокого ранга, был Игорь Афанасьевич сдержан, вел светский образ жизни и имел достойный круг друзей. В этот круг, например, входил начальник отдела лесозаготовок Василий Шашнин и их давний общий приятель Толик Зипунов, здоровяк по прозвищу Зин –Зибер,

предприниматель, который заведовал в городе складскими помещениями. Вместе они образовывали прекрасную тройцу для игры в преферанс.

Еще был в их компании майор, недавно назначенный начальником городской милиции -Сорокогуз. Но он играл с ними в карты редко. Больше находился на работе и, как он говорил, «следил за порядком». Игорю Афанасьевичу импонировало, что начальник тюрьмы считается частью их компании. Мало ли что в жизни может случиться. Сегодня ты на свободе, а завтра... Не дай бог, конечно! Но всё равно, но был уверен, что власть, вернее представители всех ее уровней, должны держаться с предпринимателями вместе, чтобы, в случае чего, быстро между собой договориться. Так рассуждал про себя Игорь Афанасьевич.

Жена Купцова Маша слыла в городе первой красавицей. Ходила она в короткой, но изящной горностаевой шубке, за которой специально в Грецию посылал Игорь Афанасьевич нарочного, любила выехать на выходные в Биробиджан и Хабаровск, а то и в Москву, чтобы походить там по магазинам и посмотреть какую-нибудь премьеру в театре, если повезёт. Иногда она могла слетать к подружке Париж, сделать себе причёску или новомодный пилинг. Честно говоря, Париж Маше не нравился. Одни только разговоры вокруг этого: Париж, Париж... А глянешь - что в этом Париже? В кафе у них накурено, гостиницы тесные, машину не припаркуешь, в ресторане начинаешь заказывать еду по-английски морщатся, отмахиваются, в номерах кровати старые, на улицах грязно, всюду негры какие-то, арабы... Короче, одно название – Париж! Куда лучше в Сибири, делай, что хочешь, кроме самого запретного! Если деньги есть.

Жене своей Игорь Афанасьевич верил и никогда не донимал ее ненужными вопросами о чистоте ее помыслов. Надо сказать, что и она была Игорю Афанасьевичу верна. И хотя обзывала своего мужа Маша часто «мой старый тролль», намекая на обилие у того волос в носу и ушах, она все равно любила его и говорила, кладя его грязные рубашки в стиральную машину: «хоть вонючий, а мой!».

Все было в жизни Игоря Афанасьевича отлично, но стал его в последнее время донимать вопрос, зачем он живет. То есть, поначалу он попросту ухмылялся, когда это вопрос появлялся у него в голове. Как это для чего? Ну, есть, пить, работать...любить! А как же без любви? Дом еще один построить надо для Маши, как она просит. Джип поменять на новый. Да мало ли какие дела! Но если мозг такой ответ вполне устраивал, то сердце его не принимало. «Ну, хорошо! -говорило сердце –вот ты все съел и построил, что хотел, а дальше что?» «Дальше еще будут есть и строить! –Смеясь, говорил мозг». «А дальше что?» , спрашивало его неугомонное сердце. «Вот ты все ешь, Купцов, пьешь, любишь и строишь. Потом снова любишь, ешь, ешь и снова пьешь. В карты играешь. И это все, ради чего ты живешь? А вдруг Бог есть? С чем ты придешь к нему? Что ты ему скажешь? Что ты всю жизнь ел и пил, и на это потратил жизнь?» «Ну, а что я могу? –Ныл в ответ мозг Игоря Афанасьевича. –Я ведь ничего больше не могу!». «Как же ничего? –Говорило сердце? –Этого не может быть! Ведь есть же еще что –то!» «Ну, что? Что? –Воскликнул внутри себя Игорь Афанасьевич, начиная расстраиваться. И все бы ничего, но в последнее время стал этот вопрос вспыхивать в мозгу в самые неожиданные моменты –то на совещании по благоустройству, то в бане, то за игрой в преферанс. А однажды –о, это было хуже всего! –когда он исполнял свой супружеский долг. И тогда прямо – бах! – И будто у него опустилось всё сразу. То есть, что значит будто? Натурально и опустилось!

- Что с тобой? –Спросила его тогда Маша, сидя на нем верхом. –Ты не хочешь? Только не вздумай сейчас спрашивать, хорошо мне с тобой или нет, а то я уйду!

- А тебе хорошо? –Спросил он вдруг. –И Маша впервые ушла.

Правда, помывшись, она быстро вернулась и прижав его голову к своей большой груди, сказала:

- Дурачок ты мой! Большой, а все мечтаешь не о том, как школьник!

Вечерами они часто собирались с друзьями на даче, чтобы поиграть в преферанс. Собирались и на этот раз. Всё шло, как обычно. Но в середине игры, когда Зин –Зибер вдруг сел на

мизере без одной, а Васька попал в гору на восемь, сыграв без двух на семерной, вопрос этот снова засел у Игоря Афанасьевича в мозгу, да так, что он чуть не раскололся и не спросил своих друзей про смысл жизни. Но те, это он знал, не поняли бы его или что хуже, сочли бы сумасшедшим и тогда вся жизнь Игоря Афанасьича пошла бы под гору. Даже страшно подумать, что бы было!

И он, как обычно, просто тряхнул головой, чтобы отогнать эти страшные мысли.

- Что ты головой трясешь, как мерин? –Хохотнул сейчас Зин –Зибер, глядя на него:

- Ходи! Товарищ, кажется, опять сел без двух.

Тут он показал на Василия. И потом, глядя, как Шашнин трёт лоб в поисках хода, Зин-Зибер затрясся счастливым, с хрипотцой смехе. А Игорь Афанасьевич, поджав губы и, тоже глянув Шашнина с нарочито жалостливым видом бросил на стол семёрку, как бы подтверждая это и стало очевидно, что Зин –Зибер прав. Вася снова сажился без двух, причём уже на восьмерной.

После очередной партии, в которой Шашнин проиграл, Игорь Афанасьевич снова почувствовал укол в сердце, потому что еще пару месяцев назад вся эта ситуация – карты, пиво, друзья - доставила бы ему огромное удовольствие, а теперь он понимал, что это пустое дело. Ведь даже играл тут каждый одинаково, он, к примеру, поджимал губы, Шашнин хмурился, а Зин-Зибер, поймав кого –то на мизере, хрипло смеялся. Раньше Купцов играл сдержанно. А теперь ни с того ни с его вдруг принимался идти ва –банк, рисковать без надобности и повышать ставки. Если раньше Игорь Афанасьевич обычно выигрывал, то теперь ему хотелось проиграть. И не просто, а крупно. Ему почему-то стало казаться, что это должно доставить ему наслаждение. В какой-то момент ему стала неприятна сама мысль о деньгах. Один раз в шутку он захотел даже поставить даже на кон станцию пожарной охраны, которая ему принадлежала. Хорошо он этого не сделал. А то бы проиграл станцию Зин-Зиберу, потому что на мизере в прикупе был туз. У Толика тогда бы был ещё один склад, а пожар, не Бог случись он в городе, нечем бы было потушить.

- Девять без прикупа. –Объявил Зин –Зибер, когда раздали на новый кон. Он выложил на стол карты. – Чисто! Прикуп не беру.

- Черт, такой мне мизер сорвал! –Шмякнул карты о стол Вася.

- Снова? Что ты врешь? –Расхохотался Зипунов. –Как только я возьму девять, у него сразу мизер!

- Конечно! –сказал Вася, показывая карты. –Нет что –ли? Вот, сам посмотри.

У Васи действительно была не плохая карта, только в червях не было девятки, а в пиках очевидно ловился третий король.

- А здесь? –Спросил Игорь Афанасьич, указывая на короля.

- В понос. –С вызовом сказал Вася.

- Ну, да, а девятка сейчас в прикупе лежит прямо для тебя, да?

- Ага. –осклабился Вася. - Нет, что –ли?

- Шашка, давай так. – Развязно сказал Зин –Зибер. –Если там сейчас чистый мизер с прикупе, то я тебе ставлю ящик коньяка, а если нет...

- Если нет, то что? – С интересом спросил Вася.

- Если нет, то ты нас всех ведешь прям сейчас в ресторан и кормишь до отвала.

- Денег вам что –ли девать некуда? –Буркнула, проходя мимо игального стола Маша. Они в этот раз играли в доме Купцова:

- Давайте их мне. А ты, кстати, свои дорожные потратил уже? –Обратилась он к мужу.

Тот промолчал, сделав вид, что не расслышал.

- Годится! –Сказал Вася, протягивая Зипунову для пожатия руку.

Зин –Зибер длинным ногтем мизинца подковырнул одну карту в прикупе. Она оказалась королем трэф. Затем вторую. Это был валет пик.

- Ну? –Расхохотался опять Зин –Зибер, чуть не падая под стол и делая рукой «паровоз» в воздухе. –Ту –ту!!!

- А у меня с этим прикупом чистый тотус. –Сказал Толик, кидая карты на стол.- Ну, что, Вась, пошли в ресторан?

- Ребят, может вы без меня пойдете? –Спросил Игорь Афанасьич. –Мне что –то сегодня не хочется.

- Не, так дела не делаются. –Расстроился Толик. –Чего ты вдруг скис? С Машкой поцарапались что ли?

- Я щас кому –то как дам за «Машку»! – Повернула к ним голову от трюмо Маша. Фыркнув, она бросила ватный диск на столик, которым пудрилась и пошла, красиво виляя бёдрами, из комнаты.

- Ой, извините, - засмеялся Толик, глядя ей вслед. –Так что, шеф?

- Нет, все нормально вроде. –Сказал Игорь Афанасьич, собирая карты.

- Слушай, ты не вздумай расстраиваться из –за ...некоторых, –Кивнул Зин –Зибер в сторону коридора. - Маша, конечно, женщина красивая, даже очень...

- Даже слишком, - вставил Вася.

- Что ты этим хочешь сказать? – Спросил Шашнина вдруг Игорь Афанасьич, строго посмотрев на него.

- Ничего. Просто сказал, что она чересчур красивая –и все.

Вася опустил глаза, поняв, что сказал лишнее.

- Нет, а на что ты намекаешь этим «даже слишком»? –Стал подниматься вдруг со своего места Игорь Афанасьич. – Что значит это твоё «слишком», Вася, а? Ты чего-то знаешь? Так говори! Говори лучше здесь, чтоб не сказать потом где-нибудь ещё!

Он перевёл взгляд на Толика, а потом обратно:

- Вы чего сегодня оба жену мою задеваете? Язык у обоих длинный? Я укорочу!

Он ещё раз посмотрел на Зипунова, а затем перевёл взгляд на Васю.

- Слушай, да я разве намекал на что –то? Толян, ты хоть скажи! –Стал сразу со смехом оправдываться Шашнин.

- Ребят, ну чего вы в самом деле. –Сказал Зин-Зибер примирительным тоном, подводя в тетрадке подсчёт итога игры:

- Васька нам обоим по стохе баксов оказывается должен. –Объявил он, развернув к обоим листок с цифрами, чтобы они видели:

- Ну, что, тютя, пошли в кабак?

Обратился он к Шашнину.

- Пошли, раз проиграл, - вздохнул Вася.

Игорь Афанасьевич встал и нехотя стал надевать пиджак. Потом крикнул в сторону кухни:

- Маш, ты с нами или дома останешься?

- Дома. – В комнату заглянула голова Маши. Затем она вошла к ним в комнату вся, облачённая в очень красивый халат цвета маренго. Сразу стало видно, какая у неё красивая фигура. Оглядев троицу, она спросила:

- Как вам мой новый халатик? Сегодня только купила.

- Ништяк, - привычно съязвил Толик, глянув на неё. – Прямо картинка из журнала.

Маша повернулась к Шашнину, ожидая от него комплимент в свой адрес:

- По –моему очень даже, - покосившись на Машу, буркнул Шашнин, помятуя о недавней выволочке от Купцова.

- «Очень даже», - фыркнула Маша. – Тоже мне комплимент! Вы всё-таки лесорубы, ими и умрёте. Вам только с ёлками в лесу общаться. Книжек не читаете, в театр не ходите.

Она снова прошла к трюмо, подняла ватку и стал прихорашиваться.

- Так ты не пойдёшь? – Опять спросил жену купцов.

- Нет. – Не переставая пудриться, ответила она. - И тебе не зачем идти, оставайся. Что мне прикажешь дома одной без тебя тут делать?

Купцов, глянув на жену, снял пиджак и повесил его на стул. Потом сказал друзьям:

- Ну, вот, видите, я сегодня не ходок. Идите без меня.

Глядя, как оба приятеля с хмурыми лицами начали собираться, Купцов вдруг развеселился. Он внезапно понял, в чём смысл жизни. Смысл жизни в том, чтобы делать выбор в пользу красавицы жены, а не друзей! Ухаживать за супругой, защищать её от злых языков, делать ей подарки и не обижать её. А ещё следить за домом, в котором они с ней и детьми живут, работать честно и не искать, упаси бог, ничего другого. И тогда всё у тебя будет в норме. В самый интимный момент!

Глава тринадцатая

Вера оторвала голову от стола и посмотрела в окно. Поезд притормаживал у большой станции. Взглянув на часы, она охнула, быстро привела себя у зеркала в порядок и выскочила в тамбур. Народу на станции выходило много. Напарница Света стояла у выхода с отмашкой и увидев Веру, сказала:

- Нормально, я выпущу. Видела, как ты спишь, не стала будить! –Сказала она.

- Мне такой кошмар снился, Свет, – Пожаловалась Вера. - Прямо врагу не пожелаешь!

- Потом расскажешь...

Поезд вдруг дернулся, останавливаясь, и пассажиры, увлекаемые потоком, навалились на Веру, прижав ее к стене тамбура.

- Надо в церковь ходить почаще! –Прощамкала в сторону Веры какая –то старушка с двумя громадными сумками, ручки которых были связаны между собой бечевой. Сумки висели у неё через плечо, как толстое седло:

- Тогда и кошмары не будут сниться! - Закончила старушка.

- Разберусь сама. – Огрызнулась Вера.

- Ох, молодежь...-покачала головой бабка.

На кухне вагона –ресторана в этот момент полным ходом шел процесс заготовки.

- Фарш замеси! –Командовал Матвей Сереге, который сегодня, ему казалось, был излишне вял и сонлив. Тот поднял крышку холодильника, достал фарш и стал перекладывать его в лоток. Матвей какое –то время молча смотрел, потом не выдержал:

- Да не клади ты столько мяса, - выхватил он у него лоток с фаршем из рук. – Не отчитаемся. Хлеб же, хлеб есть!

Серега взял кастрюлю с замоченным в молоке хлебом и также тупо стал его перекладывать руками в лоток.

- Ну, куда, куда ты столько хлеба кладешь?! –Опять возмутился Матвей, забрав у него кастрюлю с замоченным с вечера хлебом.–Добавь лучше лука...

- А не пошел ли ты! –Окрысился вдруг Серега. – Сам бери и клади, сколько надо!

Бросив лоток на раздачу, он вытер руки о передник и ушел с кухни, оставив Матвея стоять с выпученными глазами. Немного постояв, он выскочил следом за своим кухонным рабочим в тамбур, чтобы вернуть его, но там вдруг лицом к лицу столкнулся со своим директором Диной Петровной:

- Слушай, Матвей...-сказала она, положив ему руку на плечо и больно стиснув ключицу.

– Ты что со мной сделал? С меня всю ночь льет как из ведра!

И Дина Петровна выразительно показала глазами вниз. Затем шепотом добавила:

-Эти...пришли...у меня.

- Кто?

- Не кто, а что - месячные!

- А я здесь при чем? – Удивился Матвей.

- Как это... причем?! – Возмутилась Дина Петровна. – Это ж твоя работа! Ты сам вчера сказал: «могу вызвать месячные». Забыл?

Матвей стоял и хлопал глазами, не зная, что ответить. Вчера он пошутил, и что? Сказать то он, возможно, сказал, но...

- Ладно, - вдруг сбавила тон до примирительного Дина Петровна. – Будем считать, что твой фокус удался. – Давай, возвращай все обратно.

- В каком смысле? – Опять захлопал глазами повар.

- Как было до этого. Верни всё назад. Ох, ну ты фокусник! Всем в конторе расскажу!..

- Дина Петровна, милая... - Матвей аккуратно снял ее руку с плеча. - Не знаю, что у вас там случилось, из – за чего кровь, но поверьте, я не имею к этому никакого отношения!

- Не имеешь?! – Возмутилась Дина Петровна. – А как это объяснить?

Она ткнула пальцем себе куда – то вниз.

- Сейчас же колдуй обратно!

- Одну минутку, - сказал Матвей, услышав, как на плите что – то зашипело. Быстро вернувшись на кухню, он снял с плиты бушующий котёл с бульоном и крикнул в тамбур:

- Мне ща некогда, Дина Петровна. Давайте вечером. А лучше найдите врача! И чем быстрее, тем лучше!

Дина Петровна ошеломленно посмотрела куда – то в сторону, затем возмущённо на Матвея и, пробормотав: «ну, подожди, оборванец!», повернулась чтобы уйти. Матвей выскочил в тамбур, чтобы что – то сказать в своё оправдание, но на плите опять что-то зашипело и он вернулся на кухню, чтобы снять это, на этот раз это был компот в большой кастрюле. Потом он взял мыло, подошел к крану, открыл воду и посмотрел на себя в зеркало. Его лицо внезапно исказила кривая улыбка:

- Хочу, чтобы у директора прекратились месячные! – Отчётливо произнёс он.

Сергеа-разносчик прошел два вагона и постучал в одно из купе. Через некоторое время дверь открыл электрик Мордюков.

- Чего тебе? – спросил он, протирая сонные глаза. – Давай быстрее, а то я с ночи, спать хочу.

- Мне надо. – Сказал Серега, протягивая деньги.

- Сколько? – Спросил Мордюков, разворачивая бумажку. – Не-е... - разочарованно протянул он, возвращая назад деньги. – У тебя долг только триста.

- Пока нет больше. – Сказал Серега, облизывая пересохшие губы.

- Не могу, - мотнул головой Мордюков.

- Дай, пожалуйста! Ну? – Заканючил Серега. – Я отработаю, честно...

- Да не могу я! – Повторил Мордюков. – У меня ж тут не центр благотворительности. Если хочешь, спрошу у главного...

- Да! Спроси. – Быстро сказал Серега.

- Но только после обеда, – безжалостно сказал Мордюков.

- Володя... - захныкал Серега. – Мне надо, прошу тебя. Иначе все, вилы!

- Вот же ты гангрена! – Зло сказал электрик, шаря в то же время под подушкой. – На! – сказал он, протягивая бумажный пакетик. Раскумарься пока. Может, к обеду чего и решим.

- Спасибо, спасибо, Володь! – сказал Серега, хватая пакетик. – А спички есть?

- О-о! – только и смог сказать Мордюков, нервно роясь в карманах одежды, висящей на вешалке. – На! Бери, сатана!

- Спасибо! – Еще раз сказал Серега, открывая дверь в купе. – Так я зайду после обеда?

- Катись, катись! –Пожелал ему Мордюков и захлопнул дверь.

Глава четырнадцатая

Всю ночь после похода в ресторан Вася Шашнин чувствовал себя плохо. Ему снились костры, на которых пылали грешники. Приближаясь, он узнавал в них своих друзей и знакомых, с которыми делился нетрудовыми доходами. Вот кричит он сам, вот жарится рядом с ним Зин-Зибер и Игорь Афанасьевич. Во сне Вася плакал и просил его не губить. Едва он начинал дремать, ему опять снились костры, и Шашнин открывал глаза, в ужасе шевеля губами. Лишь под утро он забывался коротким, обморочным сном, но мать будила его заставляла идти на работу.

По воскресеньям, встав с постели, Вася, долго ходил по дому, чего раньше с ним не бывало, и всё искал чего –то, чего в этом доме никогда не находилось. Он подходил к полкам и стеллажам и перечислял вещи, которые там были: расческа, одеколон, книга о вкусной и здоровой пище, маникюрный набор, авторучка, записная книжка... Мать подозрительно смотрела на него, поджав губы, потом вздыхала и уходила. Вася, не обращая на неё внимания, продолжал обход. Чего –то всегда не хватало. Вот только чего? Вася ходил от одной полки к другой, трогал вещи. Вдруг он останавливался и спрашивал себя: не сходит ли он с ума? Нет, говорил ему внутренний голос, не сходишь. Всё нормально. Просто это одиночество на тебя так влияет.

Иногда Шашнин в тысячный опять наверно раз начинал вспоминать Айнану, с которой встретился в армии и корить себя за то, что он сделал. Вот, если б они были сейчас вместе? Но не повернёшь же время назад!

Походив по дому, Вася без сил падал на диван, обняв голову. Но сон почему -то не шёл. Стоило закрыть глаза и перед ним вставало лицо девушки. Зачем он с ней так поступил тогда, спрашивал он себя?

Посидев на кухне за столом перед почти нетронутым завтраком, Шашнин вставал и начинал заглядывать в шкафчики кухонного гарнитура, не вполне понимая, зачем это делает. При этом, чтобы придать своим действиям видимость сознательной проверки наличия съестного, он начинал перечислять вслух, чтобы мать, которая пила вместе с ним чай, слышала:

- Так, масло оливковое, рис, соль, перец, корица, крупа гречневая... Гречка.

На гречке он вдруг задумался и, оставив дверцу открытой, ушёл из кухни в комнату, заставив мать, пожилую, одутловатую женщину, замереть с чашкой у рта.

В комнате Вася лёг на диван и стал думать:

- Гречка! Ну, конечно! С нее все и началось! Впервые это чувство появилось еще в ресторане, куда они пришли ужинать втроём, и где был этот странный старик еврей, который устроил целое представление из скромного ужина для одного женатого и одного холостяка.

- А не хотите гречку на гарнир? –Вдруг спросил Васю этот жид, когда тот заказал отбивную из телятины.

- Нет, не хочу. –Заявил Василий.- Я ей в армии наелся. У нас повар любил ее дюже, тоннами готовил. Сразу –на завтрак, обед и ужин. Во всех частях вокруг, как у людей –перловка в тарелках. А у нас –дефицит, гречка! Где только брал...

- На полковом складе наверняка! А вы... где служили, простите? –Вежливо осведомился старик.

- В Магадане наш Вася служил. –Охотно ответил за него Зин –Зибер. –На краю света. Знаете, там только сопки, туман, тундра...

Тут он добавил неприличное слово.

- Как же! –Сказал старик. – Речка Магаданка, редкой чистоты.

- А вы откуда знаете? –Спросил старика Вася.

- Бывал, –коротко ответствовал Соломон. –Скажите, а вам не случилось бывать на Каньелучи? Это правый приток Кулу. О, прямо вижу как она несёт в туман свои тихие прохладные воды...

- Прохладные! – Гоготнул Шашнин. – Плюс три зимой и летом. На минутку окунулся и ты синий! Через три минуты ты труп! В прямом смысле. Ух, сколько народу там в воде гибнет каждый год!

- В самом деле? – Спросил Зин-Зибер.

- Что ты, страшный климат! Сентябрь, а снега уже по колено! - Подтвердил Шашнин. – Как там люди живут, не понимаю, если звери от холода мрут! Но бывают сюрпризы. Девушки красивые. Была у меня там одна зазноба-эвенкийка, Оксаной звали...

- Разве Оксаной, а не Айнаной? –Спросил Соломон.

Шашни замер с открытым ртом. Потом, сглотнув, подтвердил:

- Верно, Айнаной...А вы откуда знаете? Мы с вами раньше где- то встречались? А то мне ваше лицо знакомо.

- Кто знает, -задумчиво произнёс старик. - Все однажды где-нибудь встречались...

- Нет, а если серьёзно?

- Вряд ли. – Цыкнул зубом старик.

- Ну да, точно, Толян, ведь её действительно звали Айнана. – Вдруг обратился Вася к Толику. - А я уже и забыл...

- Так вы на ней женились? – Спросил Соломон посетителя.

- На Айнана? Нет, - засмеялся Вася.

- У него здесь каждый день подружки меняются в Счастливом. – Подхватил разговор Зин-Зибер. - Делать ему больше нечего на айнанах жениться!

- Напрасно, - вздохнул Соломон. – Она бы вас спасла.

- Это как? – Не понял Шашнин.

- Просто Айнана в переводе с эвенкийского – спасительница, –объяснил Соломон.

- Ну да...кто ж знал, -почесал затылок Вася. – Так то она чудо, как была, как хороша! Думал, между прочим, жениться. Можно сказать, чуть не женился. А потом раздумал почему –то. Испугался что –ли...

Тут Шашнин отвёл взгляд от Соломона и стал объяснять Толику:

- Ходили, понимаешь, с ней все за ручку, целовались...Только как главного дело доходило, она –нет и все! Говорила, отец оленевод, бабка шаманка. Узнает - в лягушку превратит. Женись, говорит, только тогда можно. Там с этим строго. У нее, кстати, сестра ещё была. С ней вроде тоже кто –то встречался из наших...

- Ну, а ты? –Спросил Толик. –Отстал?

- Щас! Я на неё всю солдатскую зарплату тратил – семь рублей! Зря что ли? Мороженое, то се...В общем, помню, плакала она очень, просила, чтоб я с ней не того, не до конца... Мол, я девушка ещё. Не обманула. Только я значит, ее разложил, только приступил, а она, как закричит...

- Погоди, можно я договорю? – Встрял вдруг Зин-Зибер, перестав есть. - Она как закричит: ой –ей, ей, мне конец, я теперь женщина! Да?

- Примерно, откуда знаешь? – Спросил серьёзно Вася. Было видно, что ему неприятно, что друг его перебил.

- Они все так делают! – Не почувствовал его обиды Толик.

Мужчины вдруг замолчали, думая каждый о своём. Потом подняли наполненные рюмки со стола и чокнулись:

- Давай за любовь!

- Ну, и чем дело закончилось? –Спросил Васю любопытный Соломон Шекспирович, который продолжал стоять рядом в белой куртке и слушать.

- Да ничем. Пропала она после этого куда –то. –Поставив на стол пустую рюмку, сказал Шашнин. - Может, бабка ее правда в лягушку превратила, не знаю.

И Вася снова задумчиво пригубил водки из своей рюмки.

- Превратила. Она в воде, я это вижу. – Внезапно нарушил общее молчание Соломон, который стоял рядом с их столом и слушал Васин рассказ, отвернув к тёмному окну голову.

За столом сразу воцарилось молчание.

- Утопилась? Да ладно! А-а...вы откуда знаете? – Явно удивлённый этим сообщением, поднял на старика глаза Вася.

- Почему утопилась? – Спросил старик. - Скорее провалилась. В тех местах это случается. Идёт-идёт человек, вдруг – бац и он под водой! Ква, ква, одни пузыри сверху. Там такое случается, по весне особенно. Да не корите вы себя так, - увидев, как побледнело лицо у Васи, дал задний ход повар. - Жива она, вполне возможно. Наверно вышла замуж за какого-нибудь местного жабера, да и живёт теперь в своём болоте.

- Это другое дело, -потрогал зачем –то сзади шею Шашнин, - А знаете что? –Сказал он, обращаясь к Соломону. –Давайте –ка, несите вашу гречку. Только со шварками, как у нас тут её делают!

- Сию секунду! – Отозвался повар.

- И мне. –Сказал Зин-Зибер, хотя гречку редко ел, всегда предпочитая ей картошку.

Остаток вечера в ресторане Вася Шашнин почему –то помнил смутно. Повар оказался на редкость компанейским человеком. Приносил напитки, подавал все новые и новые блюда со странными для русского слуха названиями: Филе де беф поле, Броше а бе блан или что – то в этом роде. Острил, рассказывал смешные истории. Если бы он не был евреем, то вполне мог бы занять достойное место в их компании.

Потом с коньяка они втроём перешли на тэкилу и Абсент. И вот когда они выпили полынной настойки, начались странные вещи. Показалось Васе будто Толик Зин –Зибер превратился в жабу и обратно, но даже будучи в человеческом теле продолжал квакать, тарелки бегали по столу, как большие рогатые жуки, а от колонн в зале отделялись тени и порхали под потолком летучими мышами. Бутылки развратно извивались, обнажая свое похабное нутро, а Игорь Афанасьевич, который ни с того ни с сего присоединился вдруг к их компании, придя позже, обратившись в гигантского трубочника, сидел и высовывал из камышового своего домика крошечную блестящую головку без рта, чем доводил Зин-Зибера до гомерического хохота. Потом все внезапно прекратилось, друзья очутились на улице и тут Вася объявил друзьям абсолютно трезвым голосом:

- А вот сестру Айнаны звали Оксаной! Это точно.

Глава пятнадцатая

Жизнь в ресторане, а заодно и в городе, постепенно налаживалась. Приходили и уходили посетители, на входе -подозрительные, важные, шумные, на выходе добрые, отзывчивые, притихшие. Французская кухня в маленьком сибирском городке постепенно начала входить в моду. На улицах и в магазинчиках то и дело слышалось: пробовала вчера *Carre a l oseille* – не плохая вещичка! Или: *Soupe a l oignon, parisienne* меня совершенно разочаровал. Все –таки французы немного сумасшедшие, называя эту бурду супом. Наш борщ -в сто раз лучше! Но по будням в кафе не было места, а в выходные приходилось ставить дополнительные столы на улице, если было тепло. Соломон носился по кухне, как заведенный и часто не поспевал с заказами. Благо, основная масса клиентов была инертна и делала традиционный выбор.

- Шесть бифштеков *Steak au roivre* –своим оперным голосом говорила Шрапнель, две отбивные *Veau Lucullus* из телятины и ...восемь гречек.

Видя, как старается на кухне Соломон, она однажды спросила:

- Послушайте, зачем вам это надо? Они ведь не оценят. –и Шрапнель с презрением махнула рукой в сторону зала. –Это же плебс...

- Вы не представляете, какое это непередаваемое счастье – наслаждаться! –Говорил Соломон, вытирая пот с разгоряченного лица платочком и выставляя тарелки на раздачу. –Раз, два, три, четыре...-считал он –и две еще здесь. А быть поваром –это же сродни оперному искусству или живописи. Сколько в этом творчества! Вот попробуйте!

И Соломон протягивал Шрапнели кусочек телятины маренго, канапе с вкуснейшим паштетом на нем или индейку салми на хрустящем крутоне.

- Ну, чем Вам не ария Тристана из финального акта? –Спрашивал Соломон Аду Григорьевну.

- Вкусно. –С набитым ртом, с чувством говорила Шрапнель. –Мы бы могли в вами сделать неплохую карьеру в столице. Поедемте, а? Вы будете готовить, я -петь. Как –нибудь, да пробьемся!

- В Москву? Ни за что! Считайте, что этого города нет. Кого там кормить? Живых мертвецов? Они променяли жизнь на авто. Заперлись в машины и тихо умирают на дорогах. Все, кто может там позволить себе там французскую кухню, предпочитают колбасу в вакуумной упаковке, разложенной на спине падшей женщины, как на тарелке. Я не ханжа и в принципе нет разницы, с чего есть. Допустим, тарелка и спина женщины один и тот же материал, только в немного разных физических комбинациях. Но в погоне за наслаждениями, поверьте, можно далеко уйти. Я знал человека, который из –за денег пошел убивать другого человека.

- Убил? –Всплеснула руками Шрапнель.

- Слава Богу, быстро. Его научили в русской армии обращаться с ножом. Несите, несите, пока не остыло! Но, как говорится, сам факт - каково?

И Шрапнель, подхватив поднос, жуя и в то же время осуждающе качая головой, побежала в зал.

Вечерами Соломон сидел дома и читал книги по кулинарии. Иногда ему звонил Семен Аверьянович Зайцев и докладывал обстановку в больнице:

- В правом крыле, Шекспирыч, слышь, теперь у нас фазаны бегают с зайцами. Парк там, значит, открыли. Какая –то это там терапия. Бассейн опять же, старушки плавают нагишом –разврат. Но мы пресекаем. – Сказал он, прикрыв трубку ладонью. – С этим строго. Опять же солярий теперь есть. Я очень люблю после обеда прилечь под солнышко, да... Только меня заставляют до конца раздеваться. Это надо пресечь. Еще этот как его привезли –водный...как его...

- Электрогидромассажер. –Подсказал Соломон. –Отличная вещь! Специально для вас выписал из санатория в Паратуньке. Поправляйтесь, Семен Аверьяныч!

И Соломон уже намеревался положить трубку, как вдруг сторож останавливал его:

- Погоди, Шекспирыч. Все оно, конечно, ничего! Однако, я думаю нам не стоит останавливаться на достигнутом. –и, понизив голос до заговорщического, он продолжал:

- Тут один мучается, сил нет, писатель...

- Ах, писатель! – Соломон хлопнул себя ладонью по лбу. – Ну, конечно, Царёв, как я про него забыл!

- Да, сидит ночами, мучается, пишет, а утром всё рвёт. Никого не замечает, почти не ест...Глаза такие, как у демона. И всё бормочет чего –то. Ему бы лекарства.

- Зайду, - пообещал Соломон. –Так и передайте ему, пусть ждёт.

- Я тут ещё посоветовался с товарищами, - кашлянул Зайцев, - и они со мной согласны. В нашем этом раю еще нет источников живительной влаги.

- Что вы имеете в виду? –спросил Соломон.

- Фонтана из шампанского, например. Или пивного родника, на худой конец. – Аверьяныч кашлянул. -Ты только не думай Шекспирыч, что я только для себя. Для всех. Это для

людей, а то скучно здесь. Мучаемся! Давеча в шахматы сели играть, так я со скуки у ферзя пимпочку отгрыз. А зачем – и сам не знаю. Или шашки – хуже игры не придумаешь, сидеть и кружочками двигать! Иногда хочется размяться, попрыгать что – ли, или кому –нибудь в рыло зарулить или там даже разговориться просто, а желания нету. Так я и подумал...

- Алкоголь вредит здоровью. –Отрезал Соломон. – К тому же от него много нежелательных эксцессов. А об играх я подумаю. Это важно.

И повесил трубку. Но не успел он углубиться в книгу, которую раскрыл, как в окошко постучали.

Отложив чтение, Соломон встал. За дверь оказалась соседка Клава Авертова. Была она как всегда в замоте, выглядела усталой, под глазом виднелся замазанный чем –то белым здоровенный синяк.

- Что стряслось? –Спросил Соломон, увидев её.

- Извините, у вас сода есть? Щепотку надо. А то блины затеяла, хватилась, а соды нет.

Соломон с сочувствием посмотрел на Клаву. Было в ней что –то от маленькой побитой птицы –воробья или галчонка. Собранные на макушке немытые пряди торчали в разные стороны, брови были излишне выщипаны и поднятые вверх, делали лицо каким –то гротескным, потрескавшиеся в уголках губы выглядели без помады излишне детскими, неухоженные руки с облупившимся лаком на ногтях Клава то и дело прятала в карманах не по размеру большой мужской куртки. Ноги облачали некрасивые рейтузы, заправленные в резиновые сапоги.

- Входите. –Сделал гостеприимный жест Соломон.

- Нет, я уж лучше здесь. –Махнула рукой Клава.

- Войдите, войдите, чего стоять! – Настойчиво повторил Соломон.

Клава вошла. А, зайдя, обомлела. Была она в краеведческом музее последний раз много лет назад. Когда только вышла замуж за Андрея и приехала в Счастливый жить. Тогда первые три месяца жизни здесь она посвятила тому, чтобы ознакомиться со всеми достопримечательностями города –сходила в театр на постановку «Аиды» в исполнении Ады Гамаюн. Очень понравилось, хотя в третьем акте на мужской партии Шрапнель дала «взрослого» петуха, сорвала голос и допевала уже почти шепотом. Посетила лесосеку, где работал муж, а также местный санаторий по лечению от нервных болезней. Среди ее посещений был и краеведческий музей. Показался он ей тогда скучным, как все музеи –с соломенными чучелами животных и птиц, стендами и запыленными витринами, в одной из которых рукой неизвестного мастера был зафиксирован во всей своей тоске фрагмент унылой сибирской природы –с ее снегом, голыми деревьями, громадной вороной на суку и облезлым песком со стеклянными глазами. Сверху весь этот кошмар освещала громадная с темными пятнами луна. Помнится, глядя на эту картинку, Клаве отчаянно захотелось уйти из музея, а заодно и из жизни. Но после этого она приходила в музей еще дважды, потому что был он рядом и потому что больше достопримечательностей в Счастливом не было. Теперь все изменилось. Стенды и витрины в музее исчезли. Вместо них в стенах были ниши, за стеклами которых кипела настоящая жизнь природы. В одной из ниш пасся будто живой лось, на дереве сидел дятел и барабанил свою бесконечную партию. В другой –застыл на миг кабан, а потом стал рыть землю. Наглые белки сбегали вниз с деревьев, а потом вдруг бежали по полу к столу, за которым обычно ел Соломон, и где всегда их ждала миска с орехами, выбирали фундук или кешью, лакомились, а потом бежали обратно в природу, словно играя в салки. Картины были разными, но всё равно казались одним целым. Присмотревшись, любой понимал, что кабан спугнул белок, а те сбежались отовсюду, чтобы посмеяться над дикой, неповоротливой свиньей.

-Это... настоящее? –Спросила Клава, показывая пальцем на зверей за стеклом.

- Всенепременно, - подтвердил Соломон.

Клава недоверчиво посмотрела на еврея.

- Шучу, голография. –Махнул он рукой.

- А белки?

- Белки вот настоящие.

- Все равно. Как здесь стало интересно! – Восторженно прошептала она, разглядывая висящие на потолке макеты дирижаблей и воздушных шаров, а также стоящие на полках и на полу агрегаты и предметы не совсем понятного назначения.

- А это что, тоже имеет отношение к нашему краю? – С сомнением спросила Клава, показывая на потолок.

- Обязательно! – Воскликнул Соломон. – То есть, это всё могло бы быть в Счастливом, если б здесь однажды не закрыли отделение ДОСААФ. Жаль, что не достало средств. Иначе бы все, кто были членами этого клуба, впоследствии стали известными авиаторами и конструкторами. Вот, например, Константин Хорькин, создал аппарат для воздухоплавания, проще говоря, аэростат, живя в деревне Чиневихи, и сам же его испытал. Поднялся на высоту 1300 метров. Погода немного подвела. И не помолился, да... А так – высоко бы полетел. Или вот Стасов Кирилл Бедросович, сын известного болгарского изобретателя. Его машина под названием Катабаллиста выстреливала парашютиста на высоту 400 метров. Вообще – то, он планировал засылать с помощью этой машины человека в стратосферу. Представляете? Раз – и там! – Соломон показал пальцем в небо. – Так бы оно в общем и вышло... – пробормотал он, рассматривая Катабаллисту. – Не рассчитал он тут нагрузки немножко и скафандр бы подвёл... грустно это! А вот действительно гордость музея – сказал Соломон, подведя Клаву к паре сложенных крыльев из воска и перьев на стене. Наш русский икар Федор Толстухин. Говорю вам это без всякой иронии. Он поверил, Клава, понимаете?

- Во что? – Не поняла она.

- Он поверил в Бога, как вы примерно в меня сейчас. Это случилось внезапно. Впрочем, это всегда происходит внезапно, как озарение. Кажется, это было в понедельник. Может быть, в этом все и дело. Может, нуква в этот день находилась в не слишком удачной астрогографической позиции.

- Кто находилась? – Не вполне расслышала Клава.

- Неважно. – Отмахнулся гид. - Понимаете, дело было в расположение силовых дуг и полей, которое было не слишком удачными что ли в тот день. Толстухин шел на работу. Вдруг дорогу ему перебежала кошка. Самая обычная – черная, без белых крапинок. Повернулась к нему, мяукнула и побежала дальше. Ничего особенного. А это был знак. Но Федор не остановился, не перекрестился, ведь при Советах всех учили бороться с предрассудками, только посмотрел по сторонам, радостно улыбнулся и побежал дальше. В клубе она взял эти крылья...

- А он что, тоже был в ДОСААФ? – Спросила Клава, трогая осторожно экспонат.

- Да. В некотором роде. Но не совсем. Его не взяли. Он там был просто проходящим. Так сказать, на испытательном сроке. Понимаете, ему сказали, что он им чужой, раз он верит. Это было тем обиднее, что он, в общем-то, не слишком верил. Он больше в коммунизм верил и исправно ходил лишь каждый день на службу в котельную. Любимой книгой его была автобиографическая книга о Монгольфе. Но Ветхий Завет у него дома был. Это точно. И это решило дело.

- Ой, у меня тоже он есть. – Сказала Клава. – От бабушки досталась.

- Надеюсь, вы ее читала? – Излишне горячо поинтересовался Соломон.

- Читала. – Ответила Клава.

- Ну и как? – С неподдельным интересом спросил Соломон.

- Сказки по-моему. – Махнула рукой Клава. – Змеи превращаются в палки, вода в кровь, с неба падает хлеб, вернее, этот, как его, ман. Как в это можно поверить?

- Ну да, ну, да... – рассеянно сказал Соломон и задумался.

- Так что с Федором? – Напомнила Клава.

- Федор? Ах, да, Федор... Он взял крылья, которые сам и сделал, пошёл, забрался на самую высокую сопку, разбежался и прыгнул вниз.

- Ой! – Воскликнула Клава. – Вот. Вся эта религия до добра не доводит! – сказала она. – Погиб хороший человек.

- Кто вам сказал, что он погиб? – Спросил Соломон.

- А что он жив? – Удивленно спросила Клава.

- Разумеется. – Закивал Соломон. – Только он живет теперь в другом городе.

- В каком? – Поинтересовалась Клава.

- В большом. – Не стал вдаваться в подробности Соломон. – Вот ваша сода. – протянул он ей пакетик.

- Кстати, откуда у Вас синяк?

- Это... я упала. – Торопливо сказала Клава, прикрывая рукой лицо.

- Муж. – Догадался Соломон. – Подскажите, как его зовут?

- Андрей. – Призналась Клава, но тут же спохватилась. – Только если Вы думаете, что это он, то это не он... – тут Клава совсем некстати, громко и по – детски разревелась.

- Я думала... я хотела, как у вас в ресторане, а он... кинул.

- Чем кинул? – Спросил Соломон.

- Котлетой! – Плакала Клава. – Натуральной, с косточкой.

- Из чего же вы ее сделали? – С сомнением в голосе спросил Соломон.

- Из мя – мя – а – са... – рыдала Клава. – Она просто к сковороде без масла прилипла!

- Понятно. – Вздохнул Соломон.

Он куда – то ушёл и через некоторое время вернулся с кастрюлькой в руках.

- Вот. – Сказал он. – Это для вашего мужа.

- Нет, что вы! – Отчаянно мотая головой, сказала Клава. – Я не возьму!

- Почему? – Удивился Соломон.

- Это не хорошо! Да и денег у меня с собой нет. – Вытирая рукавом лицом и шмыгая носом, сказала Клава.

- Глупости! – убежденно сказал Соломон. – Этим он по крайней мере в вас не кинет.

- Не кинет? – Спросила Клава и вдруг снова заплакала совершенно по – детски гримасничая.

- Ну – ну... – сказал Соломон, доставая из кармана платок и вытирая ей лицо. – Это же сколько в вас нерастратченного потенциала, просто удивительно!

- А что это? – спросила Клава, высморкавшись в поданный Соломоном платок, и показывая на кастрюльку.

- Gigot braise, кажется. – Сказал Соломон, однако заглянув под крышку поправился: – Или Gigot a la borlaise. Несовершенная человеческая память! Никогда не помню, что готовлю себе на ужин...

- Нет, а что это?... – Начало было Клава, но в этот момент зазвонил телефон и Соломон, показав на аппарат, был вынужден отлучиться.

- Да? – сказал Соломон. – Да, Семен Аверьяныч. Нет! Нет, мы не можем поставить фонтан с наливкой. Даже с кедровкой не можем. – Соломон повернулся к Клаве, и с выражением непередаваемого сожаления пожал плечами, показывая на трубку. Клава махнула ладошкой, и подхватив кастрюльку, сочла лучшим уйти, чтоб не мешать разговору.

- Gigot a la borlaise, – повторяла она по дороге, чтобы не забыть. – Gigot a la borlaise...

Глава шестнадцатая

Оператор трелевщика Фёдор Михайлович Стройцев выключил мотор своего «Вальмета» и открыв кабину, встал на подножку. Вдали на соседней лесосеке кипела работа. Шустрые

японские сортиментовозы цепляли громадные, чуть ли не в три обхвата реликтовые ели и тащили их к стоящим рядом лесовозам.

- Вот, черт! –Зло выругался Фёдор Михайлович и побежал в сторону бытовок, поправляя на ходу портянку, которая вылезла из сапога. Не добежав, он крикнул в сторону рабочих, которые стояли отдельной группкой у свежеспиленных бревен:

- Нет, вы видели, а?!

Те мрачно покивали головами. Кто –то достал пачку сигарет, остальные потянулись к ней.

- Пойду к Клиенту и спрошу, что он там себе думает! – С вызовом сказал Стройцев, подбежав к мужику и тоже выхватив сигарету из пачки. – Где он, этот Игорь Афанасьевич?

- Сходи, сходи...-усмехнулся рабочий. –Хрен ли толку –то...

Начальник всей лесозаготовки Игорь Афанасьевич Купцов, которого прозвали Клиент за то, что он всегда спрашивал в ресторане: «Я вам клиент или нет? Я вам - клиент! Так обслужите по высшему сорту!» смотрел в этот момент на работу китайцев из окна своей бытовки. Время от времени от поднимался с места и засунув крупные кулаки в карманы брюк, начинал ходить взад и вперед по бытовке что –то, бормоча себе под нос. Потом вдруг успокаивался, садился на место и принимался за остывший чай. И вдруг снова вскакивал и начинал ходить, сжимая руки в кулаки. Стройцев застал его в тот момент, когда Клиент, успокоившись, опять уселся за свой чай.

- Чайком балуетесь, Игорь Афанасьевич?–Заглянув в бытовку, ехидно спросил Стройцев.

- А там косоглазые заповедный лес рубят!

- Ну и что? –Деланно равнодушно сказал Клиент. –Раз рубят, значит им разрешили.

- Да кто разрешил –то, кто?! –Не дождавшись приглашения войти, распахнул дверь Фёдор Михайлович. –Этот ваш друг Зин-Зибер разрешил? Или те пришлые из компашки Лёхи Мордвина?! Да они уже деньги вместо обоев на стены клеят! Эх, была б моя воля!..

- Слушай...-поморщился Купцов. –Я в эти дела лезть не собираюсь. Мне прошлого раза хватило, когда вы бастовали из –за зарплаты. Месяц на голой жопе своей просидели, ну и что? Высидели чего –нибудь? Заплатило вам министерство?

- Нет. –Потер нос Стройцев.

- Вот и сейчас так будет. –Спокойно сказал Купцов. –Сделают, как хотят.

- Но они же слово дали! –понижив голос, сказал Стройцев. –При всех. Мы же целый год молодняк рубим за копейки, Игорь Афанасьевич! А они...

- Хватит! –Ударил легонько ладонью по столу Купцов и вдруг закашлялся.

Достав из кармана новый, выглаженный только недавно женой платок, вытер им рот, затем вытащил из ящика стола кепку, снял с вешалки дождевик и сказал:

- Чёртова астма. Работу не прекращать! Сероольшаник на восьмой делянке знаешь?

- Знаю. –Опустил голову Стройцев.

- К моему возвращению все затрелевать.

Но Игорь Афанасьевич, это же работа для сортимента! Куда я во второй ярус со своим «Вальметом» полезу? –Начал сразу канючить Стройцев.

- Все разговоры отставить! –По-военному цыкнул Купцов. –Вечером проверю. –И ушел из бытовки, пригрозив напоследок пальцем.

Часы в конторе лесозаготовки в это время показывали двенадцать. Зин –Зибер закрыл пухлую записную книжку, стянул ее резинкой, вроде той, какие женщины используют для своих причесок, снова пересчитал деньги, положил их в сейф и лишь затем с блаженной улыбкой растянулся в кресле, положив руки на голову. Хорошо иметь с китайцами дело! Сразу платят, без разговоров. Правда и леса берут потом больше, чем договорились, черти косоглазые. Но деревьев много в лесу, хватит на всех. Нечего жмотиться. Зин-Зибер улыбнулся, вспомнив, как учил одного китайца на лесосеке русской азбуке. Звали китайца Шо Минь Ли. Забавный малый! До этого он подарил всё тому же китайцу книжку стихов Агнии Барто, которую взял

из дома. Мол, давай учись, хунвейбин, профессором будешь! Шо Минь Ли, так звали китайца, оказался, очень способным, сразу выучил русскую азбуку и стал по слогам читать книжку. Какие –то стишки даже выучил наизусть. Потом рассказывал их Толику. Ох, как же смешно он их рассказывал! Интересный всё-таки народ –китайцы! И денег много приносят. Зин-Зибер покосился на сейф. Зато теперь за его дом у озера можно не беспокоиться. Китайцы, как он попросит, доделают крышу и возьмутся за отделку. Еще бы пару сотен тысяч и можно будет сказать: прощай, лесозаготовка, прощайте, коллеги по преферансу, прощай, малогабаритная квартира! Здравствуй, природа и рыбалка! Зин –Зибер улыбнулся и посмотрел на два конверта, лежащих на столе. Один был толще, другой тоньше. Зин –Зибер взял тот, что больше и выложив из него на руку пачку денег, задумался. Потом отложил часть денег из двух конвертов и положил их в сейф. Это для себя. После этого он положил конверты в разные карманы и вышел из кабинета.

- Игорь Афанасьевич на месте? –Спросил Толик в конторе, куда пришёл, пожилую женщину с папкой под мышкой, столкнувшись с ней в коридоре.

- Он в ресторане, обедает. –Сказала секретарша.

- Понятно. –Вздыхнул Зин –Зибер. - Один пошел?

Это уже ему пришлось крикнуть ей вдогонку.

- Нет, с Шашниным. – Повернув к нему голову, сказала секретарша.

- Что у них там медом намазано что –ли...-пробормотал Зин –Зибер, заправляя рубашку поглубже в брюки.

Солнце, вышедшее из –за туч, осветило вдруг грязное окно в торце коридора, показатели по лесозаготовке за прошлый год на стене, а заодно и пыльный цветок в горшке на подоконнике. Зипунов посмотрел на график, потом на уборщицу, которая лениво терла тряпкой линолеум в коридоре, на грязную воду в ведре, на сломанные жалюзи, и снова цветок и окно, а затем вернулся в кабинет и набрал чай –то номер.

- Привет, Леша. –Сказал он.

- Здравствуй, дорогой. – Ответил ему глумливый голос на другом конце провода. - Как идет лесозаготовка? План выполняете?

- В целом успешно, хотя и без рекордных показателей... - привычно, как начальству отпартовал бандиту Зин –Зибер. –Ты уже сегодня пообедал?

- Я? Нет, что ты братан, ты же знаешь, мы с Томкой сразу... ужинаем, ха-ха!

- Ладно. Надо встретиться. Я тут дельце провернул одно, откатик у меня твой здесь.

Зин –Зибер стукнул себе ладонью по карману пиджака.

- Это хорошо. –Сказал голос. - Приезжай в баньку на Тульской. Завтра. Девчонки будут классные...

- Тут классных нет. –Усмехнулся Зин –Зибер.

- Обижаешь. –Сказал голос. –В Биробиджане заказали, завтра приедут.

- А-а...-протянул Зин –Зибер. –Ну, тогда может зайду.

- Шашлычок, то –се...- Продолжал Лёха.

- Можно тут жидовчика, кстати, одного подключить. –Предложил вдруг Зин –Зибер и кашлянул. –Насчет готовки ас. Сам проверял. Ресторан у него там, где раньше клуб был, помнишь? «Гастроном» он теперь называется, может, слышал? Готовит –пальчики оближешь! Мы тут с ребятами...

- А он под чьей крышей? –Оборвал его сразу Лёха. –Кому платит?

- Не знаю...-поморщился Толик.

- Может, майор наш там крышует, Сорокогуз?

- Не, Валерка не в курсе, я спрашивал. –Сказал Зипунов.

- Хорошо. –Сказал голос в трубке. –Пригласи его. Заодно пробьем старичка на «как живешь».

- О кей. –Сказал Толик и положил трубку. Затем, полистав записную книжку, он снова набрал номер:

- Алле, это ресторан? –Спросил он. –Хозяина можно?

Бригадир лесозаготовительной бригады Федор Стройцев, ехал в это время на своем узике по разбитой гусеничными трелевщиками просеке и думал о жизни. Все складывалось совсем не так, как представлял он себе много лет назад. Думал, школа, институт, аспирантура. Конечно, так как задумал, не было. Между школой и техникумом, в институт он не поступил, баллов не хватило, встряли пять лет на лесозаготовке. А в институте пришлось учиться заочно. Да и хрен ли толку от этого института, когда жизнь диктует свои правила, далёкие от норм... Вот стал он писать докторскую, не закончил. А ведь тема важная –почвенный, гидрологический и ботанический аспекты смешанных сибирских лесов. Даже китайцы проявляли интерес к работе, потом остыли, видимо, слишком долго он корпел над своим трудом в перерывах между заготовкой. А время не стоит на месте. Изменились условия, политическая ситуация, всё изменилось. Когда –то он мечтал пробиться в академию... Потом понял – пустое это. Кому они нужны сегодня академики? Нет, как видно до конца жизни его академией будут комары, да трелевщики с палаткой. Никому не расскажешь, что испытывает взрослый, умудренный жизнью мужик, просыпаясь утром в тайге и понимая, что жизнь прошла, и нет никого вокруг, кому можно об этом сказать. И семьи у него даже нет, и лес, которому он посвятил жизнь, продают на корню японцам и китайцам. Что же в сухом остатке, думал Федор Михайлович, вырубив свой допотопный джип на место, где суше. Получалось - ничего. Рубку леса, иначе, как хищнической не назвать. Двадцать лет назад он написал, в какой пропорции изменяется экологическая среда с каждым вырубленным деревом. И Купцов обещал людям, с которыми работал, что реликтовый сосняк и ельник не тронут. А что теперь? Весь лес спилили и сосняки с ельниками никто даже не собираются восстанавливать. Как ему смотреть после этого в глаза лесозаготовителям? Это же не просто экология, это громадные деньги! Каждое дерево в твердой валюте!

Машина, попав на грязь, вдруг заюзила и заехала передними колесами в глубокую лужу. Побуксовав, Стройцев заглушил двигатель и остался сидеть в машине, размышляя. Вспомнились вдруг году службы в Средней Азии. Ах, какие там деревья! Двухсотлетние чинары. Вот бы здесь росли такие! К такому дереву ни один китаец не подойдёт с бензопилой, побоится. А здесь у них в Сибири что? Какой –то сероольшатник. Рубят его почём зря, да ещё половину в лесу оставляют, собирать некому. Что же остается? На каждой делянке сегодня по 30-70 кубометров брошенной древесины. Ее бы и продавать китайцам, а конторские вместо этого сдают под вырубку хороший строевой лес... Эх, а ведь кто –то набивает себе карман этими страшными деньгами! Вот если б ольха превратилась в платаны, а? Посмотрел бы я, как расширятся глаза у китайцев!

Стройцев вышел из УАЗика, чтобы посмотреть, как застрял. Правое колесо было на кочке, левое почти полностью увязло. Они еще заставляют собирать мужиков из его бригады сероольшатник, подумал он. Спасибо таким, как Смирягин и Усольцев, хорошие парни, а то бы давно всех послали и уволились... Но как быть теперь, когда на глазах рубят столетние ели? Как объяснить теперь, что леса плохого не бывает, что надо использовать любой, если....

- Слега нужна! – Вслух и очень зло сказал Стройцев, и пошел в лес.

Шли последние деньки марта, снег почти уже растаял и Федор Михайлович выбирал прогалины, чтобы ставить туда ногу и хоть так приобщиться к ранней в этом году весне. В одном месте он увидел сморчок, сморщенный и желтый, тот рос на пеньке, подставив свой кудрявую голову под лучик солнца, который пробился через еловую лапу. Погладив его мизинцем, Стройцев пошел дальше, отодвигая еловые лапы и по –хозяйски присматриваясь к лесу. Этот участок он хорошо знал. За пригорком начиналась делянка главного пользования –осинники

и березняки. А ельник здесь трогать нельзя. Только –только начал подрастать второй ярус. Нагибаясь и вставая, бригадир шел все глубже и глубже в лес, в поисках надежной, длинной слеги. Неожиданно он увидел, что стоит у подножия сопки, той, которую в народе кликали Бусиновая из-за редкого, похожего на нитку бус леса, опоясывавшего вершину, и им овладело непонятное и в то же время страстное желание взобраться на нее, и как в детстве окунуться в природу, вдохнуть ее божественного запаха, замереть на секунду от вида верхушек леса и синего неба, присесть, обняв колени, на землю, а потом найти в вышине свою птицу, которая, кружась, расскажет о будущем.

По мере того, как Федор Михайлович поднимался вверх, грустные мысли оставили его и он шел, напевая себе под нос что –то веселое. Через пол –часа он был на вершине сопки, глядя на соседнюю, что стояла в каком –то километре от этой и которую в Счастливом прозвали Горшечная. Преодолев последние пару метров, Стройцев взобрался на вершину и, сделав еще пару шагов, повернулся и застыл, увидев вдали город. Счастливый лежал в котловине, как и прежде, но сверху он словно был накрыт каким –то розовым туманом, который при внимательном рассмотрении напоминал сферу. Круги этой сферы сужались кверху, будто уменьшаясь, и делали ту часть, которая смыкалась с небосводом похожей на колпак. Никогда раньше Федор Михайлович подобного оптического феномена не видел. Может, это радуга, размышлял он. Но ведь грозы –то не было. Да и не бывает гроз так рано весной.

Тут он заметил одну вещь. От города, что лежал под ногами, там и тут отделялись и уходила наверх похожая на чёрную кисею тоненькая лента копоти, вроде той, что бывает, когда чадит керосинка. Но что –то подсказывало Фёдору Михайловичу - это не дым. А что же тогда? Присмотревшись он увидел, что вся копоть собирается в кольцо, наподобие тучи вокруг середины горы. И в глубине её вспыхивают то ли молнии, то ли сполохи света и всё при этом клочечет. Его первой мыслью было то, что чёрная сфера ни что иное, как результат безжалостной вырубки леса и предвестие экологической катастрофы. И это объяснение показалось Стройцеву самым убедительным, поэтому он сразу заторопился спуститься вниз, чтобы рассказать об этом друзьям, обсудить это со знакомыми и поделиться размышлениями с начальством. Но не успел он сделать и двух шагов, как его взгляд упёрся в нечто, что заставило его замереть, выпучив глаза. Там, где раньше был сероольшатник стояли теперь

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.